

ПЕТР СОСНОВСКИЙ

КОЛЯ-КОЛЯ-НИКОЛАЙ

Петр Сосновский

Коля-Коля-Николай

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70445635

SelfPub; 2024

Аннотация

В книге, состоящей из рассказа и двух небольших повестей, описаны нелегкие судьбы разных непохожих друг на друга людей. Однако все они как могут борются, не опускают руки, и это наносное, похожее на ил, смывается, уходит прочь, а жизнь... жизнь вся впереди.

Содержание

ПОДОРОЖНИК	5
ГДЕ ТВОЯ ФУРАЖКА, КАПИТАН?	7
ПРОКЛЯТИЕ	31
КОЛЯ-КОЛЯ-НИКОЛАЙ	88

Петр Сосновский

Коля-Коля-Николай

Посвящается матери Надежде Кондратьевне за любовь и понимание.

ПОДОРОЖНИК

Смешно мне было, я смеялся,
Поранившись, бежал домой,
Лист подорожника казался
Волшебной доброю травой.
На рану мать рукой шершавой
Его легонько приложив:
«Не нужно плакать, – мне шептала, -
Не полагается большим».
И слезы быстро высохали,
А за окном носился свист:
Меня играть ребята звали.
Я поворотлив был и быстр,
Бежал, забыв уже о боли,
За ними вдаль, к лесной реке,
И, оглянувшись где-то в поле,
Мать видел в беленьком платке.
Она стояла долго-долго
Вот и сейчас мне смотрит вслед.
Я знаю в жизни будет много
Различных радостей и бед.
И так как в детстве со слезами
Приду однажды я домой,
И успокоит мать словами,

Волшебной вылечит травой.

ГДЕ ТВОЯ ФУРАЖКА, КАПИТАН?

Детство как никакая другая пора жизни человека переполнена мечтами. Кем только мы ребята не хотели быть – я, мои братья – Александр и Василий – космонавтами, чтобы с большой высоты обозревать землю, геологами – искать полезные ископаемые для страны, а еще моряками.

Море нас манило. Мы жили далеко от его берегов, в глубинке и, наверное, поэтому жаждали приключений: зимой, лежа на горячей печке, когда за окном бушевала вьюга, летом после уборки сена, развалившись на стоге, глядя в бездонное синее небо на облака. Я представлял себя на большом белом лайнере, рядом были мои братья, Александр – на капитанском мостике.

Жизнь распорядилась иначе. Мои мечты сразу же после службы в армии быстро рассеялись, утратили свою актуальность, я отправился в Москву к родственникам, устроился на завод, поступил в институт на вечернее отделение и о море забыл, забыл, казалось, навсегда – моя будущая специальность была чисто земной. Правда, порой во сне я нет-нет и слышал шум волн, больших, огромных океанских волн.

Мои братья Александр и Василий тоже на море не попали, но оказались ближе к мечте – выучившись, ходили по рекам

Белоруссии.

Братья работали на одном буксире, таскали баржи с грузами. Александр был старше Василия. Он обладал большим упорством, освоился в пароходстве быстро и через год работы мотористом, благодаря своему усердию получил должность механика, а затем уже и капитана.

Младший, наверное, так бы и остался на должности моториста, но образование позволяло (у него был диплом техника), поэтому Александр взял брата за руку и отправился вместе с ним к начальнику пароходства.

– Мне помощник положен?– спросил он у него.

– Да! – ответил усталый пожилой мужчина, развалившийся в кресле.

– Вы знаете, у меня нет помощника! Теперь есть. Вот он, у вас перед глазами, – и Александр представил Василия.

Начальник пароходства тут же согласился. Он не собирался упорствовать. Да это было и ни к чему.

– Ну, хорошо-хорошо, только вот что? Моторист на твоей совести. Ты знаешь, найти человека на эту должность нелегко. Найдешь, и твой брат будет работать помощником капитана.

Александр нашел замену Василию и ни где-нибудь, а в порту. Он не один раз с упоением рассказывал мне, чего это ему стоило. Я не понимал специфики работы ни в порту, ни на речных судах, но одно мне было ясно, Александр мог работать с людьми.

Братья были разными. Я, глядя на Александра, не раз думал о том, что он в отличие от Василия в жизни добьется многого. Мне не раз приходилось видеть его за письменным столом, как-то я не удержался и спросил:

– Снова куда-то пишешь?

– Да! – ответил он. – Пишу, в морское пароходство. Сколько можно ходить по рекам, довольствоваться малым? Я себя вижу на море. Работы я не боюсь, согласен на любую должность. Мне бы только зацепиться...

Время от времени я наведывался на Брянщину в село, к своим стареньким родителям: матери Надежде Кондратьевне и отцу Владимиру Ивановичу. Мои братья приезжали домой чаще, чем я, но, соблюдая очередность, иногда, когда их судно становилось на ремонт, получалось так, что они оказывались дома вдвоем.

Однажды мы собрались все вместе. Я уже не помню, что это был за день. Нам было интересно. Я подшучивал над братьями. Василий отвечал мне. Он к шуткам относился спокойно, а Александр часто злился и уходил от нас.

Я заметил: Александр не в настроении. Мне было непонятно состояние брата. Василий все объяснил:

– Сеня, ты знаешь, что надумал наш средненький? Жениться желает. Правда не знает на ком.

Я решил, что он шутит, и сказал:

– Да у него же есть невеста.

– Есть, то есть, – согласился Василий, – но его невеста

велела ему подождать, пока она не закончит институт. А он ждать уже не хочет, вернее, не может, – объяснил мне брат. – И теперь кричит, чтобы я вместе с тобой нашел ему девушку. Мать вчера была в центре, ходила в магазин и заприметила там одну «гарну дивчину». Она работает на приеме посуды. Так вот о ней соседка Анастасия Шувара нашей матери сказала, что если это дочка Ивана Выпова, то лучшей жены для нашего брата и не нужно. Может быть, мы с тобой сходим, взглянем на девушку, Александру интересно наше мнение.

– Хорошо, – согласился я, – давай сходим, все равно делать нечего.

Мы пошарили по углам дома, нашли несколько бутылок из-под воды, смахнули с них пыль, сунули в сумку и, пригладив волосы, отправились на «разведку».

Я шел размеренно, не спеша. Василий, меня торопил. Он боялся, что мы можем опоздать, начнется обед и тогда придется без толку целый час болтаться у всех на виду – в центре села. Но – обошлось. Еще издали я заметил, что окно приемного пункта открыто, а значит, просто так мы не уйдем.

Я первый заглянул вовнутрь помещения и поздоровался, следом за мной Василий.

Брат не удержался и спросил:

– Как зовут, красивую?

На что девушка улыбнулась и тут же ответила:

– Я, Татьяна!

– Он, Семен! – сказал Василий, и ткнул мне в грудь паль-

цем. Я, вынужден был принять игру брата и дополнил:

– Это, Василий!

– Ну, вот мы и познакомимся, – отозвалась Татьяна, – а теперь подавайте мне вашу посуду.

Василий тут же принялся вытаскивать из сумки бутылки. Я брал их у него из рук и отправлял в окно Татьяне. Не знаю отчего, но одну из бутылок девушка забрала, отбросив ее на пол, а, не поставив в ящик вместе с остальными. Я хотел воспротивиться: мы к ней можно сказать на смотрины пришли, чтобы после познакомить с нашим братом Александром – женихом, а она обманывает, но Василий тайком наступил мне на ногу и заставил замолчать.

Татьяна была не красавица, но симпатичная, Василию и мне она приглянулась. Мы разговорились. Девушка сообщила нам, что закончила всего восемь классов.

– Продолжать учебу я больше не могла. Наша семья живет бедно. Нужно работать – помогать родителям. Вот, так! – сказала она.

Я узнал, что девушке еще нет восемнадцати лет. Из-за этого ее не брали на работу, но мир не без добрых людей – устроили. Еще Татьяна обмолвилась о том, что она иногда посещает танцплощадку. Мой брат не удержался и тут же пригласил ее. Я намекнул Татьяне, что ее ждет сюрприз. Она заулыбалась и, расставаясь, сказала:

– Не знаю, не знаю, может и приду!

Домой мы бежали. Нам не терпелось сообщить о встрече

Александрю. Он должен быть доволен.

– Ну, как ты думаешь, – спросил я у Василия, – она на танцы придет?

– Конечно, – ответил мне брат. – Ты, что сомневаешься? Я промолчал. О девушках я тогда мало знал, и судить не мог.

Вечером мы нарядились и втроем пошли на танцы, где и познакомили Александра с Татьяной. Девушка брату понравилась с первого взгляда. Он не отходил от нее и по окончании, когда музыка на танцплощадке затихла, и свет стал гаснуть, отправился ее провожать.

Скоро мы от него узнали, что он сделал Татьяне предложение. Она согласилась, но сообщила, что у нее есть парень и неплохо было бы Александру с ним поговорить, когда тот приедет на выходные – он учился где-то в городе.

Мой брат встретился с ее парнем. Он оказался его хорошим знакомым. В конце недлинного разговора тот сказал:

– Знаешь, Саша, я жениться на Татьяне не собираюсь, рано мне еще. Правда, если бы и был готов – не женился! Странная она какая-то. Я не понимаю ее. С одной стороны, девушка как девушка, все при ней: руки, ноги, голова, но есть в ней какая-то непонятная жадность. – Он помолчал немного, а затем продолжил:

– Не так давно, я, как элегантный кавалер, преподнес ей шоколадку. И что ты думаешь? Она съела всю сама, даже не предложила. Шоколадка, так себе – мелочь, но с чем связан

этот ее поступок? Я считаю, что никак не с поведением – в этикете она разбирается. А вот эгоизма в ней, хоть отбавляй. Так что решай сам. Я тебе ее уступаю. Если хочешь мой бесплатный совет, не спеши!

Это были первые трезвые слова обо всем подумать, может быть, опомниться. Но брат уже ничего сделать не мог. У Александра, как у того большого белого лайнера двигателя были запущены. Он стоял на его мостике в красивой черной форме капитана и смотрел вперед; согласно, наметенного курса.

Дня через два-три после танцев, девушка пригласила нашего брата к себе в гости, но попросила, чтобы он пришел один.

Александр, облачившись в свою парадную форму, отправился к ней домой. Мы с нетерпением стали его ожидать. Он появился под вечер. Я сидел во дворе на ступенях крыльца и пытался читать книгу. Василий находился на улице, у дома. Вдруг до меня донесся его голос:

– Сеня, Сеня, скорее, скорее – смотри, наш средненький идет пьяный в дым и без «головы».

Я выскочил на улицу. Александр шел, переваливаясь с ноги на ногу, глаза его странно блестели, голова была без фуражки.

Уже позже, проспавшись, брат рассказал нам, как прошло его знакомство с семьей Татьяны. Вначале все было нормально, по-людски, но, когда, сели за стол, ее мать напилась и по-

лезла к будущему зятю целоваться, затем плакала, ругалась. Отец Татьяны, пытался образумить жену. Ну, куда там. Их младшие дети – сын Миша и дочка Надя, бегали вокруг стола, приплясывая и, хлопая в ладоши, кричали, нервно смеялись.

Встреча с родителями Татьяны оставила у нашего брата неприятные ощущения. Чтобы заставить Александра о них забыть девушка вырвала его из-за стола и потащила к своей бабушке Булихе.

Далеко им идти не пришлось – она жила в ста метрах от дома Татьяны, на краю села в старой покосившейся избе.

Они вошли в темное неприглядное помещение. Булиха возилась у печи. Татьяна окликнула бабушку.

– Меня, – сказал Александр, – она представила как своего жениха.

Черными большими глазами Булиха долго меня осматривала, а затем, перебросив взгляд на внучку, вдруг спросила:

– Танюшка, ты хорошо подумала? – скажи мне, ты хочешь за Александра замуж?

Она, как нам рассказал брат, без задержки выдохнула:

– Да, бабушка! Да!

– Ну, хорошо, хорошо, внученька. Я тебе перечить не буду. Пусть будет по-твоему, – сказала ей Булиха и пошла, накрывать на стол.

Александр, выпивший у родителей Татьяны всего ничего, был не пьяным, однако в гостях у бабушки от какой-то с на-

персток рюмки почувствовал себя сломанным: изображение как в неисправном телевизоре вдруг поплыло, слова стали сливаться в сплошной гул.

Что было потом, он не помнил. Даже то, как он добрался до дома, для него осталось тайной.

Я не был свидетелем того, как развивались события дальше. Мне трудно было поверить, что у Александра с Татьяной в будущем что-то могло быть.

Прошло дня два-три. Я уехал. Мне нужно было возвращаться в Москву. Уехал и забыл.

Однако вскоре я получил «молнию» – телеграмму-приглашение:

– Сеня срочно приезжай. Я женюсь. Моя свадьба состоится... – Ниже число и подпись: Александр и Татьяна.

"С чего бы это? – подумал я, но что мне оставалось делать – выполнить пожелание брата».

Я быстро оформил на работе отпуск за свой счет и выехал.

Дома я оказался раньше моих братьев. При мне к родителям не раз заглядывала соседка Анастасия Ивановна Шува-ра.

– Надежда Кондратьевна, Владимир Иванович, что я вам скажу: – это не дочь Ивана Выпова, – и она принималась шептать им что-то гадкое о будущей жене Александра.

Я не желал слушать тетю Настю и уходил. У меня еще была возможность поговорить с родителями наедине. Мнение отца, да и матери, хотя она была больше, чем он подверже-

на влиянию брата, часто различные – звучали в унисон. В их словах проскакивало: «Это все она, Булиха, ведьма проклятая сделала». «После помолвки Александра и Татьяны, – сказали они мне, – двери дома не закрывались, шли люди, хорошо знающие нас, и умоляли, просили эту свадьбу расстроить. Настя – это что? Так, цветочки... Ты старший брат, ты должен с Александром поговорить и переубедить его, если не удастся, то хотя бы добиться переноса свадьбы на зиму, когда закончиться навигация. Возможно, Бог даст и ничего не будет».

Понять, чем вдруг Татьяна стала не устраивать родителей, было трудно. Мне, молодому парню, слова отца, да и матери о том, что у нее в роду одни пьяницы и прощелыги, хороших людей нет и не было, ничего не говорили. В одном я был с родителями согласен, Александр спешил, иначе бы не откликнулся на их просьбу. Я нашел время, поговорил с братом, но мой разговор ничего не дал. Александр меня не слышал.

Свадьба состоялась. Что мне запомнилось? Было шумно. Гости много пили. Однако водка так и не смогла придать торжеству необходимого веселья. По окончании свадьбы друзья Александра, перед тем как уйти в темноту осеннего холодного вечера, долго хлопали его по плечу и непонятно чего желали, со стороны казалось, что они навсегда прощаются с ним.

Молодым – Александру и Татьяне родители выделили

комнату. Утром, в первый же день, они рассорились. Татьяна оказалась яблочком не целым, а надкушенным. Отец потребовал, чтобы Александр выгнал ее, как это делалось издавна в нашем селе, сохранявшем обычаи старообрядцев, но брат решил скрыть позор.

– Ты даже не расписан с ней. Что тебе стоит, будь мужчиной, отправь ее туда, откуда она пришла, не связывайся, – кричал Александру отец, но, конечно же, напрасно.

– Она молодая, – твердо сказал брат, – ее обманули. У нас будет все хорошо...

Но это «хорошо» почему-то не приходило. На работу в Белоруссию Александр уезжал с тяжестью на сердце. В глубине души его «грыз червь сомнения». Он, оставляя Татьяну дома, не верил ей. Может, из-за того, что она не была с ним откровенна. Мысли, что ее бывший парень скрыл что-то важное о Татьяне, не давали брату покоя. Александр издергался, на него было жалко смотреть. Его ничто не радовало. Он ходил с опущенной вниз головой.

Однажды Василий не выдержал и после того, как от них ушла повариха, предложил брату:

– Что ты мучаешься? Переговори с руководством и возьми Татьяну работать на буксир. Будет рядом – у тебя на глазах.

Александр так и сделал. Он отправился к уже знакомому начальнику, пожилому мужчине в кресле и проблему решил.

Однако не долго длилось время его спокойствия. Вскоре

брат стал ревновать свою жену к мотористам – рабочим букасира.

Навигация закончилась. Молодая семья жила у родителей. Настал день совершеннолетия жены. Татьяна подошла к Александру и попросила его оформить брак официально. Перед тем как им пойти в Сельский Совет они снова рассорились. Я и Василий думали, что они разойдутся, смысла быть вместе мы не видели. Особенно пытались расстроить союз Александра и Татьяны наши родители. Но, не тут-то было. Александр уперся.

– Чтобы разойтись, я должен официально жениться, – сказал он.

Брат пожелал иметь запись в паспорте. На что он надеялся? Может, Александр думал, что жизнь его от этого изменится?

После регистрации брака, родители решили подыскать молодым жилье. Они устали от их частых скандалов. Отец однажды не выдержал и сказал мне:

– Чем черт не шутит – вдруг все уладиться. У меня с твоей матерью в молодости тоже были распри, пока не стали жить самостоятельно.

Ждать помощи от свата и сватьи было бесполезно: у матери Татьяны деньги не задерживались – все уходило на водку, поэтому мои родители, думая о будущем семьи своего среднего сына, выложили круглую сумму и купили молодым дом. Дом был не новый, но крепкий – две большие комнаты, се-

ни. К дому прилагался погреб, сарай и огород в пятнадцать соток. Жить можно было.

Отец Татьяны сам был в трудном положении. При редких встречах жалел своего зятя и не раз говорил ему:

– Александр, хвалить я Татьяну не могу она вся в мать. Главное для нее – она сама. Любить должен будешь ты! Она может лишь принимать. Не жди, не поделится своими чувствами. Но знай, если твоя любовь к ней будет безрассудной, она тебе обойдется недешево, может стоить жизни. Поэтому бросай ее и беги, беги, куда глаза глядят, спасайся.

Наконец наступило время, когда тесть не выдержал и сделал сам то, что предлагал сделать своему зятю. Он окончательно порвал со своей семьей и уехал на Украину, в город, где он когда-то учился на тракториста, к женщине, давно ждущей и готовой принять его. А мать Татьяны тихо спивалась. Она совсем перестала заботиться о детях – Мише и Наде. Их сестре они также были не нужны. Кто-то из сельчан, посочувствовав детям, отписал отцу. Он приехал и забрал их с собой в новую семью.

Во время ссор с Александром, Татьяна бежала жаловаться не к матери. Она искала успокоения у бабушки Булихи. Та, желая помочь внучке, уговаривала ее сблизиться со свекровью и свекром.

Александр раньше не курил, к спиртному относился равнодушно, но семейные дразги вынуждали его время от времени братья то за сигарету, то за рюмку. Он делал это для

успокоения. Потом Александр, потеряв над собой контроль, напивался до чертиков, и уже тогда не помня о своей природной интеллигентности, ругался как сапожник. Татьяне это все было безразлично. Она не раз ему говорила:

– Если хочешь, пей! Твои выпивки мне не мешают. – Правда, Татьяна сама не брала ни капли в рот. Возможно ее мать, вызывавшая отвращение своим видом, как-то действовала на нее и рука, поднимая рюмку в дни каких-нибудь торжеств, сама собой опускалась.

Долго, из года в год Татьяна пыталась сблизиться со своими новыми родственниками, завоевать их признательность. Александр в родительском доме кроме поучений и указаний как нужно жить ничего не получал. Не дождавшись сочувствия матери и отца, он все чаще и чаще искал его у тещи за бутылкой сивухи.

Пьянство Александра родителям не нравилось. Но, что они могли сделать. Брат втянулся.

– Я, когда не пьяный – телок. Я не могу быть грубым, не могу! Я пью, – однажды, сказал он мне, – пью для того, чтобы поставить свою жену на место. – Уж очень часто Александр желал это сделать.

Татьяна научилась разговаривать со свекровью и свекром – перестала им перечить. Она на Александра жаловалась лишь для того, чтобы вызывать к себе жалость. По указке бабушки Булихи, Татьяна для большего упрочнения своих отношений с родителями мужа пошла в вечернюю школу.

– Сейчас, в наше время без образования, ну никак нельзя! – однажды сказала она моей матери. Я был свидетелем ее слов, чувствовал их лживость, но ничего не мог поделать. Она имела вес. Еще более высоким стало положение Татьяны, когда та вдруг после получения среднего образования подала документы в техникум на заочное отделение.

Свекровь и свекор, ставившие знания на первое место и сумевшие дать образование своим детям, могли теперь гордиться ею. Отчуждение сына их выводило из себя. Во время приезда я не раз слышал от них:

– Знаешь, Сеня, – говорили они мне, – как мы можем обвинять невестку? Вначале их частые скандалы мы связывали с возрастом Татьяны, думали: молодая она вот и дурит. Но ведь не только у Александра, но и у тебя жена молодая, но у вас же нет такого. Наверное, это из-за того, что твоя Лена имеет высшее образование. Образование многое значит. Татьяна, мы добились, скоро будет иметь диплом, то есть будет соответствовать Александру. Одно обидно, пока это время наступит, он сопьется. Иногда мы думаем – это хорошо еще, что она с ним живет!

После регистрации брака и покупки дома Александр с Татьяной уволились из пароходства и устроились работать в селе: брат механиком на мельницу, а его жена продавцом в магазин. Я не понимал Александра.

– Что же это получается? – спросил я у Василия. – Он же писал письма. Мечтал ходить по морям-океанам, а тут вдруг

взял и ушел! А белый лайнер?

– Нет белого лайнера, нет! – ответил мне Василий. – Александр и Татьяна хотят прибавления в семье.

Однако детей им Бог не давал. Татьяна из года в год лечилась, даже к московским знаменитостям ездила.

При встрече со мной и Василием, Александр со смешком говаривал о том, что, наверное, надо жену на курорт отправить.

– Я слышал, оттуда все бабы приезжают беременные, – сказал он.

Мы его успокаивали, говорили, что нужно прекратить пить. Будет в доме мир, будут и дети. Однако брат уже без бутылки не мог, хотя и хорохорился, кричал:

– Да я, я в любой момент могу «завязать»! Но пока не хочу, не вижу необходимости. Это вам, вам, ваши возлюбленные не разрешают пить, а я сам себе хозяин, вот вы мне и завидуете.

Разногласия между Александром и Татьяной иногда перерастали в такие жаркие ссоры, казалось, что все, они разведутся. Но не тут-то было, Татьяна вдруг останавливалась, хватала мужа за руку и тянула к своей бабушке.

Побывав в гостях у Булихи, Александр успокаивался. Домой брат возвращался совершенно другим человеком. Он любил, боготворил Татьяну, готов был носить ее на руках. Однако мир в семье длился недолго. Ни с того ни сего собирались тучи, начинали сверкать молнии и греметь громы.

Семейные фотографии безжалостно разрывались на две половинки и раскладывались по отдельным альбомам.

Как-то раз они очень сильно повздорили. Дело все же дошло до развода, так как вытащить из дома Александра Татьяна не смогла. Ни какие ее усилия теперь уже не помогали. Он, отказавшись наотрез двинуться, ругался, отталкивал ее руку. Татьяна вынуждена была пойти к бабушке Булихе одна. Ее не оказалось дома, и она бросилась к своей матери. Та, как всегда, была пьяна и валялась на полу. Кое-как растолкав ее, Татьяна узнала о смерти своего отца и о том, что бабушка уехала на похороны.

В сельсовете Александра и Татьяну быстро развели. Описали и поделили их имущество. Дом был оформлен на Александра, как дарственный, и Татьяне пришлось уйти. Жить с пьяницей-матерью она не захотела, поэтому обратилась в правление совхоза. Ей дали жилье – небольшую комнатку, куда она и переселилась.

Александр жил спокойно и даже на какое-то время перестал пить. Его снова стали посещать мечты о море. А однажды я застал его за письменным столом.

– Пишу, в морское пароходство, – сказал он мне. – Сколько можно прозябать на берегу...

Татьяна, в отличие от своего бывшего мужа наоборот жила шумно и весело. Назло Александру она стала привечать разных мужиков. У нее часто останавливались какие-то командировочные, особенно любил гостить милиционер Гри-

горий. Он должен был по своей работе колесить по всему району, но отчего то часто задерживался у Татьяны.

Так уж получилось, что Татьяна вдруг забеременела. Об этом она сказала своему любовнику. Григорий возгордился:

– Видишь, – кричал он ей, выпив рюмку водки, услужливо налитую Татьяной, – видишь, кто настоящий мужик!

Но «мужиком» он оставался недолго. Довольно скоро о его похождениях и месте пребывания стало известно законной жене. Она, неожиданно, вместе с матерью Григория нагрянула в комнатку Татьяны, устроила скандал, и забрала мужа домой. Татьяна осталась одна ждать рождения ребенка.

Похоронив сына, отца Татьяны, приехала бабушка Булиха. Она приехала не одна – привезла младшую внучку Надю. Миша, с бабушкой не поехал, женившись, он остался жить в городе.

Некоторое время Надя находилась у бабушки, но старой женщине было трудно воспитывать девочку, и она решила ее пристроить. Как-то раз, встретившись с Александром в центре села, у магазина, Булиха пригласила его в гости.

– Александр, я не знаю, какие там у тебя отношения с Татьяной, но я на тебя зла не держу, поэтому приди ко мне... ну хоть в эту субботу, поможешь мне забор поправить и то хорошо!

Пришла суббота, и Александр явился к бабушке Татьяны. В горнице был накрыт стол. Еда была самой простой: вареная картошка с укропом, салат из огурцов, порезанное круп-

но соленое сало. Стояла на столе и бутылка, все та же, которую он уже не раз видел раньше. Булиха налила по рюмкам и сказала:

– Давай выпьем моего вина, как ты его там называешь? А, вспомнила, «вино из одуванчиков», после обо всем поговорим.

Александр поднял рюмку и стал пить маленькими глоточками. Как бы случайно в комнате появилась Татьяна. Вспыхнувшая вдруг у Александра в глубине души обида на нее странным образом стала гаснуть. Дьявольски горький напиток туманил голову, прошлое забывалось, уходило в небытие, хотелось чего-то нового и, конечно же, вместе с Татьяной.

От бабушки Булихи они ушли под руку. После ночи любви и согласия Татьяна переехала жить к Александру. Перетаскивать вещи им помогала сестра Татьяны – Надя. Вместе с вещами они перетащили и ее.

Скоро у Татьяны родился ребенок – девочка. Назвали ее Анной. Казалось, в дом вместе с ребенком должно было прийти и согласие, но, не тут-то было. Татьяна все делала, чтобы Александр не чувствовал себя полноправным отцом. Постоянные напоминания Татьяны, что Анна ребенок не его – мучили Александра, и он бежал к теще. Там он вдрызг напивался и шел домой, горланя на всю улицу: «Ну, я сейчас устрою своим бабам разгон, будут знать меня».

Прошло время, сестра Татьяны Надя стала взрослой. По-

сле окончания школы она вышла замуж за какого-то, на ту пору подвернувшегося парня и уехала из села. Но ненадолго, скоро Надя возвратилась к сестре, но уже с ребенком на руках. Приехал и ее брат Миша, семейная жизнь у него также не удалась, он оказался человеком пьющим, вот его жена и выгнала.

Время от времени я, приезжая в гости к родителям, заходил и к Александру. Он, выпив рюмку за встречу, обращал мое внимание: «Посмотри вокруг, видишь, у меня здесь не дом, а осиное гнездо, все жужжат, чего-то от меня хотят, с ума можно сойти».

Первой, такой жизни не выдержала сама Татьяна. У нее были припрятаны кое-какие деньги и поэтому она, неожиданно для Александра, купив домик, переехала жить туда. Официально Татьяна считалась разведенной, Анна уже была ребенком большим – ходила в школу. В помощи Александра не было необходимости.

Затем, после бегства Татьяны, приехал муж Нади, отругав ее – забрал вместе с ребенком к себе. Мише ничего не оставалось, как уйти к матери. Дом, в котором жил Александр, погрузился в тишину, но брат уже не мог жить спокойно, для него это было равносильно смерти. Может быть, по этой причине, он сам стал навязываться Татьяне.

Александр частенько, как следует, под завязку, нагрузившись водкой у своей бывшей тещи, ходил по селу и всем жаловался на неблагодарность своей супруги, которую он вы-

ташил из грязи, выучил, устроил на хорошую работу, был отцом ее ребенка, вырастил ее сестру, отдал замуж, а вот теперь стал ей не нужным.

Скоро до него дошли сведения, что Григория милиционера выставила жена и что он, возможно, теперь живет у Татьяны. Тайно, ночью Александр, топчась под окнами дома Татьяны, пытался подсмотреть, где она его прячет. Однако, не увидев милиционера, брат уходил. Но ненадолго лишь чтобы пропустить у своих дружков-пьяниц одну-другую рюмку водки, затем Александр возвращался и устраивал у дома Татьяны скандал.

Однажды я приехал к родителям, отдохнул после дороги и вышел за калитку. На улице быстро темнело. Вдруг на дороге я увидел соседку Анастасию Ивановну. Она остановилась возле меня и спросила:

– Где мать? – и тут же добавила, – или отец? Ты, можешь мне сказать – дома кто-нибудь есть? – Оттолкнув меня, она пошла во двор.

– Надежда Кондратьевна, Владимир Иванович вы не представляете, что твориться? – услышал я ее голос. Тут же громко хлопнула калитка, и соседка прошелестела мимо меня. Я так и не понял, зачем она приходила. Обстановку разъяснил брат Василий. Он появился тут же после Анастасии Ивановны.

– Сеня, ты дома! Вот и хорошо! Нельзя терять ни минуты, побежали к Сашке, – закричал он, – наш средненький

вешаться надумал.

Я быстро собрался и вместе с братом окунулся, как в воду – в темноту ночи. По дороге Василий жаловался мне на Александра. Раньше такого не было, он никогда ничего не говорил о брате, но теперь, очевидно, уже не мог молчать. Ему, так как он жил со своей семьей рядом, постоянно приходилось выслушивать и решать проблемы Александра, а затем, порой, быть виноватым во всем, что у того не ладилось.

Когда мы вынырнули из темноты ночи, на свет небольшой лампочки, горящей на крылечке, то сразу же увидели Александра. Он сидел на ступеньках крыльца и плакал. Сквозь всхлипывания проскакивали то слова горячей любви к Татьяне, то слова ругательства, в которых не было недостатка. Тут же рядом, как на бесплатный спектакль, собрались соседи, прячась в темноте ночи, стояла и Татьяна, желающая все о себе знать. Не знаю, может быть, ее самолюбию льстили его слова признания в любви, и она, глядя на окружающих, думала: «Вот я какая, ради меня Александр готов на все». А может быть, она в этот миг, обновлялась, становилась другой. В разговоре выяснилось, что весь сыр-бор разгорелся из-за того, что до Александра дошла новость о том, что Татьяна выходит замуж за Григория. Я с братом кое-как успокоил Александра. Мы уговорили его выспаться и утром на трезвую голову пойти к Татьяне, чтобы выяснить отношения. Василий не удержался и сказал:

– Было бы из-за кого представление устраивать! Тебе вон

вызов пришел. На море зовут, а ты?

Мы уложили Александра спать, спрятали веревки, а также все режущие и колющие предметы в доме какие могли оказаться вдруг поблизости от него, и, разогнав зевак, удалились.

Утром, проспавшись, Александр пошел к Татьяне, но ее дома не было. Тогда он навестил дом своей бывшей тещи. У нее он также ее не нашел. Оставалось одно место, где Татьяна могла быть. Брат направился к Булихе, открыл калитку, вошел во двор, постоял немного осмотрелся и позвал бабушку. Но она не отозвалась. Тогда Александр заглянул в избу. Уже стоя на пороге, он вдруг почувствовал себя как-то иначе, чем раньше, когда бывал у Булихи. Что-то наносное, черное, похожее на ил смывалось волной, поднимаемой большим белым лайнером, ходить на котором он мечтал в детстве. Ему становилось легче, казалось, бесцельно прожитые годы куда-то уходят, а жизнь... жизнь – вся впереди. «Что вчера говорил Василий? – начал вспоминать Александр. – Он сказал – мне пришел вызов. Ах, вызов!» и брат резко повернулся, чтобы уйти и вдруг он увидел свою капитанскую фуражку, ту самую, которую считал, что утащили дети, когда его впервые привела Татьяна к своей бабушке. Александр взял ее, надел на голову и вышел. На улице он сам себе приказал запустить те самые двигатели, которые невозможно остановить. Александр шел намеченным курсом. В красивой черной форме капитана он стоял на мостике большого белого

лайнера и смотрел вперед, только вперед.

1996г.

ПРОКЛЯТИЕ

1

Моя судьба складывалась так, что я долгое время не женился. Первым, кто осмелился обзавестись семьей, был мой средний брат Александр, затем младший – Василий. Пожившись, братья остались жить в родном селе.

Сестра Анна, самая младшая, вышла замуж в Сибири, в небольшом городке, куда она попала после окончания техникума, по распределению.

Никто из моих братьев не смог присутствовать на свадьбе сестры. Я по праву старшего, после родителей, был первым гостем.

Торжество состоялось в небольшом кафе, там я познакомился с мужем Анны и с ее новой родней.

Небольшой городок, в котором стали жить молодые, располагался в красивом живописном месте: тайга, горы и множества падающих вниз ручьев.

Однажды я провел у них весь свой отпуск. Анну я не узнал. Она от счастья словно светилась. Возможно, тогда, глядя на нее, я и поддался желанию изменить свою жизнь.

Сколько еще лет ходить мне холостым? Пора и образумиться.

Я думал, женюсь быстро. Девушка у меня была, ее звали Людмила Шувара. В детстве нас ребята дразнили: «Тили-ти-

ли тесто жених и невеста».

После окончания школы и службы в армии я сел в поезд и уехал в Москву, а она, окончив техникум, тот же, что и моя сестра – куда-то в Костромскую область.

С Людмилой Шуварой я и решил связать свою жизнь.

Она была подружкой моей сестры. Анна давно знала о моих симпатиях к Шуваре. Подталкивала нас друг к другу. Ей хотелось, чтобы мы были вместе. Слова, которые она случайно услышала от меня, о том, что я решил сделать Людмиле предложение, Анна восприняла на ура и, вызвалась мне помочь.

– Сеня я напишу ей, – сказала сестра. – Вот увидишь, мы в миг сыграем свадьбу!

Я хотел остановить ее, но удержать сестру было невозможно. Однако попытки Анны ни к чему не привели. Мне тоже не удалось ничего сделать. От серьезного разговора Людмила уклонялась. Едва я открывал рот и принимался говорить, как она меня прерывала:

– Сеня, я сейчас ничего в своей жизни менять не могу, не сердись на меня, хорошо!

После ее слов, я, разворачивался и уходил. Но обижаться на Людмилу долго я не мог, так как меня все время тянуло к ней.

Сколько раз я пытался забыть Шувару, найти себе другую девушку, но это мне никак не удавалось. Хотя возможности были. Я работал на большом заводе, по вечерам учился в ин-

ституте. Друзья, да и просто знакомые пророчили мне блестящее будущее. Но чем больше я знакомился с девушками, тем больше в них разочаровывался. Невольно я сравнивал их с Людмилой, чего, конечно, делать не нужно было.

Женился я неожиданно и, конечно же, не на Людмиле. Моей женой стала совсем другая девушка. Не знаю, забыли ли я Шувару или нет, но Еленой – так звали мою жену – я был доволен.

Встреча произошла случайно. В Манеже, проходила выставка. Я, посетив ее, пройдясь по Александровскому саду, через Исторический проезд выбрался на Красную площадь. Была прекрасная летняя погода, и мне не хотелось ехать в метро. Я решил спуститься к реке, а затем сесть в автобус и проехаться по набережной Москвы-реки.

Поднявшись на Красную площадь, я столкнулся с девушкой, вернее она сама бросилась ко мне, протягивая фотоаппарат:

– Молодой человек, можно вас на минуточку?

Одно время я увлекался фотографией. Мне в ней нравился процесс подготовки к съемке. Держа в руках камеру, я мог без стеснения рассматривать человека, которого фотографировал, руководить им. Иногда мне удавалось заглянуть глубже и увидеть то, что обычно скрывается за внешним видом.

Взяв в руки старенький «Зоркий», я не устоял. Вместе мы пробыли не один час. Другая девушка уже давно бы прогнала меня, но Елена оказалась той, которая была мне необходима.

Прильнув к видоискателю фотоаппарата, я в ней увидел свою невесту, жену, мать моих будущих детей.

Елена была родом с Урала. Она жила вместе с матерью и бабушкой. В Москве Елена оказалась проездом. Вечером я проводил девушку на поезд, так как у нее была путевка, и она торопилась в город на Неве:

– Я просто хочу, – сказала она мне, – не знаю, как, но хочу увидеть этот город, походить по нему, подышать его воздухом. В нем родился и вырос мой отец. Хорошо бы, он сейчас был рядом, но его нет. Он умер, когда мне было всего три года.

Во время прощания я не удержался и на виду у всей группы туристов поцеловал Елену. Она же в ответ сказала:

– Ну вот, теперь я буду думать еще и о Москве.

Но думать долго ей не пришлось. Скоро Елена, покинув свой город, переехала ко мне жить.

Первое время нам было трудно. Я не сразу стал хорошим мужем, а она – хозяйкой дома. Семей мы почувствовали себя только тогда, когда у нас родилась дочка.

Веселый, живой ребенок – словно светился. Я назвал дочку Светиком. Жена не возражала.

Моя сестра Анна была рада за меня. Присутствуя на крестинах моей дочери, она сказала:

– Знаешь, брат, Елена больше, чем кто-либо, подходит тебе. Правильно ты сделал, что не женился на моей подруге. Выбрал ту, что надо, – и она в знак солидарности со мной за-

драла вверх большой палец. Я был рад этим словам сестры.

Прошло время, и однажды не кто-нибудь, а Анна, похвалившая Елену, чуть было не разбила мое счастье.

Мне тот день, когда она проездом ненадолго остановилась в Москве, запомнился. Елена вместе с дочерью гостила тогда у своей матери. В доме кроме нас никого не было. Сестра, не знаю отчего, вдруг перешла на шепот:

– Сеня, знаешь, кто со мной хотел приехать? Ни за что не догадаешься? Людмила! Но я, ее не взяла... Как бы ты отнесся, если бы здесь вдруг появилась Шувара?

Не знаю отчего, – возможно поведение Анны заставило меня так ответить, – но я сказал ей:

– Как-как? Просто! Если хочет, пусть приезжает.

Анна тогда кивнула мне головой. Немного помолчав, она перевела разговор на другую тему. Я смотрел и пытался понять, что могло соединять мою сестру с Людмилой. Ведь Анна резко выделялась в сравнении с Шуварой. Сестра была блондинкой, за ней ребята ходили табуном.

Рядом с Анной Людмила всегда проигрывала, ей, казалось, нужно было бы избегать такого соседства, но, они дружили и часто, когда была возможность, встречались.

Когда Анна уехала, я отругал себя за то, что согласился на приезд Людмилы. Мне было трудно понять: «Зачем Шуваре это было нужно? Чего она желала увидеть в Москве? Может, причина – это я?» – вопросы так и сыпались, но ответов у меня на них не было.

Пусть будет, что будет, решил я и о разговоре с сестрой забыл. Но, как оказалось после, напрасно.

Людмила приехала неожиданно. Я ее увидел возле дома, с чемоданчиком в руке, когда возвращался с работы. Она первая меня поприветствовала, и я пригласил ее подняться к себе в квартиру.

Елена встретила нас. Она уже успела сходить в детский сад и забрать Светика. Я представил гостью жене:

– Это! – сказал я, – дочь Анастасии Ивановны Шувары, тети Насти, которую ты знаешь— Людмила!

– Да-да! – ответила Елена. – Я знаю тетю Настю. С ней меня познакомила твоя мать Надежда Кондратьевна.

Елена была не крещеной. Перед нашей свадьбой моя мать настояла, чтобы Елену окрестили. Шувара ей стала крестной.

Моя жена слышала о Людмиле. Я даже знал от кого – от Анастасии Ивановны – та, конечно, ей наговорила много чего... Правда, до этого момента Елена никогда с моей бывшей невестой не встречалась. То, что она спокойно ответила на приветствие Людмилы и без эмоций приняла ее появление в доме, меня обрадовало. Наблюдая со стороны за поведением Елены и Людмилы, я ничего странного в их отношениях не увидел. Все могло быть значительно хуже.

Елена, вела себя с Людмилой, как с давней подругой. Я не раз сам вызывался посидеть с дочкой и отпускал Елену побегать с Шуварой по магазинам. Вместе с женой Людмила

накупила себе много одежды и обуви. Однако неприязнь к моей бывшей невесте моя жена, как ни старалась, скрыть не смогла и как-то сказала мне, когда Шувары не было рядом:

– Сеня, откуда у этой деревенской девушки столько денег?

– Не знаю! – ответил я – расходы, которые Людмила делала в Москве, не интересовали меня. Людмила излучала какое-то тепло. Я чувствовал, что ее любовь ко мне не остыла, и поэтому боялся: вдруг благоразумие покинет девушку. Смогу ли я тогда удержаться?

Общаясь с Людмилой, я постоянно был начеку и готовился противостоять ей, в случае если бы она вдруг попыталась возобновить наши былые отношения. И, конечно, не зря. У Светика резались зубки, дочка вела себя не спокойно. Долгие ночи не только жене, но и мне, приходилось проводить у кроватки дочери, а я ведь еще и работал: по утрам бегал на завод. Я вымотался, как-то даже заснул при глажке пеленок. Елена, искоса взглянув на Шувару, сказала мне:

– Так, к дочке сегодня ночью ты не подходишь. Будешь спать в большой комнате. У нас есть раскладушка. Вот на нее и ляг. На работе, наверное, спишь на ходу – все тебя жалеют и говорят, что жена замучила.

Я со страхом воспринял предложение Елены. Комната, в которой она мне предлагала расположиться на ночь, находилась во-временном распоряжении Людмилы. Правда, до приезда моей бывшей невесты я, а порой и Елена, пользовались ею – отдыхали по очереди, но сейчас этого делать не

следовало.

Мне запомнилась та ночь. Я заснул сразу и крепко, однако сон не был долгим. Среди ночи я вдруг почему-то проснулся. В комнате было жарко, в окно светила большая полная луна и ее лучи падали прямо на меня. Я поднялся и пошел задернуть штору. Нечаянно мой взгляд упал на диван, где спала Людмила. Одеядло валялось на полу, и я увидел прекрасное тело спящей девушки. Оно тянуло, и я не удержался. Черт тогда, что ли, дернул меня, но через мгновение я уже был с ней.

Людмила спала. Мои ласки разбудили ее. От неожиданности она вскрикнула и резко повернулась. Диван был узким, я не удержался и упал на пол. Испугавшись шума, я быстро вскочил и с ужасом бросился на свою постель.

Время остановилось. Опомнился я не сразу. В голове у меня шумело. Нужно было заснуть, но сон не шел ко мне. В квартире стояла тишина. Людмила так же, как и я, лежала тихо. Не знаю, догадалась она, что произошло или нет?

Я от себя такого поведения не ожидал. Девушка случайно сдержала мой порыв. Если бы не она – я не представлял, что могло быть.

Воспоминания о приятных минутах той ночи долго мутили мой рассудок. На душе у меня было гадко. Я чувствовал свою вину перед женой и стремился своим отношением к ней все исправить: выбросить Шувару из головы.

Людмила побыла в Москве неделю и засобиравалась домой. Она уезжала с чувством горести на лице. На меня девушка старалась не смотреть. У нее было много вещей, и я не представлял, как Людмила сможет добраться до вокзала, сам же предложить ей свою помощь я не осмеливался – рядом стояла жена.

– Сеня, проводи девушку, – вдруг сказала мне Елена, – ей одной не справиться.

Я поехал. Сумки «оторвали» мне руки. Когда я сбросил груз, и растолкал вещи по полкам, подумал: освободился. Однако нет, стоило мне сделать попытку, чтобы уйти, как Людмила вдруг резко подняла на меня свои карие глаза. Через мгновение она обняла меня и принялась крепко-крепко целовать.

Я не сумел ее ни приблизить, ни оттолкнуть. Оцепенение, казалось, длилось вечность. Опомнившись, я отскочил от девушки и дал себе слово вести с ней впредь осторожно – не оставаться один на один, рядом должен обязательно кто-нибудь находиться.

Домой в тот день я приехал поздно. Мне нужно было время прийти в себя.

Моя встреча с Шуварой забылась не сразу. Для этого потребовался не один месяц. На дворе была глубокая осень. Погода была мерзкой: часто шли дожди, иногда порхал снег. Ветры толкались в лицо, залезали под одежду, пытались за-

брать последнее тепло. Дочка после отъезда моей бывшей невесты чувствовала себя хорошо. Зубки прорезались и не беспокоили ее, она была веселой и жизнерадостной. Однако недолго. Скоро Светик заболела. Ее болезнь заставила Елену вспомнить слова Людмилы, которые та сказала перед самым отъездом: «Ах, какой у вас прелестный ребенок!»

– Это она, она виновна в болезни нашей дочери, – сказала Елена. Слова Шувары не давали ей покоя. Поведение жены я связывал с ревностью. Но – это было не так.

Я ругал себя за то, что однажды дал согласие сестре на приезд Людмилы. Она внесла в дом волнения.

– Все, Людмила больше к нам не приедет, – сказал я Елене, озвучив свое решение, которое мной было принято еще на вокзале во время проводов моей бывшей невесты.

– Вот и хорошо, – ответила жена, – но уже поздно. Она сглазила нашу дочь. Помнишь, ее хвалебные слова в адрес Светика. Я думаю, это не просто обычная зависть.

Я согласился с женой, однако понимал: Людмила сама могла быть счастливой. Я ее обожал. Сестра Анна не раз говорила Шуваре:

– Люда, ты просто дура! Потом будешь кусать локти, но будет поздно.

Так оно, и получилось. Мстить мне за несостоявшееся счастье она не могла.

Как мог, я пытался успокоить Елену, подыскивал объяснения:

– Все это суеверие. Причина в эпидемии гриппа. Ведь Светик не одна девочка в саду, кто заболел.

– Нет! Не эпидемия! Просто ты или не хочешь верить, или не все знаешь. Ведь семья твоей Людочки, – она так и сказала – «твоей Людочки», – проклята. Будешь у родителей, поинтересуйся у отца. Он тебе расскажет.

– Ну и что, – ответил я тогда, – все это глупости. – Мне не хотелось, чтобы моя жена связывала случайные совпадения в жизни с нечистой силой. Раньше, до крещения, она была более свободной.

Выбор моей матери в крестные Елене, Анастасии Ивановны, был не совсем удачным. Конечно, мать хотела этим как-то помочь, ослабить действие проклятия лежащего на семье Шувар, но кто знал, что все случится так, как случилось.

Мне были памятли слова матери: «Жалко мне ее, – говорила она о тете Насте, – все у них в семье не так. Одна беда за другой. Не знаешь, что и думать. Может проклятие нашего родственника Сафронича действует. Хорошо бы, близость к нашему роду через крещение помогла бы ей».

Однако обряд Анастасии Ивановне ничего не дал. А вот для моей семьи оказался опасным: тетя Настя, моя жена Елена, я, Людмила образовали круг. В нем, в этом круге, оказалась Светик. Так считала жена и мне, как я не пытался сопротивляться, пришлось согласиться с Еленой: грипп – это было начало. Самое тяжелое испытание нас ждало впереди.

Дочь выписали, но, побыв всего лишь один день в детском

саду, она снова слегла. В произошедшем, я не хотел винить мою бывшую невесту – понимал, что ее воздействие на Светика невольное и как-то связано с проклятием Сафронича. Хвалебные слова о Светике, высказанные Людмилой и прощальные поцелуи на вокзале – лишь проявления любви ко мне, ничего более.

3

Болезнь Светика надолго выбила нас из колеи. Однако Сафронич был мой родственник, и я верил, что все будет хорошо, и Елене часто говорил о своем убеждении. Со временем она, конечно, согласилась со мной, но это произошло тогда, когда плохое было уже позади.

В поликлинике жене сообщили:

– У вашей дочери пиелонефрит – заболевание почек. – Я представить себе не мог, что насморк, кашель, небольшая температура все это впоследствии так сильно может подействовать на организм Светика.

Болезнь развивалась быстро. Дочь положили в больницу. Как ни хотела моя жена оказаться рядом со Светиком, ей не разрешили.

Врач, миловидная женщина с тихим голосом, уверенно сказала:

– Девочка уже большая. Ей более трех лет. Больница у нас специализированная, персонал хороший, не беспокойтесь, мы быстро поднимем вашу дочь на ноги.

В больнице Светик провела целый месяц. Мне и Елене встречаться с ней нельзя было: таковы были условия лечения. Для обмена белья – я или жена раз в неделю приезжали и привозили чистую одежду. Каждый раз мы надеялись, что нам покажут дочку, но видеться можно было только лишь с лечащим врачом. Она нас информировала о том, как идет лечение и, если считала необходимым, успокаивала. Однажды нянечка сжалилась и показала нам Светика через окно. Выпускать дочку в приемную разрешили только перед выпиской.

Дочка очень скучала, хотела домой. Ее состояние улучшилось, но мы с трудом верили в то, что Светик здорова: бледность на лице не проходила, это волновало нас. Я, как мог, успокаивал жену.

И вот настал день, когда я и Елена поехали, чтобы забрать нашу дочь из больницы. Всю дорогу жена мне что-то говорила и говорила. Я ее не слышал, думал о Светике.

Зима подходила к концу. В небе светило солнце. На улице было слякотно, под ногами лед. Хлопоты с выпиской мне не запомнились, не запомнил я и того, как мы добрались до дома. Дочь я почти всю дорогу держал на руках, ни разу не поскользнулся. Мне даже в голову не приходило, что нужно быть осторожным, чтобы не упасть.

В больнице во время сбора вещей Светика Елена забыла пижаму и еще что-то из одежды. Она хотела вернуться и забрать их, но я ей не разрешил. Потом жена долгое время му-

чилась:

– Сеня, тебе не кажется, что это плохая примета? – спрашивала она.

– Нет, мне не кажется даже наоборот, я считаю, что вместе с теми вещами Светик навсегда оставила и болезнь. – Конечно, у меня, насчет того, что болезнь к дочери уже никогда не вернется, были сомнения.

Я, чтобы не расстраивать жену, сам лично вызвался ответить Светика в поликлинику. Болезнь у дочери была серьезной, иначе бы ее не поставили на учет. Врач-нефролог уделила нам много времени. Она долго говорила о правильном питании – меню дочери, еще обратила мое внимание на периодичность сдачи анализов и наблюдения у специалиста. Много из того, что она сообщила, я пропустил. Мне не хотелось огорчать Елену. Самое страшное было позади – круг разорвался. Проклятие Сафронича не могло на его родственников так долго оказывать действие.

После выписки Светика из больницы речи о «детском садике» у меня с женой не было. Там не могли ей обеспечить требуемые условия. Адаптацию дочь должна была пройти дома. А вот как долго? Месяц-два – это уже зависело от обстоятельств.

Мы, не могли совмещать работу с уходом за Светиком. Для этого нужно было или мне, или жене увольняться. Мать Елены была не в состоянии справиться с внучкой. Она никогда не занималась хозяйством. Я представить себе не мог,

чтобы Галина Александровна готовила диетические блюда для Светика. Все по дому делала бабушка Елены. Моя теща могла только лишь зарабатывать деньги.

– Я вам лучше помогу наличными, – не раз говорила мне Галина Александровна, и часто помогала – многое в квартире было куплено ею.

Для ухода за Светиком я пригласил свою мать. Она, бросив хозяйство – зимой работы было меньше, чем летом, приехала к нам из села в город.

– Отец как-нибудь сам справится, – сказала она мне. – Корову сейчас доить не нужно. Покормить он ее сможет. Поросятку приготовить и дать тоже не сложно. Куры те не в счет. За ними даже ребенок способен ухаживать. Наверное, мать чувствовала себя виноватой оттого, что в крестные моей жене Елене выбрала Прасковью Ивановну, не знаю. Однако она нам очень помогла.

Моя мать пробыла у нас более двух месяцев. Я просил ее пожить еще, но она вдруг почувствовала себя плохо, причем сама не знала, что и думать.

После отъезда матери за Светиком стала ухаживать Елена. Она взяла на работе отпуск. Месяц пролетел быстро. Нужно было что-то делать.

У нас была добрая отзывчивая соседка бабушка Мария Петровна. Она часто помогала нам, правда и мы в долгу у нее не оставались: покупали ей в магазине продукты.

Мария Петровна женщина старая, ей было более восьми-

десяти лет, она быстро уставала и долгое время сидеть со Светиком не могла. Но, в душе всегда оптимистка: я часто слышал, как Мария Петровна говорила жене: «Леночка, ничего страшного, я справлюсь с девочкой».

Однажды Елена не выдержала и заставила меня взять отпуск:

– Сеня, ты что, не видишь? Марии Петровне самой нужен уход, а мы на нее «вешаем» своего ребенка.

После ее слов я на следующий же день написал заявление на отпуск и понес его к начальнику. Он знал о болезни моей дочери, поэтому ничего не стал говорить о том, что моя очередь еще не подошла, тут же подписал мне бумагу.

Отпуск я собирался провести вместе со Светиком в доме родителей. Они были на пенсии и могли уделить нам достаточно времени. Я хотел, чтобы девочка привыкла к новой обстановке, и затем намеревался оставить ее на все лето в селе. Дочка, за лето должна была окрепнуть. А уж осенью в сентябре-октябре ее можно было отправить в детский садик.

4

Мать, когда я, предварительно связавшись по телефону, сообщил ей о своих планах, была несказанно рада:

– Молодец, Сеня, что ты, наконец, решился приехать, осчастливишь нас. Я у вас не так давно была, а вот твой отец нет. Он, во что бы то ни стало, желает увидеть свою внучку, так что приезжай. Мы, ждем, – сказала она и быстро поло-

жила трубку. В глубине души мать боялась – вдруг я передумаю, и поэтому мне нельзя было обмануть ожидания родителей. И дочери требовался отдых. В детском саду, в городе, летом плохо.

После разговора с матерью я сообщил Елене:

– Собирай нас в дорогу. Я со Светиком поеду в село к родителям. Мне дали отпуск.

Я видел, как жена, укладывая вещи в чемодан, с опаской посматривала на меня. Все складывалось хорошо, но одно ее беспокоило: в селе я мог случайно увидеться с Людмилой.

Для того чтобы снять напряжение я ненароком, вскользь сказал Елене о том, что в последнем письме Анна сообщила мне, будто ее подруга Шувара этим летом в село не приедет – много работы. Не знаю, на сколько серьезно прозвучали мои слова, но ей, как я заметил, от моей лжи стало несколько легче.

Сборы заняли у нас немного времени. Дорога также. Вечером, сев в поезд и устроившись в купе, мы утром уже были на месте.

На вокзале меня со Светиком встретил брат Василий на своем «Жигуленке».

Он пожал мне руку, опустившись на корточки подхватил Светика, поцеловал ее, затем, поставив на ноги, вдруг сообщил:

– Сеня, ты новость слышал? Месяца два назад пропал Григорий. Он заядлый рыбак: в любое время года, независи-

мо от погоды, ловил рыбу. Лед еще не сошел, а он на велосипеде отправился на реку. Наверное, провалился... Велосипед нашли, его нет.

Григорий был наш друг и брат Людмилы Шувары. Мне было жалко товарища. В детстве он ничем не отличался от нас. Однако, когда Григория призвали в армию, у него обнаружилась падучая, его комиссовали. Чувство ущербности, которое он испытал там в армии преследовало парня и дома. Григорий так и не сумел найти свое место в жизни.

Не знаю, сколько бы времени мы стояли у машины, вспоминая о прошлом, но моя дочка отвлекла нас своим криком:

– Папа, папа я хочу на машинке прокатиться.

– Ладно, поехали!– сказал брат.

Светик была в том возрасте, когда возня с детьми вызывает лишь радость. Больших забот уход за ней не требовал. Она уже умела говорить. Речь ее хотя и была не всегда связной, однако, вполне понятной. В случае, если ей все же не удавалось что-то выразить словами, она пускала в ход мимику и жесты.

Ночь в поезде дочка провела спокойно: спала как сурок, а вот днем, когда мы ехали в автомобиле среди полей и лесов, Светик буквально досаждала нас всякими вопросами. Я отвлекся от мыслей о гибели Григория и уже не думал о нем. Василий тоже, он едва успевал отвечать на вопросы моей дочки, которые она задавала. Ему, как я заметил, нравилось ее лепетание. Василий даже пытался ей подражать, ко-

веркая свой язык.

Когда брат подрулил к большому каменному дому, из ка-литки на шум двигателя вышли мать и отец. Мы открыли двери и стали выбираться из «Жигуленка».

Светик первой бросилась навстречу к бабушке. Она под-няла внучку на руки и принялась ее тискать. Дочка залилась смехом. Как ни была весела Светик, она выглядела болез-ненно. Мой отец Владимир Иванович не удержался и тут же это отметил:

– Ничего Света! – сказал он. – Здесь у нас всего много, особенно солнца, воздуха и свободы. Через неделю, другую, твой папа тебя не узнает, – и отец, перехватив внучку у жены Надежды Кондратьевны, понес ее в дом.

Я надеялся, что так оно и будет. Для себя я ничего не ждал, хотя «сельская идиллия» должна быть благотворной и для меня: за время болезни дочери я стал дерганным, не по-хожим на того парня, которым был раньше. Мне требовалась спокойная обстановка.

Светик быстро привыкла к новым для нее условиям. Это меня устраивало. Бабушка и дедушка в ней души не чаяли.

Поселившись вместе со Светиком у родителей, я был уве-рен, что жена немного отдохнет. Мне, конечно, досталось там, в городе, но Елене пришлось еще тяжелее: во время бо-лезни дочери она вымоталась.

В доме родителей я стремился почувствовать себя моло-же, чем был. Однако окунуться, как в воду лесной речки, где

я раньше с друзьями купался, – в детство было уже невозможно. Мой взгляд искал и не находил того, что мне было памятно в окружающем ландшафте новой, незнакомой мне теперь жизни. Много в селе изменилось. Я нервничал, видя эти странные несовпадения, разительно бросавшиеся в глаза. Мне необходимо было к ним привыкнуть. Асфальт, заменивший грунтовые уличные дороги, менял, казалось, даже статус села. Дом родителей у черной ленты – дороги казался мне незнакомым. Правда, он и раньше не был мне особенно близким. Я вырос в другом жилище – бревенчатой избе, которой уже не было, в ней прошло, все мое детство.

Дом, в котором я поселился вместе с дочкой, был каменным, мой отец построил его незадолго до того, как мне уйти на службу в армию. В нем я почти не жил. Натянув на себя солдатскую форму и отмаршировав два года в сапогах с автоматом за плечами, я после увольнения со службы, навещал родителей, а затем уехал в Москву. Так там и остался.

Я не знаю, наверное, в бревенчатой избе вздохи матери, видно недомогание, которое она почувствовала, еще раньше, сидя с внучкой в городе, не прошло, – были бы не так заметны. Все плохое в ее стенах переносилось легче. Так я считал, возможно, правильно, просто время тогда было другое. Природа дерева мне была ближе, чем камня, железобетона, асфальта – атрибуты города не хотелось видеть в селе. И я их старался не видеть.

В центр села, а оно было большим, я все делал возможное,

чтобы не ходить. Территория, которую я помогал осваивать дочери, была усадьба, луг перед окнами дома и пруд. Один из его берегов я со Светиком облюбовал и ходил с дочкой покормить уток. Ей нравилось бросать в воду кусочки хлеба и смотреть на реакцию белого галдящего стада.

День начинался, когда вставала мать. Свою работу она делала без особого шума: тихо выгоняла в поле корову, тихо готовила большие чугуны со всякой всячиной для поросенка и птицы. Затем вставал отец. Он ставил чугуны на плиту и шел кормить скотину. Мать принималась готовить завтрак. После матери и отца поднимался я и самой последней Светик. Правда, такая очередность была не долгой. Наступило время, моя дочь окрепла и стала подхватываться первой.

– Оживает внучка, – сказал отец. – Что я говорил. Целебное действие природы кого хочешь, поднимет.

– Да, ты прав, – услышал я слова матери. – Только вот не на всех эта самая природа действует благоприятно.

Я понимал ее слова. Она бы не оставила свою внучку, когда Светика выписали из больницы. Мать первой откликнулась на мою просьбу и приехала в город, чтобы посидеть с ребенком. На слова Елены: «Надежда Кондратьевна вы побудете у нас до лета?» – мать ответила утвердительно и еще сказала, что заберет Светика с собой в село, но недомогание, которое она вдруг почувствовала, спутало все наши планы.

Мне трудно было представить, я не мог подумать, что все так случится: однажды во сне мать увидела Петениху – ста-

рушку, за которой ухаживала.

– Может, что с нею случилось, – сказала она мне, – зовет, поеду. Я уже неделю сама не своя – всю крутит, ломает, нет сил терпеть, лекарства никакие не помогают, что я не проговала.

Я не мог удержать мать в городе. Правда, отъезд мало, что изменил в ее судьбе. Дома, хотя она и надеялась, что ей станет лучше, – не стало. Петениху мать в живых не застала. Умерла старушка. Одна из соседок, которая отпевала ее, сказала матери:

– Надежда Кондратьевна опоздала ты, очень уж хотела проститься с тобой Петениха. Места себе не находила, бредила, последние минуты все тебя звала.

Отец отправил мать в поликлинику. Анализы, которые она сдала, оказались плохими. Мать готовилась к смерти. Я не верил и ее опасения не принимал всерьез. Сколько было таких случаев. Причиной нездоровья матери было тяжелое предвоенное, военное и послевоенное детство, юность. От недоедания, голода и тяжелой работы ее родители рано умерли. Сколько ей тогда было? Всего четырнадцать лет. Она была старшей в семье. Она поднимала младших сестер.

– Сейчас хорошо. Все есть. С голоду не умрешь. А раньше в рот приходилось совать всякую гадость, лишь бы только наполнить живот, – рассказывала мать. Ее брат Коля – мой дядя умер от воспаления легких. В семье отца тоже были потери: его две сестры умерли в младенчестве. Тяжелое то

время во многом определило здоровье, вернее нездоровье не только моих родителей, но и их многих сверстников.

После завтрака в маленькой летней кухне, стоящей особняком от дома, я с отцом шел заготавливать на зиму дрова. Мы пилили длинные стволы деревьев в основном сосновые, реже березовые на чурки, наиболее толстые кололи и складывали их в сарай. Если позволяла погода, я на пару с отцом косил траву, затем мы ее сушили.

Мать обычно занималась хозяйством и огородом. Когда нужны были дополнительно еще руки, например, для уборки сена, приходили братья Василий и Александр. Они жили неподалеку.

Светик «хвостиком» ходила вначале за мной, затем за бабушкой, привыкнув к отцу – за ним. Редкий день мы проводили не на воздухе.

Вечером после ужина мы шли в дом, располагались в большой комнате напротив старенького телевизора, кто на диване, кто на стульях. Отец Владимир Иванович включал его, настраивал. Начинался бразильский сериал. Вначале мне он не нравился, и я придумывал себе и дочке занятия, лишь бы как-то убить время, потом привык и стал смотреть.

К нам, едва на экране появлялись титры, приходила Шувара, мать Людмилы. По ней можно было проверять часы. В семь вечера тетя Настя была тут как тут. Она доставала меня. Ее высказывания обо всем и не о чем были мне противны. Отчего-то раньше я терпел ее, но теперь не мог и раз-

дражался.

Как-то не удержавшись, я спросил у матери:

– Что эта Шувара к вам повадилась ходить, разве у нее нет своего телевизора?

– Да есть, только дело здесь не в телевизоре. Все гораздо сложнее. У нее пропал сын Григорий. Ты с ним в детстве дружил, помнишь его... Раньше она редко ходила. После этого горя я пожалела ее. Вот она и тут.

Шувара Анастасия Ивановна была ровесницей моих родителей. Моя мать познакомилась с ней, когда они еще были детьми. Дружбы у них не было, однако общения не избегали. Ее мужа Тимофея Михайловича, моя мать знала еще до свадьбы тети Насти. Знал его и мой отец. Одно время он работал с ним в товариществе по обработке земли – колхозе, затем ушел в школу. Тогда не хватало преподавателей и фронтальной друг, директор устроил его. Тимофей Михайлович очень завидовал отцу, правда и тетя Настя тоже – это было заметно даже нам детям.

Дядя Тимофей с тетей Настей вырастили пятерых детей. Дочь Ирина у них была самой старшей. Она меня не интересовала, а вот с их сыновьями Михаилом и Григорием я долгое время дружил. Они были моими друзьями, с ними я вырос. Их младшая сестра Людмила была ровесницей моей сестры. Был у них еще Филипп самый младший. Тимофей Михайлович бросил семью, когда Филиппа призвали в армию. Его не остановил даже тот факт, что сына отправили

в Афганистан. Он, однажды сказал моему отцу Владимиру Ивановичу:

– Я могу быть свободным. Свою роль кормильца и воспитателя я выполнил.

Однако в селе о его поступке говорили иначе:

– От семьи он ушел, а вот от проклятия Сафронича ему не уйти.

Женщина, которая его приютила, не спасла.

Тимофей Михайлович умер при странных стеченьях обстоятельств: вышел зимней ночью во двор по нужде и после не сумел найти дверь. Столько кругов он сделал у дома – дорожку протоптал. Отчего дядя Тимофей никого не позвал на помощь, трудно сказать. Может, звал, но никто ни слышал его. Нашли Тимофея Михайловича утром замерзшим у порога.

Мой отец считал Шувару скользким типом и не любил вспоминать о годах работы с ним в товариществе, отмахивался. Дома у нас в отличие от Анастасии Ивановны я его никогда не видел. Возможно, этого не хотел отец, я не знаю.

После смерти Тимофея Михайловича мой отец пожалел его. Я тогда был взрослым женатым мужчиной. Помню, он сказал мне:

– Отмучился Тимофей Михайлович! Столько лет терпеть унижения жены, врагу не пожелаешь. Настя, – так он называл за глаза Анастасию Ивановну, – представляешь Сень, если была не в духе, фурией набрасывалась на него бедного и

колотила тем, что попадало под руку. Он ведь мог ответить. Вмиг бы отучил ее поднимать на себя руку.

Я также не понимал дядю Тимофея. Что же все-таки его удерживало. Любовь или еще что-то?

Поднять руку на Елену я ведь тоже не смог бы. Я любил ее. Сестра Анна удивлялась, как Елена так быстро вдруг смогла стать для меня близкой. Она порой меня даже ревновала к ней.

– Сеня, как сестра, я после матери и отца должна быть для тебя на первом месте, а уж потом жена, дети, кто угодно. – Как-то раз она не удержалась и сказала:

– Уж, лучше бы ты женился на моей подруге Людмиле.

Но судьба распорядилась иначе. Еще, казалось, совсем недавно, я не о ком кроме Людмилы не желал думать и вдруг на тебе: в один миг женился и на ком? На совершенно незнакомой девушке. Михаил, когда я приехал с Еленой домой, чтобы познакомить ее с родителями даже хотел отбить девушку у меня. После я узнал, что все это он делал по наущению своей матери, тети Насти.

Елена, как потом стало известно, оказалась не такой уж и чужой. Однажды я невольно подслушал разговор моей матери и Анастасии Ивановны. Она, не выдержав, сказала Надежде Кондратьевне:

– Вот нашел себе жену твой Сеня, так нашел, – в ее интонации я почувствовал скрытую злость, хотя это и не бросалось в глаза, – сестра Анна и то менее схожа как она.

Не знаю, чего такого подметила у нас двоих тетя Настя, но примерно такие же слова нам после приходилось слышать и от других людей. Подобно Елене я был не высокого роста, как и нее у меня были темные волосы, серые глаза и чуть вздернутый вверх нос. Вкусы у нас также во многом совпадали.

Моя женитьба Анастасии Ивановне не понравилась. Я не мог ее понять. Если бы она желала меня видеть своим зятем, то отчего Людмила ее дочь вела себя так странно. Кто ей мешал сблизиться со мной. Она мне нравилась.

Появляясь вечером в доме родителей, тетя Настя редко обращалась ко мне. Разговор она вела чаще с отцом. Мать после кивала мне:

– Смотри, ждет, когда я умру, чтобы заарканить отца.

В селе кто-то уже пустил слух, что Надежде Кондратьевне осталось жить не долго. Хотя мать ничего не скрывала от людей, но о своей болезни распространялась мало.

– Сеня, никак Настя сплетничает, – говорила она мне.

Я был согласен с нею. Анастасия Ивановна была очень уж болтливой. Не знаю, как я мог ее терпеть раньше. Отпуск свой я считал испорченным. С каждым днем Шувара все больше чувствовала себя хозяйкой. Однажды я наблюдал, когда работа задержала не только меня, но и мать с отцом вне дома, как Анастасия Ивановна обходила усадьбу, с интересом осматривая огород, сарай, баню, оказавшись на том месте, где раньше стояла изба Сафронича долго плева-

лась и топала ногами, что-то злобно шепча.

Мать о своей подруге говорила:

– Вот зараза, все делает, чтобы отбить мужа. По молодости он ей был не нужен. Разведенец, видите ли, побывал в чужих руках.

Мой отец где-то на фронте во время войны сумел жениться. Правда, его поступок оказался не серьезным: семейная жизнь не удалась. Со своей первой женой Владимир Иванович быстро расстался.

Надежда Кондратьевна пришлась ему по душе с первого взгляда и, недолго думая, Владимир Иванович женился на ней. Тетя Настя поздно поняла свою ошибку. По молодости она заглядывалась на моего отца. Тимофея Михайловича Анастасия Ивановна считала случайным человеком и не о нем мечтала. Однако ей ничего не оставалось делать – кусать себе локти.

Моя мать была красивой: роста не высокого, ладно скроена, круглолицая с большими серыми глазами, аккуратным носиком с большим открытым лбом и прекрасными русыми волосами. Как тетя Настя не накручивала свой чуб, не выпячивала карие глаза, сделать ничего не могла. Владимир Иванович, для нее был, не достигаем. Надежда Кондратьевна чувствовала себя бодро и всегда могла дать отпор подруге.

Правда, сейчас время было другое. Анастасия Ивановна видела, как мою мать крутит болезнь, и поэтому все больше и больше проявляла настойчивость в стремлении завоевать

Владимира Ивановича.

– Вот увидишь, пусть на старости лет, но я буду жить с ним, – сказала как-то однажды она, не сдержавшись, своей знакомой. Та оказалась матери близка и все ей рассказала.

Мой отец у Анастасии Ивановны должен был занять место Тимофея Михайловича.

Она себя видела в большом каменном доме, а свой – теть Настя хотела отдарить Филиппу. Сын ее тяготил: после службы в Афганистане парень пристрастился курить «травку», и оттого был неуправляем.

Теть Настя, хотя ее дом и был приличным, не могла простить Тимофея Михайловича и часто ругала его даже после смерти:

– Ведь были деньги, мог бы построить такой, чтоб всем в селе было завидно. Построил обычный дом, такой как у многих, даже у Надьки, – так она звала за глаза мою мать, – и тот лучше – каменный.

Отношения в наших семьях были сложными. Понять их мне порой было невозможно. Я всегда ощущал какую-то невидимую границу. В детстве она не так была заметна, хотя взрослые и на нас детей как-то влияли и вынуждали нас к действиям, но эти действия не были осознанными.

Я помню однажды, Михаил, когда я возвращался из школы и проходил мимо его дома, внезапно выскочив из калитки, чиркнул по моему новому пальто палкой, на которой была свежая краска, и исчез.

– Сень отплати ему, – сказал мне брат Александр. Я отплатил: забрал у него перочинный нож и долгое время не отдавал его. Михаил после побил за это моего младшего брата Василия. Со мной он справиться не мог. А вот Александр, не разобравшись в чем дело, отколотил Григория.

Время нас мирило. Нам нечего было между собой делить. Жизнь наша была по-детски проста.

Мать знала планы Шувары и сдаваться не собиралась.

– Сеня, а дудки ей, – кричала она мне в порыве негодования. – Я все сделаю...

Наш дом строился тяжело и был поднят, благодаря матери. Она приложила не мало сил. Деньги, какие бы ни были большие, у Владимира Ивановича не задерживались. Отец всегда, сколько я помнил себя, был щедр и беспечен, рублями сорил как ребенок.

На строительство дома деньги скопила мать. Отдать его, запросто так, было не в ее характере. Я знал, она все сделает, но дом Шуваре не достанется.

Однако мать беспокоилась. Ее негодование, вызванное поведением тети Насти, мне было понятно. Все у нас в семье были устроены. Большой каменный дом был никому не нужен. Анна жила в Сибири. Она всем была обеспечена переезжать – не собиралась. Мои братья Александр и Василий в жилье также не нуждались. Я с женой и дочерью жил в большом городе имел двухкомнатную квартиру. Проблем у меня не было.

Тетя Настя могла свободно претендовать на дом. Однако мать все обдумала и решила:

– Я, Сеня, – сказала она, – если буду умирать, заставлю отца отдарить дом тебе. Он будет для твоей семьи дачей.

Мать была настроена решительно. И то, что она свои слова выполнит, я не сомневался. Мне, выслушивая ее, приходилось соглашаться. Правда, я не верил, что болезнь может как-то сломить мать. В ней чувствовалась сила.

Чтобы построить дом, отец был вынужден уйти из школы. В нее он врос, хотя диплома педагога и не имел: окончить институт ему помешала война. Знания он черпал, вначале отучившись на курсах, куда его послал однополчанин друг-директор, потом из книг.

С книгой Владимир Иванович не расставался даже тогда, когда ушел в пастухи.

В селе больше пастуха никто не зарабатывал.

Старый деревянный дом разваливался. Крыша текла. Перекрытие готово было не выдержать и рухнуть нам на головы. Отец поставил подпорки. Он, пытался получить жилье, обращаясь к школьному начальству.

– Иди, взгляни на мои «хоромы»! – ответил ему друг-директор. – Я сам живу не в лучших условиях. В настоящее время школа предоставить тебе жилье не может.

Лето я вместе с братьями Василием и Александром проводил в лугах. Мы помогали отцу пасти коров. Первое время к нему приходили бывшие ученики, прося его разобраться

в сложной задачке. Он помогал, а сам думал о том времени, когда снова вернется в школу.

Тимофей Михайлович, муж Анастасии Ивановны, свой дом построил раньше, чем отец. Он у него был деревянный и не такой большой, однако стоил прилично. Отец однажды не удержался и спросил у него:

– На какие это ты деньги построился?

Я слышал, дядя Тимофей ответил:

– У людей взял!

– Ну, понятно, – хмыкнул отец и не стал дальше вести разговор.

После Шувара, уволившись из товарищества по обработке земли, тоже подался в пастухи. Однако его пассаж был для видимости. Я не раз слышал, как тетя Настя на каждом углу говорила всем своим знакомым:

– Построились. Надо отдавать долги.

– О каких долгах она болтает, – спрашивала мать у отца. – Все люди знают: дом выстроен на золото Сафронича.

Анастасия Ивановна боялась Сафронича, боялась всегда, даже после его смерти. Ей постоянно виделась тень старика. Она преследовала Шувару. Ее страхи были заметны даже мне. Однако я не понимал Анастасию Ивановну, хотя знал о том, что за какой-то грех Сафронич проклял ее семью.

Мрачный старик, колдун на многих в селе наводил страх. Он был каким-то нашим родственником. Я не раз в детстве слышал слова отца, он говорил матери:

– Сеня наш порой мне напоминает Сафронича, чем-то похож на него.

Есть у него сила. Загадает, и вот это уже произошло.

Я словам отца не придавал значения, вел себя обычно, хотя любил, забравшись на печь часами слушать рассказы взрослых об оборотнях, домовых, русалках.

Сафронич был странным человеком. В детстве я не раз через щели в заборе наблюдал за ним. Не знаю, чувствовал он мой взгляд или нет, но всегда его мрачное лицо вдруг преображалось, на щеках появлялось подобие улыбки. Эта улыбка позволила мне как-то пересилить страх. Я перестал бояться старика. Порой я разговаривал с ним. А вот бабушка Петениха долгое время оставалась для меня ведьмой. Это уже после, когда моя мать стала с нею близка, я в ней увидел обычную старушку.

Помощь матери Петенихе была безвозмездной. Правда и старушка в долгу не осталась: научила мать собирать и правильно использовать травы. Теперь мать не знала, что и думать. Болезнь обострилась в момент смерти Петенихи. Может старушка и не причем. Однако все это было для нее неожиданным.

На другой улице жила Булиха – бабушка жены моего среднего брата. Она тоже что-то знала, так говорили люди и обходили ее с опаской: не дай Бог взглянет не так.

– Сеня! – говорил не раз мне брат Александр, – ты знаешь, почему я еще живу со своей женой? Давно бы бросил,

сколько раз у нас все шло к разводу, но ее проклятая бабка – колдунья чертова, что-то пошущукает, и мы снова вместе – не разлей вода.

Булиха – говорили, делала на водке. А мой брат до женьтибы ярый трезвенник как-то незаметно пристрастился к этому зелью. О нем пошел слух, что он не дурак выпить. Вокруг него стали кружить всякие собутыльники. Мать, как могла, старалась отогнать их, но они липли к Александру как мухи на мед. Разговоры матери с женой брата – ее звали Татьяной, ничего не давали. Речь этой самой Татьяны была простой:

– Надежда Кондратьевна, – обращалась она к свекрови, – выпивки вашего сына мне не мешают. Хочет пить, пусть пьет. Это его дело.

Что только ни делала мать, никакого толку, не было. Александр отдалялся, становился замкнутым и злым.

Петениха выручила, помогла. Мать с трудом затащила его к старушке. Он отнекивался, говорил матери:

– Да не пойду я к ней, что я у нее забыл?

Однажды мать догадалась, что сказать Александру:

– Саша, идем, я хочу, чтобы ты помог мне. – Она отвела его к Петенихе и попросила поправить забор. Брат все сделал. Старушка дала ему бутылку какого-то снадобья.

– Вот, возьми Саша! Это тебе за труды. Когда ты поссо-ришься с женой, и она потянет тебя к Булихе выпей три глотка, не больше. Все будет нормально. Да, только спрячь эту

бутылку подальше от глаз Татьяны, где-нибудь в сарае.

Александр после сумел уйти от Татьяны. Он, когда однажды она попыталась его отвести к Булихе, украдкой приложился к бутылке с зельем Петенихи и сделал три больших глотка. Содержимое бутылки напомнило ему водку. Александр тут же почувствовал слабость и свалился на пол. Татьяна, пыталась его поднять, что только не делала: крутила уши, била по щекам, даже обливала водой, ничего не помогло. Идти Александр был не способен.

– Где ты так вдрызг набрался, – прокричала ему в самое ухо Татьяна и отправилась к бабушке сама.

Булиха перестала на Александра влиять. Он без труда развелся со своей женой. В бутылке оставалось еще прилично. Выливать ее содержимое Александр не стал, и когда его тянуло выпить, нет-нет да и прикладывался к ней. Снадобье Петенихи действовало на него уже совершенно иначе, чем прежде. Брат отказался от выпивок. Я ни раз наблюдал его неприятие к водке, когда, навещая родителей, привозил домой какую-нибудь заморскую бутылку и ставил ее на стол чтобы отпраздновать свой приезд. Александр уходил.

– Мне нужно... Я совсем забыл, – лепетал он и торопливо прятался за дверью.

Анастасия Ивановна удивлялась, как это Александр стал вдруг трезвенником. Ее сын Михаил в прошлом собутыльник моего брата и не думал о том, чтобы останавливаться.

– Может и мне, – говорила тетя Паша, – нужно сходить к

Петенихе, попросить ее помочь Михаилу.

Прошло время, и она с сожалением обращалась к моей матери:

– Ах, как жалко умерла она, не успела я с ней поговорить.

Иногда я встречался с Михаилом. Он был солидным женатым мужчиной. У него росли двое сорванцов. Они были забавные ребята. Жена Михаила работала продавщицей. Жил он с семьей неподалеку в районном городишке и часто бывал на родине – в селе. Свою старшую сестру Ирину он не любил и открыто о том говорил:

– Сень, я, пьяница, но она еще хуже. Она гулящая – со всеми мужиками в селе переспала. Жалко Тимошку ее сына. Я его отцу написал. Может быть, он придет, заберет парнишку.

Ирина после окончания школы одно время жила где-то далеко у родственников, в городе. Там она вышла замуж, но жить с мужем не смогла. Скоро приехала домой. Мне не было известно, что произошло. Но я не раз был свидетелем и слышал, как тетя Настя ругала ее:

– Я тебе за кого говорила, чтобы ты замуж вышла? А ты?

Ирина плаксиво отвечала:

– Он на меня даже не смотрел!

– Кто с ней будет жить? – влезал в разговор Тимофей Михайлович, – вылитая мать. Вот Людмила она совершенно другая. Бери ее Сеня, она будет тебе хорошей женой! А эта, – и он, бросил взгляд в сторону Ирины, – оторви и выброси.

Михаил был мужик что надо, но что-то у него не ладилось. Это было заметно. Ему бы жить да жить, а он постоянно копался, выискивал что-то такое в своем нутре, что доводило его до бешенства. Затем он впадал в состояние депрессии, напивался и долго мучился, пытаясь принять облик человека.

Мне было жалко товарища.

– Это он страдает от проклятия колдуна Сафронича, – говорили люди. Может, так оно и было. Я, словам такого рода не придавал значения, правда, до тех пор, пока снова не встретился с Михаилом.

Наша встреча произошла на ярмарке. В селе их было немного в начале лета, в конце, перед новым годом и ранней весной. Я любил ярмарки. Они мне были памятны с детства. Отец и мать часто оставляли нас детей дома, если брали с собою, то это только в тех случаях, когда готовили к школе. Купить нам одежду и обувь без примерки было нельзя. Баловали нас на ярмарке печатными пряниками в форме птиц, различных зверей и красными «петушками» на палочках.

На ярмарку я отправился вместе с дочерью. У меня было желание купить Светику что-нибудь необычное, такое чего не было у нас в городе.

Я, держа за руку дочку, блуждал среди торговых рядов, пока неожиданно не столкнулся с братьями – Александром и Василием. Младший брат был с женой. Они пришли на ярмарку очень рано и уже сделали необходимые покупки. Я

примкнул к ним. Александр слегка толкнул меня в бок:

– Сень, хочешь Михаила увидеть.

Я согласился, кивнув головой.

Народу на ярмарке было уже не много. Машины разъезжались. Оставались торговать самые стойкие и те, у которых товар оказался не востребованным. Мы подошли к палатке. Внешне она ничем не отличалась от других.

Александр, улыбнувшись, обратился к худощавой изможденной женщине:

– Маша, а где Михаил? Он ведь с тобой был.

– Хозяин что ли?

– Да, хозяин!

– Здесь, при мне. Загляни за прилавок. – Александр свесился над деревянным заграждением, я тоже, и мы увидели, валявшегося в траве друга.

– Пьяный? – спросил Василий.

– Да! – подтвердила Маша. – Вымотал он меня, хоть вешайся. Вот ты, обратилась она к Александру, образумился, не пьешь и правильно делаешь. Водка до добра не доведет.

Вечером мать сказала:

– Тетя Настя сегодня не придет. Я заходила к ней. Старший сын гостит – пьяный на полу лежит доска-доской. Его жена с магазином приезжала, торговать, детей забрала с собой, а вот мужа оставила.

На следующий день я ходил в гости к Михаилу. Он похмелялся. За столом кроме моего товарища сидела тетя На-

стя и Людмила. Мой другпил один. Они завтракали.

Михаил тут же усадил меня за стол и принялся угощать.

– Давай Сеня выпьем за Григория, помянем!

Я отказаться не смог, неудобно было, взял предложенный другом стакан и выпил его. Обстановка в доме не располагала к разговорам. У меня не было желания сидеть долго за столом. Соблюдя приличия, я, улучив момент, поднялся, чтобы уйти.

Михаил тут же схватил меня за руку:

– Куда ты?

Бутылка, стоящая на столе, была пуста лишь на половину. Михаил непременно хотел, чтобы мы ее допили. Однако я, поднявшись из-за стола, садиться уже не собирался.

Я долго хлопал друга по плечу, жал ему руку. Мои манипуляции оказали на него непонятное действие. На миг он словно протрезвел и показался мне прежним Михаилом, которого я знал в детстве.

Вырвавшись из его рук, я пошел к двери. Следом за мной вышла Людмила. Она захотела меня проводить. Отбросив назад, лезущие в глаза длинные темные волосы, Шувара сказала мне:

– Я бросила работу. Надоело мне жить на чужбине, хочу найти что-нибудь поближе к дому, а как ты поживаешь?

– Да ничего, нормально! Вот приехал с дочкой в отпуск. – После я, конечно, сожалел, что проболтался, нужно было ничего про Светика не говорить. Правда, о ней Людмиле могла

сказать тетя Настя, ее мать.

Людмила внесла в мою жизнь некоторое разнообразие. Ее аура положительно действовала на меня, снимая напряженность, которую всегда изливала в наш дом ее мать Анастасия Ивановна. Порой, как это не странно, но мне хотелось ее видеть снова и снова.

Однажды я не удержался и, хоть знал ответ, спросил:

– Люда, ты замуж собираешься? – и услышал:

– Пока нет, и не знаю, когда это может случиться. Не берет никто! – вздохнула она и как-то по-особому, с грустью посмотрела на меня.

Я думал она поделится, расскажет мне о том, какой у нее хороший парень. Но ничего подобного не произошло. Возможно, у Шувары никого не было.

Бывали случаи, когда я, увидев в доме Людмилу, пугался ее. Это происходило из-за того, что я не мог обезопасить свою дочку. Спокойно я мог вести себя с Шуварой тогда, когда, например, рука дочки находилась в моей руке, или же если Светик была далеко от нее.

Близость Людмилы подтолкнула меня обратиться к отцу Владимиру Ивановичу. Я хоть и испытывал неудобство, но решил расспросить у него о проклятии семьи Шувар. Для этого я рассказал отцу подробно, ничего не скрывая о болезни Светика. Рассказ отца потряс.

Мы присели на бревна. Он достал сигаретку, прикурил ее и, поправив кепку, начал говорить.

Я думал, что он о проклятии Сафронича знает больше чем кто-либо другой, но рассказ его был не многословным.

– Вот на этом месте, где мы с тобой сейчас пилим дрова, стоял дом. В нем доживал свой век Сафронич, – отец помолчал, неторопливо выпустил изо рта дым. Он курил часто и помногу. Находил в этом какое-то успокоение. Курение помогало ему сосредоточиться. Отец с трудом выдерживал урок, когда работал в школе. И обычно вместе со старшеклассниками бежал посмолить сигаретку. Правда, он бежал в одну сторону, а они в другую.

– Этот дом не был его. Он Сафроничу остался от родителей, – продолжил свой рассказ отец. – У него был дворец. Его, во время раскулачивания, вместе с женой отправили в Сибирь, на выселок. Пропадал он там лет двадцать, прежде чем снова появился в родных местах. Жена не выдержала тяжелых условий, умерла.

Перед тем, как состоялся суд, Сафронич разбросал своих сыновей (они у него уже были взрослыми), по родственникам. Их разыскивать не стали. Они обосновались где-то в Ленинграде или как там этот город сейчас называется?

– Санкт-Петербург! – ответил я.

– Да, точно, Санкт-Петербург, – повторил отец.

– От дома Сафронича – дворца ничего не осталось. Я его разбирали вместе с дядей Тимофеем, Малеем, Буравцом ты их знаешь, и еще было несколько человек. Усадьба у Сафронича была знатная. Богач был. Жил обособлено. Сейчас та-

ких людей называют фермерами. Дом его состоял из полуподвального каменного помещения и верхней деревянной надстройки. Крыша была железная.

Я помнил наш старый дом. У него крыша была из соломы. Он часто тек, когда над селом гремели грозы и шли ливни. Мать подставляла тазы, ведра и прочую посуду, собирая в них воду.

– Так вот этот здоровенный дом, когда Сафронича забрали, через месяц-другой было не узнать – растащили. Правда, одно время мародеров гоняли, но потом началась война, и о доме никто уже не заботился.

Мы разбирали его останки. Он мешал при обработке земли тракторами. Затем, когда дом полностью убрали, проблем с пахотой не стало.

Работа заняла не одну неделю. На обед мы ходили домой, а Тимофей Михайлович, тогда просто Тима ел тут же на развалинах. Так вот он когда рядом никого не было, раскопал горшок с богатством Сафронича. Этот самый горшок хранился в фундаменте печки. Ему бы после нужно было это место, где было спрятано золото обвалить, а он дурак оставил все как было. Мы с обеда пришли и сразу же увидели. Мужики те, кто был постарше, стали не него напирать. Однако Шувара оказался стойким и ничего никому не дал.

О проклятии, отец также, как и я только слышал. Сафронич, когда вернулся домой, обошел всех тех, кто участвовал в работах по разборке дома. Побывал он и у отца – расспра-

шивал о том горшке. Владимир Иванович что знал, то и рассказал. Кто-то из соседей Шувары говорил, что старик был и у него. Христом Богом просил отдать:

– Это ведь не твое добро. Я его нажил.

После Сафронич соглашался даже на половину, но дядя Тимофей не отдал.

– Какой еще клад? Я ничего не знаю. Да там и не было ничего, в твоём горшке. Проращенное зерно.

В заключение отец сказал:

– Обманывал Тимофей Михайлович. Я думаю, что все несчастья в семье Шувар, наверняка как-то связаны с проклятьем Сафронича. Вот так! Ну, а теперь давай работать и Владимир Иванович поднялся. Я тоже встал.

– Да, – остановил он меня на какое-то мгновение, – о Людмиле не думай плохо. Ты, мне Сеня напоминаешь чем-то Сафронича – он мой троюродный дядя. Люди не зря о нем болтали. Старик что-то такое знал. Куда там Петенихе или Булихе. Возможно, и тебе что-то от него передалось.

Елена, моя жена часто беспокоилась, звонила нам, ей не терпелось знать подробности пребывания Светика в селе. Я был немногословен. Обо мне она сказала:

– Сеня ты как слон, киваешь головой, толком ничего не рассказываешь.

Отпуск мой быстро закончился. В Москву я уехал со спокойным сердцем. А осенью, выбрав время, я поехал к родителям и забрал Светика домой.

В детский сад дочка пошла легко. Никаких конфликтов не было. Правда, пришлось с ней немного побеседовать, рассказать ей о ребятах, с которыми она играла – о Жене Сви-
стуновой, Лене Горшковой, Кирилле Абашевом.

5

Время, проведенное в селе у моих родителей, девочке за-
помнилось. Она, стоило мне только сказать ей, что я иду зво-
нить по телефону бабушке и дедушке, тут же бежала следом.
Светик непременно хотела с ними поговорить.

Мать как я и ожидал, выздоровела.

– Сеня, – сказала она мне, – это только благодаря тебе. Ты
меня вылечил. – Я не соглашался, всячески противился. Мне
не хотелось верить – чего такого особенного могло быть в
моих словах-пожеланиях здоровья, благополучия, счастья –
родителям, братьям, сестре, жене, дочери. Я их, по обыкно-
вению, мысленно произносил, каждый вечер, перед тем как
заснуть. Делаю это и сейчас. Однако, ничего колдовского, та-
инственного в своих действиях не вижу. Переубедить мать
Надежду Кондратьевну мне так и не удалось.

Меня испугали ее слова о Анастасии Ивановне Шуваре.

– Сеня ты себе представить не можешь. Чем я крепче ста-
новлюсь, тем слабее тетка Настя.

Наблюдения матери мне издавна казались не существен-
ными. Правда, когда я однажды снова приехал в отпуск до-
мой то ужаснулся.

Лето, которое я провел с дочерью, дало свои плоды: Светик теперь отдыхать в городе не желала. Однажды я с трудом уговорил ее отправиться в санаторий.

Врач, когда наше пребывание подходило к концу, сказала мне:

– У вашей дочери все нормально, можете ее снимать с учета.

Однако жена решила перестраховаться:

– Пусть еще год-два побудет под наблюдением врача. – Я согласился, ведь дочка собиралась в школу и трудности, которые ее ждали, могли как-то повлиять на здоровье девочки. Однако все обошлось. Мысли о сглазе, проклятии семьи Шувар быстро выветрились у меня из головы. О Людмиле я также не вспоминал. У нее была своя жизнь у меня своя.

Однажды мать, соскучившись по внучке, приехала к нам на зимние каникулы.

– Сеня, тетку Настю разбил паралич, – сказала она, – лежит доска-доской. Ничего не понимает. Только таращит глаза. В рот тянет тряпки, бумажки – все, что попадет под руку.

Анастасия Ивановна была крестной моей жене, и Елена пожалела ее. Я тоже не остался безучастным. Сказал матери пусть Людмила, если нужны какие-нибудь лекарства, сообщит мне, я здесь в Москве поищу.

Подняться с постели тетя Настя не смогла. Мой отец не раз пытался воздействовать на нее:

– А ну вставай! Что ты развалилась. Я согласен. Пошли в Сельский Совет распишемся? – Но Анастасия Ивановна кривила лицо. Мысли о замужестве, которые когда-то крепко сидели у нее в голове теперь были безрассудны. Кто она такая? Как смеет помышлять о родственнике Сафронича!

У моего отца Владимира Ивановича не было желания обидеть, поддеть тетю Настю. Он все это говорил лишь для того, чтобы вывести женщину из себя и заставить ее найти в себе силы подняться, но у Шувары уже не было сил.

Заботы о ней легли на плечи Людмилы. Старшая ее сестра Ирина отказалась. Михаил был пьяница, сам требовал ухода. Филипп, как его обзывала Анастасия Ивановна: «наркоман проклятый» пытался одно время помогать своей сестре, но его помощь была кратковременной, у него не хватало терпения.

Работа у меня занимала много времени. У родителей я бывал нечасто лишь в том случае, когда дни праздников сливались с выходными днями или же когда у меня накапливались отгулы. Отпуск, который я получал раз в год, просто был вынужден проводить на родине – в селе: моя дочь Светик поднимала крик, лишь только я начинал заговаривать о путевке в Дом отдыха или же в санаторий.

– Папа, тебе же врач сказала, – у меня все нормально! Незачем нам больше ездить лечиться. Я хочу снова поехать к бабе Наде и деду Володе.

Слова дочери были убедительны, и мне отказать ей было

трудно. Жена тоже была вынуждена проводить отпуск вместе со Светиком. Чтобы больше времени находиться рядом с ребенком мы с Еленой отдыхали врозь, подменяя друг друга.

Людмила проживала в том же городе, где и ее брат Михаил. Он помог устроиться ей на какой-то завод. Она получила жилье – небольшую комнату в коммунальной квартире. Когда ее мать разбил паралич, Людмила с завода ушла. На зиму она забирала Анастасию Ивановну к себе в город, а на лето они снова поселялись в деревянном, добротном доме, выстроенным Тимофеем Михайловичем.

Я давно не видел Людмилу, наверное, с того самого момента, когда после болезни Светика гостил у родителей. С ее братом Михаилом я встречался и не раз. Он оставался все таким же, не менялся, даже когда был трезвым. Всклоченные волосы, мутный взгляд, под глазами мешки, щеки оплывшие – все в нем отталкивало. Домой он ехал, чтобы встретится с друзьями и напиться.

В детстве мой друг боялся матери: она на него кричала за любой проступок беспощадно колотила. Михаил не раз убежал из дома. Когда он раздался в плечах, стал на голову выше Анастасии Ивановны, она перестала поднимать на него руку, но читать нотации и клясть сына не забывала. Нагрузившись водкой, Михаил отмахивался от нее, как от мухи:

– Да не жужжи ты, хватит, – затем он падал там, где стоял и через минуту, другую раздавался его громкий храп. Тетя Настя, после того как сын засыпал, давала себе волю. Как она

набрасывалась. Чего только не говорила, иногда даже пинала Михаила ногой.

Мой друг был пьяницей, самым настоящим: его ничто не могло остановить, когда требовался стакан водки, особенно если это касалось опохмелки. Порой, если Анастасия Ивановна этого не понимала, он срывал с окон шторы, брал с комода и бил посуду, словом, вытворял все что хотел. Сунув в руку сына подачку – деньги, Анастасия Ивановна кричала:

– Иди, ты мне не сын. Оставь меня в покое. Убирайся к себе, у тебя есть жена, дети. Вот и катись к ним!

Михаил уезжал и месяц-два не появлялся.

Роль матери, после того как она слегла, стала выполнять Людмила. Теперь она давала брату деньги, чтобы он мог опохмелиться, теперь она ругала его и кляла. Если были проблемы с деньгами он, чтобы выбить их кричал сестре:

– А ты сходи, отнеси какую-нибудь побрякушку Сафронича в ломбард.

Я не узнал Людмилу, когда однажды увидел ее на улице села. Она спешила в магазин за продуктами, оставив мать на Филиппа.

Что-то в ней было страшное, заставившее меня содрогнуться. Она уже не была той девушкой, которая мне нравилась. Горе, постигшее ее семью, лишило Людмилу привлекательности. Я представить себе не мог, что когда-то хотел на ней жениться.

Моя мать жалела ее и всячески пыталась помочь. Порой,

когда Людмила появлялась в доме родителей, я не раз слышал, как Надежда Кондратьевна говорила ей:

– Люда, если ты так будешь относиться к себе, то скоро некому будет ухаживать за матерью. Посмотри на себя, на кого ты похожа. Тебе нужно пусть нечасто, но оставлять ее на Филиппа, на сестру, ты совсем забыла об Ирине. Нагружай их. Да и Михаил мог бы побыть с матерью, не развалился бы.

– Ну, как же я могу тетя Надя?

– А я тебе подскажу как! – и Надежда Кондратьевна, распалившись, долго объясняла, что Людмиле нужно сделать.

Жалея Людмилу, мать не раз набрасывалась то на Филиппа, то на Михаила, если тот появлялся в селе. Старшей сестре Людмилы – Ирине тоже доставалось от нее.

– Посмотри на свою сестру, – говорила она Ирине, – кожа да кости, на кого она похожа. Вы должны помогать ей и радоваться, что Людмила взяла на себя заботы о матери, а вы что делаете, совсем отвернулись от нее?

Но слова моей матери Надежды Кондратьевны положения не меняли. Все оставалось по-прежнему. Помощь Людмиле со стороны братьев и сестры была мизерной.

Однажды мать, сунув ведро – мне большое, а моей дочери совсем маленькое – повела нас в лес за ягодами.

– Что вы все дома, да дома сидите. Малины видимо-невидимо. Люди только успевают носить.

Не знаю, как она сумела убедить Людмилу, но она тоже пошла вместе с нами. С тетей Настей остался Филипп.

Мать не сказала нам, в какой мы пойдём лес. Я понял это тогда, когда мы вышли за село и стали огибать болото.

– Мам, а ты куда нас ведешь, никак в Сафроничев лес? – спросил я.

Людмила после моих слов вздрогнула и неожиданно захотела идти за ягодами. Однако мать не стала ждать от нее, когда она откажется совсем, и сказала:

– Нас, если мы пойдём в другой лес, не поймут. В Сафроничевом лесу малины видимо-невидимо.

Людмиле ничего не оставалось делать, как согласиться с ней.

Лес находился недалеко. Раньше я любил собирать ягоды. Решил, и сейчас показать класс. Мне хотелось удивить всех, особенно Людмилу, я представлял, как она заглянет в мое ведро и ахнет.

– Тетя Надя! Тетя Надя! Посмотрите сколько у Сени ягод! Но, чтобы мое намерение осуществилось, нужно было изрядно поработать. Для этого я забирался в самые дебри кустарника. Малина довольно больно кололась. На мне были одеты штаны из грубого материала, рубашка и легкая из «плащевки» куртка.

На дочке был костюмчик из джинсовой ткани. Моя мать и Людмила были похожи на таджичек: помимо платьев они натянули на себя еще и штаны.

В поисках малинника Шувара вначале находилась поблизости около моей матери и Светика, но скоро она увлеклась.

Первые ягоды, упавшие на дно ведра раззадорили ее. Людмиле тоже захотелось всех удивить. В детстве она была заядлой сборщицей ягод.

Пробираясь в лес все глубже и глубже я торопливо срывал и бросал в ведро малину. Скоро от большого количества ягод дно ведра скрылось. Шувара следовала за мной, не отставала. Какое-то время я наблюдал за ней, но затем выпустил из вида. Она предстала передо мной неожиданно. Вначале я услышал ее голос, а затем уже увидел саму Людмилу:

– Сеня, я взяла с собой фартук, но так и не повязала его. Боюсь испачкаться. Помоги мне, я одна не справлюсь, – и она, набросив на шею фартук, повернулась ко мне. Я, обхватив ее за талию, попытался завязать лямки, но мне почему-то это не удавалось: руки у меня стали дрожать, я напрягся. Людмила повернулась ко мне лицом и обняла меня. Я потянулся к ней. Она буквально набросилась на меня и стала всего целовать:

– Сеня! Ты знаешь, должен знать! Я люблю тебя, давно люблю. Меня к тебе толкала моя мать. Но я не могла. Думаешь, она не была у Петенихи? Была! Она ей нагадала, что если кто-то из нашей семьи породниться... – Людмила замолчала, затем, глотнув со всхлипом воздух, продолжила, – словом проклятие Сафронича спадет. Я не хотела любить тебя по указке матери. Наверное, я дура? Да! Ты так сейчас думаешь?

– Нет, что ты! Нет! – воскликнул я. – Возвратить уже ни-

чего нельзя. Что есть, то есть. Я бы хотела иметь от тебя ребеночка, ну такого как Светик, – прошептала еле слышно Людмила. – Как я завидую твоей Елене. Полгода назад я перенесла операцию. Ты знаешь, тебе мать или еще кто-нибудь из наших – непременно рассказали? Я не могу иметь детей!

Я стоял как в тумане. Мои руки обнимали Людмилу, прижимали к телу. Я чувствовал ее всю, но мой мозг был пассивен. Завязать фартук я так и не смог. Его закрепила на поясе Людмилы моя мать. Шувара едва заслышав шум, раздвигаемого малинника, вдруг отскочила от меня. И, конечно, во время.

– А вот вы где? – услышал я голос матери. – Ну-ка показывайте, много набрали малины!

Заглянув в ведро, мать похвалила меня.

– Однако, – сказала она, бросив взгляд в ведро Людмилы, – ты Сеня немного отстаешь!

Лицо дочки было все испачкано. Она улыбалась.

– Посмотрите, посмотрите, сколько у меня ягод.

Я заглянул, дно ее ведра было едва заполнено, но Светик была довольна.

– Да у тебя ягод много, очень даже! – сказал я дочери и улыбнулся. Она обрадовалась и сообщила:

– Я наберу полное ведро, вот увидите.

Скоро ведра были доверху заполнены малиной, и мы отправились домой.

Обратная дорога лежала через поле. На нем когда-то ост-

ровком выделялась усадьба Сафронича. Когда его дом разобрали, он этот островок сузился, но все еще оставался – никто не хотел рубить яблоневый сад. Деревья постарели, стали падать, и усадьба была окончательно разорена.

Идти было не удобно. На поле росла кукуруза. Хотя ее и скосили на корм скоту, но нам под ноги попадались торчащие из-под земли жесткие высохшие стебли.

Я постоянно наталкивался на них. Разговор, состоявшийся с Людмилой в лесу, заставлял меня иначе смотреть на нее. Поблекшая от невзгод – она все еще тянула меня к себе. Не знаю, чем, но тянула. Слова Шувары меня выбили из колеи. Многое из того, чего я не понимал, стало для меня ясным только теперь.

Каким бы не был смешным роман тети Насти с моим отцом, но он был одним из шагов Шувары. Даже поездка Ирины, сестры Людмилы оказалась неслучайной. Как после я выяснил, Сафронич оставил дяде Тимофею адрес своего старшего сына: он надеялся, что тот опомнится и исправит положение. Ирина в городе бегала за внуком Сафронича – все делала, чтобы породниться. Однако ей это не удалось. Выполнить наказ матери она не смогла.

Людмила любила меня. Тетя Настя хотела использовать ее любовь и, видя, что я заглядываюсь на нее, толкала дочь в мои объятия. Она же сторонилась меня, избегала из-за боязни, что наша любовь по воле матери может быть опошлена.

Тетя Настя пыталась использовать не только меня, но и

моих братьев. Особенно рьяно она однажды набросилась на Василия. Случилось это, когда ее старшая дочь пошла по рукам. Анастасия Ивановна, останавливая жену Василия, где-нибудь в магазине, говорила ей:

– Ах, как тебе повезло. Моя Ирина не может нахвалиться твоим мужем. Ты просто счастливая, – и после, развернувшись, быстро уходила.

Что могла думать после таких слов молодая женщина?

Их союз спасло рождение ребенка. Только тогда тетя Настя отстала.

Брат Александр, когда был уже разведен, чтобы отбиться от тети Насти напомнил ей о проклятии Сафронича. Она отстала от него.

6

О своем родственнике Артеме, за которым «охотилась» Ирина, сестра Людмилы Шувары я узнал случайно. Старые дела, касавшиеся его отца и через него Сафронича – деда, вынудили Артема, приехать вначале в село, где он познакомился с моим отцом и матерью, а затем уже и с моей семьей.

Мой отец Владимир Иванович редко звонил по телефону. Подняв трубку, и услышав его голос, я был несколько удивлен.

– Сеня, встречай нашего родственника. Объявился. Сто лет о нем ничего не было слышно и вот нате, пожаловал. Ну да ладно. Он ищет своего дядю. Архивы находятся все в

Москве. Ему нужно на время жилье. Помоги ему.

Я согласился. Рано утром съездил на вокзал и встретил Артема. Мы довольно быстро сошлись. Жене мой родственник тоже понравился. Светик в нем души не чаяла. Наверное, это было связано с тем, что он относился к ней как к взрослой.

Артем прожил у нас более недели. Его поиски были безуспешны. Я успокаивал Артема и говорил, что все будет хорошо.

Уже перед самым отъездом мы разговорились. Артем, укладывая сумки, достал какие-то черепки от разбитого горшка.

– Сеня, я не знаю, что мне с ними делать. Это, хранилось у отца. Он когда умирал, передал их мне.

Я посмотрел на черепки и заинтересовался: уж не те ли это останки от горшка, в котором Сафронич хранил свой клад.

Своим открытием я поделился с Артемом.

– Не знаю, – сказал он, – но если это так, то забери их, быть может, ты что-то изменишь в судьбе Шувар. Владимир Иванович твой отец мне кое-что рассказал о проклятии. Дело уже прошлое. Мне жалко их, особенно Людмилу, – и он сунул мне черепки. – Помоги! Хорошо!

– Артем, будь, уверен, я помогу, но перед тем, как уехать оставь нам свой адрес. Вдруг мне станет что-то известно о твоём дяде, куда я тогда перешлю информацию.

– Хорошо Сеня! Дай бумагу я запишу.

Елена нашла ему чистый тетрадный лист и ручку. Артем записал свой адрес и протянул его мне. Я свернул листок и сунул в карман.

Тот листок я развернул, когда Артем уже уехал.

– Лена, посмотри! У него фамилия, как твоя девичья, может не зря, тетя Настя говорила, что мы с тобой похожи. Уж не родственники мы?

– Перестань. Муж и жена должны быть родственниками.

Прошел месяц может быть чуть больше. Мне не терпелось съездить к родителям. Я хотел увидеть Людмилу, пока она еще жила в селе и не переехала вместе с матерью на свою зимнюю квартиру – в районный городок.

Лицо Людмилы, когда я увидел ее, вспыхнуло улыбкой. Правда, на миг. Ей, было тяжело управляться с матерью, для этого требовалось недюжинное здоровье, а его у Шувары уже не было. Я отдал ей черепки.

– Люда, возьми их, и время от времени бери в руки. Говори сама себе, что все будет хорошо.

– Что мне делать Сеня с остатками добра Сафронича? Мне нужно отдать его?

– Успокойся, ничего не нужно отдавать!

Я думаю жизнь твоя изменится. Тебе станет лучше. Ты этого должна будешь захотеть.

Когда я прощался с Людмилой, она крепко прижалась ко мне, и резко поцеловав, прошептала:

– Спасибо тебе Сеня, я тебя не забуду!

То, что жизнь у нее изменилась, мне стало известно совсем недавно. Сестра Анна ездила навестить родителей. Несколько дней она провела у своей подруги. Возвращаясь, домой в Сибирь, Анна остановилась у нас в Москве. Я не выдержал и тут же поинтересовался:

– Ну, как там Людмила?

– Знаешь, Сеня, Люду не узнать. В ней появилась сила. Она уже не проклинает свою жизнь, как это было раньше.

2002г.

КОЛЯ-КОЛЯ-НИКОЛАЙ

1

Передо мной всегда был невидимый образ дяди Коли – брата матери. Мы жили в Москве, в двухкомнатной квартире, в многоэтажном доме на пятом этаже. Я, мать, отец, брат Валера. Дядя Коля был пятым. Я должен был быть на него похожим. Моя мать Вера Кондратьевна все делала для этого, не жалея ни сил, ни времени.

Дядя Коля мне всегда казался спокойным, умным и рассудительным человеком. Я же был суматошным. Спокойствие было не для меня. Даже став взрослым, я, сколько себя помню, довольно часто попадал во всевозможные передраги.

Нет, я не мог быть дядей Колей. Он, по словам моей матери, был очень уж правильным – таким, что ли, пай-мальчиком. Пай-мальчики вряд ли могли себе позволить то, что вытворял я. Скучно никому не было. Однажды я чуть было не сжег дом: представьте, разложил костер под большим круглым столом в центре комнаты. Мать ругала меня:

– Посмотри, посмотри на своего старшего брата Валеру, он мальчик как мальчик, а ты что вытворяешь? – она думала, что с возрастом я изменюсь и с нетерпением ждала этого момента, но я не менялся. Отцову пачку сигарет выкурил я, не Валера. Мой отец Владимир Фомич набросился на него, а зря. Мать сразу определила, кто виноват. Меня рвало, голо-

ва шла кругом – состояние, в котором я находился, помогло мне. Трепка матери не была такой уж чувствительной для моего хрупкого тельца.

Квартира – это площадка – полигон для проведения испытаний. Я в ней испытывал терпение матери, невнимательность и пассивность отца, и еще зависть брата. Она, если я в ней оставался один, всегда была вверх дном.

Помню, мне долгое время не давала покоя отцова бритва. Она находилась в красивом коричневом футляре. По утрам отец доставал ее и брился. Лезвие бритвы загадочно блестело. Я достал бритву, хотя мне для этого пришлось забраться на шифоньер. После бритья мое лицо было все изрезано. Мать чуть с ума не сошла, увидев на щеках кровь.

Все в моей жизни происходило спонтанно. Мне не нужно было утруждать себя, морщить лоб, придумывать. Увидеть меня решающим какую-нибудь сложную задачу было почти невозможно. От задач не только тех, что задавали мне когда-то в школе, но и жизненных я всегда пытался уклониться. Даже сейчас по прошествии многих лет мне приходится преодолевать себя.

Моя мать Вера Кондратьевна была создана для решения задач. Она постоянно их выискивала, без дела никогда не сидела. Я помню ее сильной женщиной. Владимир Фомич – мой отец пользовался ею. Заботы, связанные с обслуживанием квартиры, оплата за коммунальные услуги: телефон, электричество – все это лежало на плечах матери. Электрик,

сантехник, телефонист обращались только к матери, даже если дома был отец.

Мать видеть смеющейся мне не приходилось, как и плачущей. Она прожила недолгую жизнь. И сколько я помню ее, слабость – черта характера, которую она не знала. Хотя последний поступок матери, возможно, и был вызван этой самой слабостью.

Однажды из разговора с отцом я узнал, что в детстве ей досталось – у моей матери рано умерли родители, и ее воспитывала старшая сестра Надя. Правда, этой самой Наде тогда было всего четырнадцать лет.

У моей матери была еще одна сестра – младшая. Ее я называл – тетя Люба.

Я бывал в гостях и у тети Нади, и у тети Любы. Они жили в селе, расположенном где-то в Брянской области. Мать долгое время жила с ними. Это уже потом она обосновалась в Москве.

Моя мать и тетя Надя были очень похожи друг на друга, а вот их младшая сестра – тетя Люба та была совершенно из другого теста. Мне не раз приходилось слышать, как тетя Люба смеялась. Своим смехом она заражала меня. Казалось трагедия – смерть родителей, ее не коснулась. Возможно, из-за того, что она, когда все это произошло, была еще ребенком и не понимала значимости события.

Мать, насколько я помню ее, всегда была серьезной до странности. Она многое прощала Валерию, моему старше-

му брату, и никогда мне. Я ее очень расстраивал, если что-то делал не так, как ей хотелось. Под пристальным взглядом матери я был готов провалиться сквозь землю, прежде пробуравив пол нашей квартиры.

Мой отец Владимир Фомич, тот был проще. Он хотя и не часто, но вмешивался в мои отношения с матерью и выводил ее из этого странного состояния, в которое она часто впадала:

– Вера, перестань, перед тобой ребенок, веди себя с ним как подобает. Пусть ты дала ему имя, назвав парня в честь своего умершего брата. Но Коля, он другой человек. Это ты должна помнить. Всегда должна помнить!

Моя мать остывала. Под нажимом отца она оставляла меня в покое. Правда, ненадолго. Установившийся вдруг мир всегда готов был разрушиться. Моя голова была забита всякими идеями. Даже мой старший брат Валера и тот был не в состоянии придумать того, что мог я.

Мой отец не считал мои шалости криминальными. Наверное, это подстегивало меня, и я порой совершал такое, чего мать простить уже не могла не только мне, но и ему. Тогда отец, осознав мой проступок, неожиданно ретировался. Мать, схватив тряпку, беспощадно меня колотила и при этом кричала:

– Коля, ну посмотри на меня! Что мне прикажешь с тобой делать? Что? Ну отчего ты такой? Почему ты, ты ..., – она, с трудом удерживала себя, чтобы не сказать мне: «Не похож

на дядю Колю!».

Скоро я научился с ней ладить. Спокойствие в доме достигалось благодаря тому, что театр своих действий я перенес из квартиры на улицу. А мой брат Валера тот перебрался с улицы в дом. У матери появились другие проблемы. Однако полностью освободиться от ее опеки, я был не в состоянии. Дядя Коля присутствовал. Моя мать если бы имела портрет своего брата, повесила бы его на видное место. Я не раз был свидетелем как мать, вдруг задумавшись, отключалась от реальных жизни.

– Коля-Коля-Николай сиди дома, не гуляй, – долго причитала она.

Отчего умер ее брат, я не знал. Он был большой, добрый, умный, красивый, хороший и так далее...

Неужели дядя Коля, бросив дом, пошел гулять, и с ним что-то произошло? Это было смешно. Но спросить я не осмеливался. То была запретная тема. Отец, я думаю, если бы знал, рассказал мне о нем. Однако, даже он не вмешивался, щадил Веру Кондратьевну. Разговоры, о ее Коле могли быть матери неприятны.

О себе мать рассказывала мало. Я мог судить о ее характере по тем событиям, которые разворачивались у меня перед глазами. Находиться дома с нею мне было тяжело. Я, как в одной детской игре, чувствовал себя слабым перышком от обычной ученической ручки. Им можно было двигать по плоскости стола при помощи мощного магнита. Мной мани-

пулировала мать, ведь я был ее «любименьким сыночком». Из-за этого Валера меня часто дразнил:

– Сыночек! Маменькин сыночек! – кричал он, прыгая вокруг меня.

Правда, я им стал случайно – из-за отца. Первый сын – старший, достался ему. Отец на притязания матери сказал:

– Не тронь парня, мой! – Как мать не пыталась доминировать в семье, он был намного старше ее, она уступила ему. На меня отец махнул рукой, отдал с потрохами.

– Получай Вера Кондратьевна! – сказал он матери, когда я появился из роддома. – Этот твой. – Если бы не отец, быть моему старшему брату Колей, а не Валерой. О, как это было бы славно. Судьба, против нее не попрешь.

Я завидовал старшему брату. Мне даже имя его нравилось. Ва-ле-ра – это звучало здорово. А у меня? Так себе – обычное. Брат был вне влияния матери, а значит независим.

Быть сыночком отца было престижно. Однако влияние, которое он оказывал на Валеру, также было нездоровым, особенно в последние годы его жизни. Отец невольно, как тот молох подмял парня под себя и погубил его. Мой брат даже не сопротивлялся.

Моя мать Вера Кондратьевна работала в тепличном хозяйстве, в колхозе. Я часто бывал у нее на работе. Вне дома мать была другой. Странно, но на работе у нее я себя чувствовал намного комфортнее. Рядом находились ее подруги: тетя Маруся и тетя Сима. Еще в бригаде был дядя Миша,

сантехник. Он появлялся, когда были проблемы с теплом: термометр не показывал нужную температуру или же когда обнаруживалась в трубах течь. У сантехника постоянно блестяли глаза. Он подмигивал женщинам и говорил:

– Бабоньки, может выпьем по рюмочке?

Мать, взглянув на подруг, спрашивала:

– Ну, что, соглашаемся, – а потом, удержавшись, кричала на дядю Мишу:

– Иди черт отсюда, не соблазняй, – и замахивалась на него шлангом, из которого она поливала огурцы. Сантехник смеялся и выбрасывал слова, как воду с пузырями воздуха:

– Да пошутил я, бабоньки, пошутил.

Мать говорила мне, что дядю Мишу испортила война. Он там пристрастился пить горькую.

Я любил ходить к матери на работу. Стоило мне появиться, как подруги Веры Кондратьевны сразу же лезли ко мне, давали конфеты, пытались заговаривать. Я, конечно, был не очень общительным, но мой чубчик, круглое лицо, серые острые глаза и лопухи-уши вызывали у них умиление. Мне было достаточно кивать головой и время от времени улыбаться.

Мать в компании тети Маруси и тети Симы выглядела девчонкой, она была невысокого роста, круглолицая с вздернутым кверху носом, волосы заплетены в косичку. Я, когда глядел на ее подруг снизу вверх, думал: «Вот кто может защитить мою мать. С ними ей не страшны не какие удары

судьбы». Я словно предвидел плохое. Не знаю, с чем это было связано, но, взрослея, я все больше и больше склонялся к мысли, что мать какой бы не была сильной, очень ранима. В трудное для матери время эти самые подруги, не смогли ей помочь.

Мой отец был рабочим. Он обслуживал компрессорную установку. Заводу был нужен сжатый воздух. Свою работу отец считал не тяжелой. Он не мог заниматься тяжелым трудом, так как часто болел. Проблемы, связанные со здоровьем, он списывал на войну. На фронте отец отпахал от звонка до звонка. Как он не бодрился, стараясь не замечать своего недомогания, его настроение было написано на лице. Язва желудка – заболевание нешуточное.

Мать – колхозница, отец – рабочий. Наша семья была типичной рабоче-крестьянской.

Однажды, когда у нас в доме появилось чудо техники – первый телевизор и я, впервые увидел на его маленьком экране заставку киностудии «Мосфильм» – не выдержал, закричал:

– Мам, пап!– идите вас показывают, – и был прав. Мне воочию представлялся отец и мать, стоящими на пьедестале. Мать держала в вытянутой руке серп, а отец молот.

У отца на работе я не был. Завод меня не интересовал. Одно время я его даже боялся. Шум работающей компрессорной передвижной установки на улице города выводил меня из равновесия. Я ее обходил за километр.

Мой брат Валера, тот рвался на завод. Мне припоминается, что отец его как-то водил, иначе, отчего бы, он хвалился мне:

– Я вот, когда вырасту, пойду работать к отцу.

Нет, я не хотел идти работать к Владимиру Фомичу, как его величали на заводе. Мне больше нравилось на работе у матери. Тем более, что она, эта самая работа, находилась недалеко от дома – всего нужно было проехать несколько остановок на автобусе или же пройти дворами. На дорогу уходило минут десять-пятнадцать.

Работа в теплицах начиналась задолго до начала весны. В конце марта снимали первый урожай огурцов. Для этого мать вместе с подругами готовила гряды, таскала на носилках чернозем, удобряла почву, затем высевала семена, поливала их. С появлением первых ростков возникала необходимость бороться с сорняками и грызунами: кротами, мышами, а порой и с крысами. Для этой цели у матери были ядохимикаты. Я как-то раз из-за любопытства залез в шкаф и достал оттуда темную бутылку. Мать увидела, чуть не упала в обморок:

– Коля, ты что делаешь? Стой! – и с глазами на выкате бросилась ко мне, выхватила ее у меня, – чтоб я тебя больше не видела здесь! – На нее тут же набросилась тетя Сима:

– Вера, сколько я тебе раз говорила, закрывай шкаф на замок? – После, он открытым уже никогда не был. Во время работы с ядами, женщины выпроваживали меня на улицу.

Как-то раз такая же черная бутылка мелькнула у меня перед глазами, правда уже в квартире. Мать, возвратившись с работы, тут же позвонила, кому-то по телефону и с нетерпением стала ходить по прихожей. В руках она держала сумку. Как только раздался звонок в дверь, она открыла ее и, вытащив черную бутылку, отдала соседке-дачнице.

Теплицы снаружи только были неприметны. Внутри я чувствовал в них себя первооткрывателем. Вокруг меня повсюду тянулись лианы – зеленые, толстые стебли огурцов. Когда они цвели дядя Миша ставил улей и повсюду слышался звон пчел. На улице было минус двадцать, а в теплицах температура поднималась выше тридцати градусов тепла, мать открывала форточки. Иногда ей приходилось наведываться даже в выходной день. Открытыми форточки нельзя было оставлять надолго. В теплицах строго выдерживался режим. Часто я, вообразив себя индейцем, заигравшись, начинал бегать, как ошалелый, и довольно громко кричать, размахивая руками, тогда мать меня останавливала и выгоняла из теплицы:

– Коля, хватит! Иди на воздух, остынь немного!

Я нехотя выходил из хрустального, так мне казалось в детстве, сказочного сооружения, и долго бродил вдоль теплиц, глядя на подступающие вокруг многоэтажные здания города. Потом он, город, конечно, отвоевал эти земли, теплицы были снесены.

Мне было жалко разрушенный маленький оазис зелени,

тепла и запахов лета среди зимы в огромном дымном городе. Мать, конечно, не уволили. Она продолжала работать. Просто ее перевели на другое место. Там, она стала заниматься цветами. Меня цветы не интересовали. Я еще не дорос до тех лет, чтобы знать в них толк.

Я, когда был постарше, побывал у матери на новом месте работы и не один раз, однако особого желания ездить к ней уже не испытывал. На дорогу в один конец у меня уходило более часа. Территория, отведенная под теплицы, находилась за городом. Однажды, кому-то из своих знакомых мать сказала по телефону:

– Загнали нас «к черту на кулички». Я теперь ничего не успеваю сделать! Ни на что нет времени.

Ошибалась мать, на меня у нее было время. Я, сколько себя помню, всегда был под ее неусыпным оком. Правда, контроль с ее стороны несколько снизился, она уже не могла, как раньше неожиданно нагрянуть домой, и проверить меня, но у нее была возможность позвонить из конторы по телефону. Раза два-три в день я отчитывался ей о своих делах. Еще мать подключила брата Валеру. Он был обязан за мной наблюдать

Но Валера, сколько я его помню, мной заниматься не хотел. Брат просто-напросто закрывал меня в квартире и убегал на улицу к какому-то Тольянычу, так он называл своего друга Толю, а мне говорил:

– Делай уроки, приду, проверю!

Я себя не утруждал. Задания школьные выполнял кое-как. Знал, Валера в мои тетради заглядывать не будет. Он в свои не особо любил заглядывать. Ему нравилось меня лишь только пугать. Сам брат тройки получал легко. Для него это раз плюнуть: достаточно было не отвлекаться на занятиях. Отец с его оценками был согласен.

Мне, как и Валере, учиться не нравилось. Я стремился быстрее разделаться с уроками и заняться играми. На игры я был горазд. Что я только не делал. Обычные вещи, которые мне попадались под руки, способны были преобразиться и стать чем угодно. Из венских стульев я строил себе и корабль, и самолет, и простой обычный автомобиль.

Однажды я заигрался так, что не заметил прихода матери. Ее недовольство мне было понятно. Кавардак, который я учинял в квартире, трудно поддавался описанию. Представшее зрелище ничем не отличалось от прошлых картин, но внимание матери привлек новый предмет – балалайка. Музыкальный инструмент я случайно разыскал на антресолях.

Мать потратила целую вечность, чтобы к приходу отца кое-как прибрать квартиру.

Отколотила она меня тогда отменно. Я о той трепке и сейчас вспоминаю с содроганием. Все было бы ничего, если бы не этот злосчастный предмет. Музыкальный инструмент мне пригодился для строительства космического спутника. Не знаю, каким образом, но я сломал балалайку. Оказалось, что она – это все что когда-то осталось у матери на память о бра-

те Николае.

– Ты, ты даже мизинца не достоин своего дяди Коли! Ты варвар. Вот кто, – кричала она на меня. – Я не хочу тебя после всего, что произошло видеть.

Сколько мне тогда было? Наверное, лет десять-двенадцать. Мне было трудно вынести те унижения, которым меня подвергла мать. Я, сорвался и убежал из дома. Идти мне было не куда. Город я не знал, поэтому отправился туда, где еще совсем недавно стояли теплицы. Они все были разорены. Их скелеты пугали. Повсюду под ноги мне попадалось битое стекло. Я пристроился в уголке одной из теплиц и стал размышлять о своей жизни.

«Ну, ладно, – решил я для себя, – эту ночь, —которая стремительно надвигалась на город, – переночую здесь, а затем сяду в поезд и отправлюсь в село к тете Любе. Она веселая. У нее мне будет отлично. Здесь я никому не нужен». Мамин «дядя Коля» не даст мне житья.

Однако никуда я не поехал. Ночью меня что-то разбудило. Я думал холод. Хотя на улице и был май, но время от времени по радио сообщали о заморозках.

Я с трудом продрал заспанные глаза. Передо мной стояла мать, рядом отец. Он поднял меня полусонного на руки и понес домой. По дороге он что-то говорил матери. Мне казалось, что он ее ругает. Все было как в тумане. После я долго чувствовал себя не в своей тарелке: привыкал к шкафам, столам, диванам, кровати – все мне казалось чужим. Чужи-

ми были и отец, и брат, а особенно мать.

Не знаю, как долго я приходил в себя. Но, когда матери не стало, я первым делом облазил всю квартиру. Я искал балалайку. Ту, из-за которой мне попало. Ее я обнаружил на шкафу. Она была замотана в платок. Платок я порвал, а инструмент, схватив за гриф, с превеликим удовольствием разбил о подоконник. Балалайка разлетелась на щепки. Сейчас по прошествии многих лет мне жалко, что я мог такое сделать.

2

Не один я после побега из дома чувствовал себя одиноко. В таком же положении был и мой двоюродный брат Семен. Он отслужил в армии и приехал поступать в институт. Семен был сыном тети Нади. Я сдружился с двоюродным братом. Если бы не он, я бы, наверное, снова убежал и уж на этот раз обязательно добрался до Щурова – села, где жила тетя Люба. Мать, глядя на меня, не могла нарадоваться:

– Молодец Николай, – она меня так назвала впервые, – Вот таким был твой дядя Коля. Я довольна. – Отец в отличие от матери на меня смотрел с опаской и успокоился лишь только тогда, когда я однажды разбил дорогую вазу.

– Слава Богу, – сказал он, когда мать, схватив тряпку, принялась меня колотить, – парень оживает.

Галлюцинации – образ тети Любы и ее заразительный смех долго не покидали меня. Однако я быстро пришел в себя, не то, что Семен. Хотя мне порой и казалось, мы с ним

приехали вместе.

Семен, как ему было нетрудно, но сдал экзамены и поступил в институт. Он желал быть независимым от родителей, для этого двоюродный брат выбрал вечернее отделение. Это позволило ему работать на заводе и получать деньги.

Я учиться не хотел. Мне даже в школе было учиться невозможно. Пример двоюродного брата был не для меня. Я мог равняться только лишь на Валеру. Валера школу окончил на одни тройки и то восемь классов. Получать среднее образование он отказался.

Отец отдал его в училище. Брат хотел пойти работать на завод, но его не взяли. Женщина в отделе кадров, ознакомившись с документами, взглянув на парня, сказала:

– Мал еще, подрасти немного!

Дома Валера удивлялся:

– Мам, неужели я не выше отца?

– Выше! – ответила она.

– Но он ведь работает. Даже Семена и то взяли на завод, хотя он приехал из села. Почему я не могу?

– Тебе сколько лет? – спросила мать, и сама же ответила, – пятнадцать! Ты еще несовершеннолетний. Нароботаешься, не спеши. Все в свое время!

Чтобы не делал Валера, он видел себя взрослым, спешил стать им. Брат нарочито показывал, что у него изменился голос. Однажды Валера, вдруг ни с того ни сего, взял в руки сигарету. Правда, в училище многие ребята уже курили. Он

не был серой вороной – исключением. Иногда парень приходил домой выпивши. Отец его не трогал. Мать пыталась как-то остановить сына, но Владимир Фомич сказал:

– Не лезь, Валера мой. Он уже взрослый. Пусть сам решает, что ему нужно. А ты лучше смотри за своим «дядей Колей», – и он показал пальцем на меня.

Мать обиделась на него за эти слова и решила не вмешиваться:

– Ну, хорошо занимайся своим сыночком сам. Мне он не нужен. Но заниматься Валерой отец не мог. Он часто болел. Я не раз слышал от него:

– Коля, вот здесь, будто кто-то сидит во мне, – отец показывал на грудь, – и ножами меня колет. – Отца мучила язва желудка. Раза два-три в году он ложился в больницу и находился там неделями. А сколько ему приходилось пройти обследований. Мой брат был предоставлен сам себе. Свобода, которую Валера получил от отца, его радовала. Он ею пользовался.

Однажды брат попал в отделение милиции. Его вместе с ребятами забрали за распитие водки в неподобающем месте – в парке отдыха. Отец лично сходил за Валерой и забрал его оттуда.

– Ну, как там, в каталажке? – поинтересовался я, едва брат появился на пороге квартиры. Валера, не говоря не слова, тут же замахнулся на меня кулаком. Я еле успел отскочить и спрятаться за Семена. Если бы не моя реакция, мне попало.

После брат избегал милиции. Отец строго-настрого наказал:

– Хочешь выпить? Возьми бутылку и выпей дома, чем в подворотне. Я разве тебе запрещаю. Однако просто без повода не пей. Запомни это! – Брат запомнил слова отца. Брал и пил. Поводов у него хватало. То праздник, то день рождения у друга, то сдача экзамена.

Мать рано уходила на работу, возвращалась поздно. Дома она появлялась никакая. Для отца домом стала больница. Семен уходил со всеми, возвращался, где-то около одиннадцати часов вечера. Мы были предоставлены сами себе.

Валера часто был не один, с друзьями. Бывало, приходил Тольяныч. От нечего делать они сбрасывались и карманные деньги, выданные родителями на мелкие расходы, пускали на покупку вина. Друг Валеры по двору все время оглядывался.

– Ты, чо? – спрашивал его брат.

– Вдруг, твои родители придут, мать или отец? Застукают! – отвечал он.

– Не бойсь, мне разрешают.

Дома, в их компании мне было неуютно. Я все больше и больше времени проводил на улице. Матери это не нравилось. Она в любых моих действиях видела плохое.

– Коля, что с тобой происходит? – часто спрашивала мать.

– Ничего! – отвечал я. – Ты меня не доставай, и все будет нормально. Я не хотел, чтобы она копалась в моей душе. Почему я должен быть копией ее брата Коли. Кто он такой,

чтобы я его повторял.

Дядя Коля учился хорошо. Мать всегда любила повторять мне, что, если бы ее брат не умер он, был бы каким-нибудь ученым. Николай Кондратьевич ходил в один класс, а сдавал экзамены за другой. У меня с учебой ничего не получалось. Наука мне давалась хуже, чем Валере, хотя он и не блистал. Мاستак был учиться мой двоюродный брат Семен. Учеба у него занимала первое место. Я не мог, как он сидеть часами над учебниками. Это было не для меня. Двоюродный брат не раз пытался мне помочь. Но я не был усидчив и поэтому часто от его помощи отказывался.

Моя мать была довольна приездом племянника, так как родственники по ее линии своим присутствием не баловали. Я не мог припомнить, когда тетя Надя или же тетя Люба были у нас в гостях.

Мать выделяла Семена. Особенно ее радовало то обстоятельство, что племянник сумел поступить в высшее учебное заведение. Она с удовольствием высказывала Владимиру Фомичу моему отцу:

– Вот, видишь, парень из села, а поумней наших, – городских будет, – ей это было нужно, потому что отец кичился своим происхождением и часто похвалялся родней. Особенно он расхвалился, когда к нам в гости приезжала его сестра тетя Валя с мужем дядей Петей и своими домочадцами Гришей и Витей. Они жили в Ногинске. Отец мой был родом оттуда.

– Я, москвич, а ты кто? – кричал отец, изрядно нагружившись коньяком, и, тыкая пальцем в сторону матери, утверждал: – Село, вот кто ты!

Тетя Валя была довольна. Она тоже была москвичка.

Приезд родственников из Ногинска был нечастым – раз два в месяц. Подарки, которые они привозили, предназначались Валере. Он был любимый сыночек моего отца.

– Наша порода, говорила тетя Валя, тискающая Валеру, – наша!

Подарков было много. Они состояли из игрушек подросших сыновей тети Вали и дяди Пети. Гриша и Витя, сколько я их помню, были для меня всегда большими.

Валеру привлекали машинки, трактора, самолеты. Все остальное он отдавал мне.

Тетя Валя вела себя с вызовом, во все вмешивалась и часто способствовала разжиганию ссор.

Мать не раз выталкивала отца в Ногинск.

– Съезди к своей москвичке.

Отец сопротивлялся:

– Да был я у нее. Она готовить не умеет. С язвой у них там делать нечего.

Тетя Валя, создав конфликтную ситуацию, сама же и успокаивала всех.

– Ну ладно, хватит вам, – говорила она, – давайте садиться кушать. Нас детей размещали рядом за общим столом.

Валентина Фоминична торжественно доставала из сумки

бутылку коньяка, она его привозила для брата и ставила ее посреди закусок, с шумом раздвигая тарелки.

– Это тебе для язвы, – говорила плотная, пышущая здоровьем, в отличие от отца, женщина и, как-то по-особенному, бросала взгляд на присутствующих. Мать принимала ее вызов на себя, ей не нравилось то, что Валентина Фоминична потихоньку спаивает мужа. Владимир Фомич чувствовал это и выгораживал сестру.

– Я на войне в рот не брал этого зелья, а там было положено каждому солдату по пятьдесят граммов спирта. Сейчас, я просто вынужден пить. Врач мне сказал: «Тебе осталось жить месяц». А уже сколько прошло? – и отец принимался подсчитывать, загибая на руке пальцы.

– Ну, и дурак! – однажды не удержавшись, ответила мать. – Лучше бы ты там пил. Сейчас, когда дети становятся на ноги, ты должен быть трезвым. – Она с опаской относилась к переменам во взаимоотношениях с мужем. Болезнь не только физически переламывала Владимира Фомича, но и духовно.

Фраза, высказанная матерью, понравилась Валентине Фоминичне – она засмеялась громче всех. Тетя Валя любила шуточки. Ей было все равно над кем и над чем смеяться. Она могла и себя не пожалеть. Возможно, мать ее из-за этого свойства характера часто прощала.

Семена тяготили застолья, и он часто их игнорировал, придумывая поводы, чтобы не присутствовать. Отговорку

порой ему было найти трудно. Я как мог ему помогал. Однажды он сказал мне:

– Я, Коля если случается выпить рюмку вина или водки, чувствую себя плохо. День потерял. Мне так много нужно еще сделать. Москва – это тебе не Щурово – мое село, здесь у меня столько возможностей. Я там учиться не мог. Не было условий. Сейчас я должен наверстать упущенное время. Мне нельзя терять ни одного дня.

Мой отец обижался на Семена. Как-то он сказал мне:

– Коля, не понимаю я твоего двоюродного брата. Он устроился на работу и не поставил даже пол-литра. Потом первую зарплату нужно было обязательно отметить, а он, он принес торт какой-то и всего лишь. Разве это порядок.

– И правильно сделал! Торт и чай – то, что надо! – сказал я.

На мои слова отец махнул рукой, посчитав меня еще ребенком.

Отцово недовольство подействовало на Семена, и он однажды притащил полную сумку с бутылками вина. Я был удивлен. И не только я, но и мой отец, однако не удержался и похвалил племянника:

– Вот это по-нашему!

Семен со звоном поставил на стул сумку и принялся доставать бутылки. Я бросился ему помогать. На большом круглом столе выстроилась целая батарея. Мой двоюродный брат четко перечислял все торжественные дни – праздники,

за которые Владимир Фомич мог бы пропустить рюмочку. Их набралось с десятков.

– Эта бутылка? За мой приезд! Эта? За мое трудоустройство! Это? За первую получку! Это? За поступление в институт. Это?...

Мне было стыдно за отца. Однако он отнесся к поступку Семена спокойно.

– Садись Сеня, – сказал он, – садись за стол. Валера иди к нам. Меня он отогнал:

– Вот будешь немного постарше, добро пожаловать, и ты! Я видел, что Семен пить не будет. Он все обставил так, чтобы отказаться от застолья.

– Нет, спасибо, мне нужно торопиться в институт, – он сделал шаг в сторону двери и остановился. – Да, еще. Мне дают место в общежитии. Я завтра собираюсь переехать. – Отец его не слышал, но тут же согласился:

– Хорошо, хорошо, – его взгляд был направлен на бутылки.

– Мы тебе оставим, – продолжил он. – Давай вечером приходи. – Семен пришел, однако выпил всего лишь одну рюмку и на настойчивое предложение повторить, сказал:

– Нет-нет, я больше не могу. Мне завтра на работу!

– Нам тоже, – ответил мой отец, – но мы же...

На следующий день Семен, собрал свой чемодан и отправился в общежитие. Без него в доме стало пусто. Присутствие двоюродного брата несколько скрашивало мою жизнь.

Мать, много раз пыталась с его помощью воздействовать на меня, но так и не смогла. Семен не любил давить, «нагружать» кого-нибудь, используя силу, даже меня.

Удовлетворительная оценка по математике – это его заслуга. Мне грозила двойка. Я окончил восемь классов. Учиться дальше мне не хотелось, я решил отправиться по стопам Валеры. Дорожка, слава Богу, была проторена. Мать никак не соглашалась. Я тряс аттестатом, в котором было много троек, и кричал:

– Скажи, кто меня с такими оценками возьмет? А потом я хочу работать у вас в колхозе. Мне как Валере завод не нужен!

– Ты что? – кричала на меня мать. – Даже и не думай. Кому скажи, парень живет в Москве, а работает в колхозе, – засмеют. Я, думаешь, отчего уехала из деревни, чтобы работать в колхозе? Нет, так получилось! Уж лучше иди ты в училище.

На том мы и решили. Мой аттестат был не лучше аттестата Семена. У него также хватало троек. Однако мой двоюродный брат имел сильное желание учиться, чего не имел я. Мне в высшем учебном заведении делать было нечего. К тому же, чтобы пойти в институт я должен был получить среднее образование. Представить себя учащимся девятого, не говоря уже о десятом классе, я не мог.

Мой отец Владимир Фомич стремился нас детей поставить на ноги. Он торопился, боялся приближения смерти, часто жаловался на боли в желудке.

– Ты, хоть лучше закусывай, – наваливалась на него мать, смирившись с пьянством мужа, – высох весь, как та вобла. – На отца было страшно смотреть.

Чем слабее он становился, тем более разнузданнее в поведении был мой брат Валера. Присутствие Семена его несколько сдерживало. Он был вынужден с ним считаться. После отъезда двоюродного брата свобода, которую Валера вдруг ощутил, его окончательно испортила. Я стал сторониться Валеры и избегать. Он готов был в любой момент пустить в ход свои кулаки.

Мой отец Владимир Фомич забыл о своем любимом сыночке, и Валера на работу устраивался через училище, по направлению. Завод, на который его направили, не был заводом отца. Отец не пожелал взять моего брата к себе. Мне он сказал:

– Ты, Николай уже почти взрослый, все понимаешь. Валера у тебя весь на глазах. Я не хочу позорить себя. На заводе я заслуженный человек. Он все мне испортит, увлечение водкой ни где не приветствуется, особенно у нас. Пусть я не лучше его, тоже пьяница, но меня мучают адские боли, я не могу не пить, к тому же я знаю меру и никогда не приду на работу пьяным. А он? В нем я не уверен. Сильный, красивый парень. Девки за ним бегают, ему нужно жениться, заводить семью, а не пить.

Валера, дальше стакана ничего не видел. Тут отец был прав. Частые выпивки шли брату во вред. Работал он хоро-

шо, но не раз прогуливал, а уж опаздывал, так несчетное количество. От увольнения его спасало то обстоятельство, что он был призывником. Армия должна была исправить Валеру. Так думал отец, ничего не предпринимал, ждал изменений.

Однажды случилось – брату пришла из военкомата по-вестка. Тетя Валя, дядя Петя и их сыновья Григорий и Виктор примчавшись на проводы, не могли насмотреться на моего брата.

– Ты молодец, наша порода, наша, – обхаживая со всех сторон парня, приговаривала тетя Валя.

Одного она не заметила, с каким он шиком, ловко опрокидывал рюмки с вином. В тот день Валера нагрузился – от-вел душу как никогда. Стол ломился от яств. Но, брат заку-сывал мало.

Проводили его на призывной пункт торжественно.

– Голова шумит, – сказал он, – вот бы остаться и как сле-дует опохмелиться. Похмелья он не дождался. Вся его жизнь прошла на бровях, в тумане.

Отец оказался не прав. Армия испортила брата. Валера попал в строительный батальон. Дисциплина там была на са-мом низком уровне. После двух лет службы Валера вернулся домой хроническим алкоголиком.

Когда брат был трезв, им можно было хвалиться – гусар. Валере шла военная форма. Ему бы там, в армии и остаться. Нас бы не мучил.

Рассматривая детские фотографии, я путался: не мог точно определить, где Валера, а где я – так мы были похожи друг на друга и, конечно, на дядю Колю. Я это знал. Мать не раз говорила нам о том. Я представлял образ дяди Коли.

После службы в армии Валера изменился. Мой брат теперь, даже если бы его назвали Колей, вряд ли мог ему соответствовать, хотя что-то в нем и было от него. Правда, – это что-то заросло густыми черными курчавыми волосами, щетиной. Под глазами у Валеры появились мешки от беспробудного пьянства. Порой он был неузнаваем.

Я, не мог его, не то, что с дядей Колей, но даже с сантехником дядей Мишей сравнить. Тот, напившись, падал куда-нибудь в уголок и тихо спал, а Валера так распыхлялся, того и гляди, чтоб не огрел. Я, чтобы не отхватить оплеуху, убегал. Сзади до меня доносился его пьяный громовой голос и звон падающей на пол посуды.

Еще не так давно мать умилялась и часто говорила отцу: – Твой сын – вот кто Коля! Зря, я не настояла. Мне нужно было дать ему имя, а то назвал Валера! Какой он Валера?

«Валера, Валера, – говорил я себе, – до чего же ты опустился, на кого ты стал похож, даже мать и та тебя стала ненавидеть».

Отец был бессилен. Он уже не мог с ним справиться. Джин вышел из бутылки и стал неуправляем.

Два года учебы в училище для меня пролетели незаметно. Я устроился на завод. В кармане у меня появились деньги.

Часть зарплаты я отдавал матери, а другую оставлял себе на мелкие расходы.

В друзьях я недостатка не испытывал. Рядом возле меня на заводе работало много знакомых из училища. Нас распределили в механический цех токарями. На работе я уставал, но физическая усталость была ничто по сравнению с духовной. Дома мне также доставалось. Наверное, по этой причине я с друзьями в заводском скверике нет-нет и «раздавливал» бутылочку беленького. Вино я не любил. Водка крепче забирала.

Затуманив мозги, я курил и сквернословил. Брат Валера был мне примером. Правда, в отличие от меня он пил каждый день и помногу. Я ему подражать не стремился. Все происходило невольно, само по себе.

Отец, не желая того, сделал из Валеры алкоголика. Сам он также прикладывался к бутылке, наверстывал, стремился выпить то, что не выпил на войне, однако в отличие от сына себя контролировал. Валера же этого делать не умел, а может быть, и не хотел.

Понятно моему брату после службы в армии полагался отпуск. Но, этот отпуск у него отчего-то затянулся.

Все дни брат проводил дома. На улице он если появлялся, то ненадолго: прикупить бутылочку винца. Деньги Валера выбивал у матери. Она у нас была «кассиром». Отец, если было неважко, ложился в больницу на лечение. Порой мне казалось, что он там прячется от Валеры. Я понимал отца, и

сам был готов от него прятаться, да и мать домой после работы перестала торопиться. Брат напивался до чертиков.

Однажды, Валера чуть было не вывалился из окна. Хорошо, что отец оказался рядом и подхватил его за ноги. От крика отца у меня волосы встали дыбом. В считанные секунды я и мать подскочили к нему, и мы вытащили Валеру из черной пропасти распахнутого настежь окна.

Я долго не мог успокоиться. Отец целый час не отходил от брата и держал его за руки. Мать была тут же. До сих пор я не пойму, как все произошло. Отчего Валера перепутал окно с дверью.

Из небытия меня вывел звонок Семена. Он минут десять звонил и звонил в дверь. Я не сразу открыл.

– Что стряслось? – «тыкался» Семен с вопросами то к моей матери, то к моему отцу. Они были заняты, крутились возле Валеры. Я пожалел двоюродного брата и все ему объяснил.

– Да, – сказал он, – Валера начинает тяготиться этой жизнью. Возможно, он готов принять помощь, может быть, чем черт не шутит и поднимется. – Семен еще что-то говорил. Я кивал ему головой, однако его уже не слушал. Глядя на суматоху в доме, вокруг Валеры я шептал себе под нос:

– Нет, я не дядя Коля. Валера – не дядя Коля. Больше всех из нас похож на него Семен. – Как только это до меня дошло, я ввалился в комнату брата и закричал:

– Мам, пап вот смотрите, вот он дядя Коля, – и показал

пальцем на двоюродного брата.

Все вдруг на минуту замолкли. Лицо матери и без того красное еще сильнее покраснело. Мне показалось, что она тогда поняла, впервые за всю свою жизнь, отчего нет спокойствия в семье. Мать готова была заплакать. Глаза ее заблестели... Однако она сдержала себя и не заплакала.

3

На следующий день Валера встал, как ни в чем небывало, оделся и пошел в магазин. Вернулся он быстро. стакан вина заставил его окончательно забыть о произошедшем случае. Не знаю, с каких пор брат перестал привечать своих друзей. Я даже не заметил, когда это случилось. Вначале он отогнал от себя двух парней, которые вместе с ним демобилизовались из армии. Они часто составляли ему компанию. Скоро пришел черед и друзей по двору. Валера перестал делиться. Даже отец, хотя он и желал потянуть рюмочку, был отодвинут им в сторону. Доза, которая требовалась брату, постоянно увеличивалась. Пил Валера неторопливо, смакуя. Рядом лежала книга. Странно, но брат отчего-то пристрастился к литературе. Читал он в основном приключенческие книги. Это его забавляло.

– Вот жизнь, – говорил он мне или же Семену. Двоюродный брат приходил не часто. Однако стоило ему появиться у нас, как Валера, отодвигал бутылку и лез к нему с вопросами. Семен для него был эталоном ума, он любил с ним погово-

ритель. Мне нравилось слушать их разговор. Валера о себе говорил как о пропадающем человеке. В его словах порой звучало:

– Я, что? Мне уже не выкарабкаться, одним словом – «алкаш». А вот Колю я бил и буду бить. Он не должен идти по моим стопам. Ладно, училище он мое окончил, но в остальном для него примером должен быть ты, или пусть тот, как его, ну брат матери?

– Дядя Коля! – подсказывал Семен.

– Да, правильно дядя Коля.

Валера погибал на глазах. Просветления не произошло. Его пьянство было болезнью, при том неизлечимой. Помочь ему ничем нельзя было. Больной не хотел быть здоровым и потому он не мог вернуться в ту жизнь, которая была раньше, хоть будущее и страшило его.

После службы в армии Валера работать так и не начал. Чтобы не попасть в число тунеядцев он скрывался от милиции. На улице бывал лишь по нужде – из-за бутылки вина, затем, когда одной было мало из-за двух, трех...

Однажды из магазина вместе с бутылкой он притащил какую-то женщину. Да, самую настоящую женщину, в годах, к тому же грязноватую.

Мать пыталась ее прогнать.

– Уйди, зараза. Куда лезешь. Парню всего двадцать лет, а тебе? Поезжай к себе, что тут тебе пересадочный пункт, вокзал? – кричала мать.

– Я буду у вас жить. Твой сын меня любит. Скоро мы с

ним ребеночка «сварганим». Вот так, – и Маша, так звали эту тетю, засмеялась, громко и взхлеб.

Подруге Валеры не нравилось, когда я к ней обращался: «Тетя Маша». Она на меня ругалась матом и обзывала пи... Я с ней не связывался. В конфликты не вступал. Тетя Маша была недовольна жизнью, и часто напившись, любила поплакать.

Из особой жалости она как-то вдруг принесла в дом котеночка. Потом у нас появилась собачка. Подруга брата явно была ненормальной. И нас делала дураками. Мать хотела сдать ее в милицию, но Валера сказал:

– Я сброшусь с окна. Мы все перепугались и не стали трогать Машу.

Она была лет на двадцать старше моего брата. Вначале их разница в возрасте бросалась в глаза. Я не мог даже представить, как могло такое случиться. Что он в ней нашел.

Вечером у нас в квартире появился участковый милиционер. Его встретила мать. Отец находился в больнице и много из того, что у нас происходило, не видел, а то умер бы намного раньше отведенного ему срока.

– Вы будете Вера Кондратьевна?– спросил участковый.

– Да! – ответила мать.

– Кем вам приходится Мария Федоровна, – и милиционер назвал ее фамилию.

– Я, знать такую не знаю,– ответила мать. Минут двадцать она разговаривала с участковым и сумела отделаться от на-

шей случайной квартирантки. Валера хотел влезть в их разговор, но я его остановил:

– Молчи, и не высовывайся, иначе тебя заберут вместе с ней. Ты, что хочешь в каталажку? – И он затих.

Мать обрадовалась, что тетю Машу забрали.

– Слава Богу, – сказала она мне, – отделались. Разве это женщина. Она даже за собой не могла убраться. Белье у нее грязное, постель менять не хочет. Постирать и то ленилась.

Брат очень сильно переживал. Он привык к Маше. Ему нужна была женщина. И как я понял все равно какая, лишь бы была рядом и вела такой же образ жизни как он.

Когда Машу забрали, Валера был вынужден сам ходить в магазин. Одно время он хотел меня для этого дела использовать, но я постоянно находил причину не выполнять его поручения, и брат от меня отстал. Мне было достаточно того, что я из библиотеки приносил ему книги.

После Маши у нас в квартире появилась Татьяна. С ней брата познакомил Тольяныч. Он думал, что девушка сможет оказать на Валеру влияние и изменит его. Татьяна оказалась слабой. Она жила с опаской, боялась какой-то Лидии Ивановны, то ли матери, то ли мачехи, я не знаю. Как после выяснилось – не напрасно.

Как-то поздно вечером в квартире раздался звонок. Мать открыла дверь. Перед ней стояла мощная женщина. Мать попыталась быстро закрыть двери, но не тут-то было, женщина с силой надавила на нее и ввалилась в прихожую. Это была

Лидия Ивановна. Она нам устроила такой разгон, что тошно стало не только «молодым» – Татьяне и Валере, но и моей матери, отцу и даже мне.

– Я этот ваш притон разгоню, – кричала Лидия Ивановна. Ее голос был похож на голос милиционера. Наши кошки – тетя Маша их развела штук десять, – с мяуканьем разбежались по углам. Собаки – Полкан, Шарик и Майна подняли оглушительный лай. Однако это женщину несколько не испугало.

Наша квартира была запущена. Мать, навести порядок, не могла. Стоило ей прибраться, как Валера тут же ввергал ее в хаос. Мебель была разбита. Пользоваться ею было опасно. Пьяный брат не раз вымещал на ней свою злость. Семен, когда появлялся у нас в квартире, долго осматривал стулья и, выбрав один из них, садился осторожно не на полную силу. Из-за большого количества живности: мяукающей, гавкающей и бегающей из одной комнаты в другую все было загажено шерстью. В квартире постоянно стоял специфический запах от животных.

Бардак, а еще больше этот специфический запах от животных распалил Лидию Ивановну. Она негодовала. Разошлась не на шутку. Ради тишины, чтобы не привлекать внимания соседей мать оторвала Татьяну, удерживаемую Валерой, и вытолкала ее за порог.

У меня от крика Лидии Ивановны долго еще шумело в ушах. Валера на уход Татьяны отреагировал следующими

словами:

– Жениться нужно на сироте! – Тетя Маша была той самой сиротой. У нее в Москве никого не было. Она была иногородняя. О себе тетя Маша ничего не рассказывала. Я не знаю, может с братом она и делилась своей биографией, – меня ее жизнь не волновала. Спутница Валеры для меня была – пустое место. Даже когда она выскакивала из комнаты брата почти голая в туалет или в ванную я не обращал на нее внимания. Отвращение, которое я долгое время испытывал к девчонкам, наверное, было вызвано от общения с нею.

Валера порой моргал мне слащаво глазом, и спрашивал:

– Хочешь? – Потом не слова не говоря задирает ей халат, и из-под него выплескивался круглый зад тети Маши.

Я плевался и убегал из дома. Валера смеялся.

– Да ты ведь уже взрослый. Чего ты боишься? Бабы испугался, и он снова гоготал. Вместе с ним смеялась и тетя Маша.

Забить тетю Машу брат не мог. Свою злость он вымещал на нас. Отец не выдержал и снова, в который раз слег в больницу. Даже водка не могла его успокоить.

– У меня от него весь желудок в язвах. Этот Валера сведет меня в могилу, – жаловался он нам.

Однажды после долгого перерыва приехала отцова сестра тетя Валя с дядей Петей и со своими детьми Григорием и Виктором. Они уже были взрослыми. Тетя Валя ими была довольна. Но мать считала, что их нельзя сравнить с моим

двоюродным братом Семеном. Если честно они ему и в подметки не годятся.

– Вот мой Коля, – кричала, обнимая племянника мать. Она на всю жизнь запомнила подмеченное мной сходство двоюродного брата с дядей Колей и теперь с этой мыслью не расставалась.

Братья по линии моего отца были молодцы. И Григорий, и Виктор работали на заводе. У них были хорошие специальности, и они получали прилично. Что больше всего выделяла тетя Валя – это то, что ее дети не курили и не пили водки. Для меня было странным то обстоятельство, что они беспрекословно следовали за матерью и во всем ее слушались.

– Ты же наш, – кричала тетя Валя Валере, иначе он бы ее не услышал, – ты же наш. Что ты делаешь? Он! – и она тыкала в меня пальцем, – он село, как и его мать. Ему в навозе копать. А ты красавец и ростом, и фигурой вышел – гусар – наша порода.

Мать неожиданным появлением родственников своего мужа была недовольна. Ее, выпад Валентины Фоминичны, вывел из себя. Разгоралась ссора. Я крепился, не влезал, хоть мне и не понравилось то, что тетя Валя обозвала меня селом. «Зря, – думал я, – она затеяла этот сыр-бор».

– Ты не должен жить в этом навозе! Это они могут, но не ты, – кричала тетя Валя. – Я наведу здесь порядок. Есть в этой квартире швабра, тряпка, ведро? – обратилась она к матери. Я думал, мать сейчас тете Вале задаст, но нет – огонь,

едва вспыхнув в ее глазах, вдруг погас:

– Там! – спокойно сказала она, неопределенно махнув рукой в сторону ванной комнаты. Я догадался, мать поняла, что Валентина Фоминична хочет спасти Валеру. Главное было для нее, чтобы сын очнулся, пришел в себя.

Тетя Валя все, что было необходимо для уборки, нашла сама. Валера, после ее крика уже не мог защитить своих животных. Она их всех на глазах у брата повыгоняла на улицу и затем вымыла полы, вытерла с мебели пыль, прошла с пылесосом по коврам. На миг я почувствовал себя лет на десять моложе.

Родственники провели у нас выходные дни и уехали. После их отъезда все вернулось на круги своя. Первыми дорогу разыскали собаки. За ними пришли и кошки. Валера их всех впустил в квартиру.

– Ну, зачем ты! – заорал я на него, – снова у нас псарня.

– Да, я тебя, только вякни, – набросился на меня брат, размахивая кулаками. Я еле убежал. Валера был сильнее меня. К тому же я старался не связываться с ним. Не хватало, чтобы мы братья дрались между собой.

Живность Валере напоминала о его Маше. Он не мог расстаться со своими собаками и кошками и готов был выгнать из дома меня, мать, отца.

Трудно поверить, но, возможно, брат предвидел весь ход событий и не стал связываться с тетей Валею, – разрешил ей выгнать животных. Правда, Валеру напугали ее слова сдать

его на принудительное лечение от алкоголизма. Однажды он долго обсуждал эту проблему с двоюродным братом Семеном. Я слышал, как Валера упирался.

– Я старый. Вот пожил с Марией и понял ста-ры-ый. Татьяна, помнишь ее, такая красивая девушка – так вот она мне не подходила. Она молодая для меня! Смотри, у меня даже седина. – И Валера полез пальцами в свои густые волосы и стал крутить их, выискивая седые волосинки. Конечно, никакой седины у него не было. Но он в чем-то был прав. Душа его жить устала. Усталого человека новизна пугает. Мой брат не хотел изменений. Семен только зря потратил время. Валера, соглашался, кивал головой, а в итоге ничего не сделал, хотя аргументы двоюродного брата и были убедительны. Валера был в тупике. Он так и сказал о себе:

– Я в тупике. Мне из него не выбраться.

Валера не представлял, как он, пройдя курс лечения, сядет за стол. Неужели исподтишка вместо водки наливать себе в стакан воду и выпивать ее, делая вид, что вода имеет градусы. Чуть какая-то. Ведь есть слова – «нужно выпить»!

– Слов: «нужно выпить» в твоём лексиконе просто не должно быть. Запомни, это, – сказал ему Семен, – иначе, все лечение насмарку и тебе снова необходимо начинать сначала.

Семен ушел, а Валера так и остался сидеть в своей комнате у раскрытого окна. Он с силой сжимал голову. Последнее время мой брат так часто делал. Его оставили в покое, никто

в его жизнь не вмешивался. Иногда мать подходила к нему и говорила:

– Валера, сынок иди, поешь. – Он с трудом поднимал отяжелевшую голову и непонимающе смотрел на мать.

– Хорошо-хорошо, я сейчас тебе принесу, – отвечала мать и бежала на кухню. Валера все время о чем-то думал. Порой он говорил сам с собой. Когда я, услышав его речь, заходил в комнату и спрашивал:

– Валер, ты что? – он отвечал, – да нет, ничего. Это я так. Мысли вслух.

Я, мать, отец, мой двоюродный брат Семен – мы все видели, – Валера гибнет. Ему оставалось жить считанные дни, часы, минуты.

Окно, проклятое окно, хотя оно и не причем. Мне в тот день хотелось его прикрыть. Но я не смел. Брат сидел рядом на кровати, читал какую-то книгу и, конечно же, пил свое вино. Бутылка стояла на подоконнике. Потянувшись рукой к ней, он в который раз налил себе рюмку и залпом осушил ее. Затем снова уставился глазами на белые страницы. Он вряд ли в тот день помнил название книги, знал, о чем в ней было написано. Я по просьбе матери, она боялась за него, нет-нет и наблюдал за братом.

– Странно, здесь я, кажется, читал! – Услышал я его слова. Он не мог сосредоточиться и поэтому не понимал смысла написанного. Внизу, на первом этаже дома было кафе. Шум, крики и музыка все это отвлекало Валеру. А потом он воз-

можно усиленно с мукой думал о своей судьбе, как будто перебирал грязное белье. Так часто делала мать, отделяя белое от цветного, когда принималась за стирку.

Я заглянул в комнату: брат, свесившись над окном, что-то кричал вниз, в темноту. Он часто любил смотреть вниз с окна. Я, хотел подойти к нему. Но он вдруг почувствовал на себе мой взгляд и повернулся. Глаза его были совершенно трезвые. Они меня поразили. И я ушел. Побыл в комнате отца. Он смотрел телевизор. Затем отправился на кухню. Мать мыла посуду. Рядом возле нее крутился Полкан. Под ногами мяукала кошка.

Вдруг с улицы раздался громкий крик, и мы услышали удар. Полкан бросился к Валере в комнату. Я побежал за ним. Брата в комнате не было. На полу валялась бутылка, из нее кровью разливалось вино. Собака, опершись передними лапами на подоконник, залаяла в темноту. Рядом с Полканом крутилась Майна и Шарик. Они жалобно выли.

4

Шел дождь. Он зарядил с утра. Мать посадила меня обзванивать родственников и сообщать им о смерти брата. Был будний день, и оповестить кого-либо было трудно. За Семеном мне пришлось съездить. Я с трудом разыскал его общежитие. Он собирался в институт на занятия. Семен меня понял, и не на какие занятия не поехал.

Отец сказал ему:

– Видишь, какое дело. Дурак-дурак ему бы жить и жить. Гусар – красавец – за такими девки гоняются, но водка – она сгубила его.

На похороны от родственников моей матери приехала тетя Надя. Рядом возле меня ходила тетя Валя, дядя Петя и их дети. Все они тыкались, не зная, что делать, мешали друг другу. Толка от них не было. Тетя Надя всех поставила на свои места. На то она и старшая сестра моей матери.

Ритуал прошел как надо. Я, пригласил на прощальный обед друзей брата. Не всех тех, которые мне были знакомы и часто встречались во дворе. Друзья, конечно, были бывшие, так как Валера последнее время ни с кем из них не поддерживал отношений. Тольяныч даже сказал:

– Странно все это, я думал, что Валера завербовался и уехал работать на какую-нибудь комсомольскую стройку.

Никуда Валера не уезжал. Мать не знала, что и говорить о сыне: одним она сообщала одно, другим другое, пока окончательно не запуталась. Она не могла объяснить причину смерти Валеры. Никто из нас не мог.

Тетя Валя после похорон, когда чужие люди разошлись, вдруг затеяла скандал:

– Это ты, ты сгубила парня! – набросилась она с обвинением на мою мать. Тетя Надя оттолкнула родственницу отца и так на нее гаркнула:

– А ты где была зараза, «москвачка чертова». Ты что не видела, парень спивается? Это наша порода, это не наша!

Как ты можешь своим поганым языком такое говорить? Ты, это ты во всем виновата!

Мать была одинока. Тетя Надя это успела заметить, как только приехала. Она нутром поняла, увидела нашу жизнь и врезала тете Вале прямо под самый дых. Та осеклась, стала судорожно хватать воздух, пытаясь как-то ей ответить, но сказать тете Вале было нечего.

– Поехали отсюда! – закричала она и все – дядя Петя, Григорий и Виктор быстро принялись собираться. Моя мать, осмелев, крикнула вдогонку:

– А братца своего, что оставляешь? Мне он не нужен!

Отец, согнувшись, со страхом посмотрел вслед своей сестре Валентине Фоминичне, он знал, что она уже больше не приедет, и жалостливо шептал:

– Вера, Вера! Ну, разве так можно. Я ведь тебя люблю.

На глазах у отца появились слезы. Последнее время отец стал чувствительным и часто умилялся. Все его выводило из себя и прошлое и настоящее. Возможно – это было связано с болезнью. Отец готовился к смерти. Смерть сына его потрясла. Семен вовремя оказался рядом. Он нашелся, что сказать:

– Владимир Фомич, не мешайте разговаривать женщинам. Идемте отсюда, – и, двоюродный брат, подхватив отца под руку, увел его в соседнюю комнату. – Вас никто не собирается выгонять.

Тетя Валя и все ее семейство никуда не уехало. На улице шел дождь, к тому же время было позднее, и они остались

ночевать. Правда, на следующий день их как ветром сдуло. Чуть свет поднялись и умчались к себе в Ногинск.

Тетя Надя не долго побыла у нас. Она торопилась домой в село.

– Хозяйство, – сказала она, – его не бросишь.

Но, прежде чем уехать Надежда Кондратьевна с каждым из нас поговорила и с мамой, своей сестрой и с отцом. Мне тетя Надя сказала:

– Коля-Коля-Николай будь самостоятельным. Ты уже взрослый. Через год глядишь и, в армию заберут. Не обманывай себя. Твоя мать думала, что меня обхитрила, а вышло себя. Я ведь подняла ее и Любу нашу младшую сестру. Мы с твоей матерью решили, что я поеду в Москву устроюсь там, а она останется с Любой. Через год-другой я, если она захочет вызову ее и Любу к себе. Время голодное, после войны нужно было как-то кормиться. Я поехала на «разведку». Твоя мать напросилась. Лучше бы я ее с собой не брала.

В Москве мы расположились у моей подруги. Когда настало время уезжать, Вера, твоя мать ни в какую: «Я день-два побуду» – сказала она. Я, дура, думала пусть побудет. Однако прошла неделя, другая, а ее все нет. После, мы с Любой получили от нее телеграмму: «Выхожу замуж, поздравьте!». Жить в селе, видите ли, она не пожелала – нашла способ избавиться и от меня, и от Любы – вышла замуж за того, кто ей подвернулся, за Владимира Фомича.

Мой отец был намного старше матери. Он задавал тон в

семье, мать всю жизнь противостояла ему.

По прошествии многих лет я пришел к мысли, что матери нужен был другой мужчина. Ей бы в мужья дядю Мишу. Тот рад был подчиняться. Им в колхозе любой помыкал и ничего, дядя Миша слушался и делал все на совесть, как надо.

Отец, конечно, понимал мать, он даже пытался что-то сделать для нее. Но чувствовать себя сильной женщиной она при нем не могла. Того, что делал Владимир Фомич, было недостаточно.

Я и Валера формально были разделены. У моего брата не было матери, отец чуть, что кричал ей: «Не тронь парня, мой!» – у меня отца – мной распоряжалась мать. Правда, отец был не постоянен, нет-нет и вмешивался в мое воспитание, матери такое делать не позволялось. У нас не было крепкой семьи.

После смерти брата я стал главным и единственным. Теперь мне попадало со всех сторон. Однажды меня вывели из себя, и я как маленький запричитал:

– Валера, Валера зачем, зачем ты умер?

5

Мой отец тяжело переживал смерть Валеры и считал, что это он должен был умереть, а не сын.

– Успеешь, – кричала на него мать, – все еще впереди. Смотри, чтобы этот чего такого не натворил, и она бросала взгляд в мою сторону.

С кладбища мать вернулась другой. Она уже была готова поделиться и отдать часть своих прав на меня отцу. Поступок старшего сына ее напугал. Я сам был вне себя. Злосчастное окно отец закрыл наглухо и, чтобы его нельзя было открыть, снял ручки. Мы долгое время его боялись. Мать на карниз повесила темные шторы. Они очень были похожи на траурные.

Вера Кондратьевна была строгой матерью, а тут вдруг принялась за мной следить пуще прежнего. Я обязан был как можно быстрее стать дядей Колей. Жизнь мне стала невозможу.

Однажды я не выдержал. Нарочно остался после работы в заводском скверике и с ребятами изрядно выпил. Решил, приду домой и устрою скандал. Но, доказывать, что я тоже человек мне не пришлось. Отец неожиданно слег: открылась язва. Мать, вызвала машину «скорой помощи» и она увезла его в больницу.

Я пришел не один. За мной отчего-то увязался один из моих собутыльников, товарищ по училищу и какая-то девочка. Он, товарищ, когда я его спрашивал: «Слушай, кто это такая? – Отвечал: – Это Оксана! Сколько мне тебе раз говорить».

Товарищ куда-то пропал, а Оксана осталась ночевать, благо родителей не было дома. Легли мы отдельно. Однако оказались вместе на моей кровати. Среди ночи я не раз ее отправлял на пустующую постель моего брата. Но странно она,

когда я вдруг вставал, мучимый жаждой, после перепоя, опустошить стакан воды, уже лежала рядом.

Трудно сказать, овладел я ею, или нет, но утром Оксана мне похвалилась:

– Ой, как хорошо было! Я, теперь с тобой буду жить.

Вот так, не понимая, что такое близость я стал мужчиной. Девчонка оказалась настойчивой, прилепилась ко мне основательно. Своих родителей она обманывала во всю. Прежде чем остаться у меня на ночь Оксана звонила домой по телефону, кричала, жаловалась на транспорт и неожиданно заканчивала:

– Все, не ждите, остаюсь у подруги, – затем тут же бросала трубку.

Не знаю, с кем она там разговаривала, возможно, с матерью, но расправлялась быстро и четко: минута-две и вот уже дело сделано.

Отогнать ее я не смог, не хватило сил, и мне пришлось махнуть рукой. Мать скоро узнала о моей девчонке и хотела меня приструнить, ссылалась на отца. Однако это ей не помогло:

– Не кричи, – сказал я, – все будет нормально.

– Николай, ты же еще не совершеннолетний! Жениться всегда успеешь. Смотри, отец выйдет из больницы тебе несдобровать!

После я узнал, что он, к Оксане, отнесся спокойно, лишь поинтересовался ее возрастом.

«Хорошо, что не старуха – ровесница», – вот были его слова.

Скандал, который я хотел учинить и который не состоялся из-за болезни отца, состоялся несколько позже. Не знаю, что на мать нашло, но она вдруг неожиданно раскричалась и потребовала:

– Выгони ее сейчас же! Или я или она. Одно из двух.

Я отказался, тогда мать стала нападать на мою подругу и обзывать ее самыми последними словами:

– Шалава, проститутка...

Оксана не выдержала, схватила меня за руку и потащила вон из дома.

– Идем ко мне. Я все устрою!

Мать не унималась, ее слова еще долго звенели у меня в ушах, когда мы торопливо сбегали вниз по лестнице, шли по ночному городу, ощущая свободу и не думая о том, где остановимся. Не ожидала мать такого исхода. Она осталась одна. «Я даже ее брата увел – своего дядю Колю». Отец был в больнице и ничего исправить не мог.

Это был фактически побег из дома. Когда-то я уже совершал подобный поступок. Правда, я теперь был не один. Я шел вперед, не обращая внимания ни на что, держа под руку Оксану. Мой язык не унимался, я говорил и говорил.

– Я знаю, куда мы сейчас с тобой отправимся! На вокзал. Сядем в поезд и катнем к моей родственнице – тете Любе. Она живет в селе. Я давно хотел...

– Нет! – сказала в ответ Оксана. – Уже поздно. Мы поедem ко мне домой. – Я, хоть того и не желал, был вынужден ей подчиниться и в качестве жениха предстать перед родителями девушки.

Оксана возражений от матери или от отца не ждала. Она все устроила так, чтобы лишь констатировать факт:

– Вот, – сказала девушка, – это моя, та самая, подруга, у которой я остаюсь, время от времени, на ночь. Я с ним живу. А сейчас мы устали, разговаривать не хотим и отправляемcя на покой, – и она, схватив меня за руку, потянула к себе в комнату. Затем громко демонстративно закрыла дверь.

Я толком ничего не рассмотрел: ни квартиру, ни мать своей подруги, что она собой представляет, ни отца. Более близкое знакомство с родителями Оксаны состоялось позже. Ирина Петровна, в отличие от моей матери Веры Кондратьевны, старалась быть женщиной интеллигентной:

– Ну, как же так доченька, вы ведь с Николаем не женаты. Что скажут люди?

– Тогда мы будем спать на улице, – выдала Оксана, – или же отправимся в село к его тетке. – Ирина Петровна и слышать о тетке не хотела.

– Пошли Николай, – сказала мне подруга и дернулась в сторону двери, но Ирина Петровна вдруг вскочила, и закричала своему мужу:

– Александр Васильевич не пускай их. Пусть остаются. – И мы остались.

Оксана была единственным ребенком в семье. С ней было невозможно не считаться. Меня она ни разу не оставляла без внимания. До конца я так и не понял ее родителей. Они, конечно, с дочерью старались быть строгими. Возможно, это было связано с тем, что не все им в ее характере нравилось. Но изменить дочь нельзя было. Тут как говорят: «Что есть, то есть».

Я, что интересно, ушел к Оксане не один, а с дядей Колей. Без брата Николая мать жить долго не могла, порой мне казалось, что не я, а он ей был нужен, необходим, как воздух. Но отослать дядю Колю домой я не мог, без меня, не было и его.

Мать не раз побывала на заводе, где я работал. Она пыталась на меня давить через администрацию предприятия, не поленилась, разыскала в моей записной книжке номер телефона девушки и изо дня в день названивала мне, просила вернуться. Она чувствовала вокруг себя пустоту.

– Коля, ладно, приводи эту, свою. Я ругаться с ней не буду, клянусь тебе.

Я не выдержал. Мне стало жаль мать. Однажды я сказал Оксане:

– Слушай, поехали ко мне. Мать согласна на то, чтобы ты жила со мной. Я, так думаю, скоро должен выйти из больницы отец. Представь – он приедет домой, а меня нет!

Девушка возражать не стала. Мать ее встретила хорошо и долгое время нас не трогала. Однако так долго продолжаться

не могло. Несоответствия, которые явно были между мной и дядей Колей, и которые, так как рядом со мной была Оксана, она видела, ее часто злили. Я хорошо знал свою мать и боялся, что она не выдержит и снова «взорвется».

Девушка, конечно, была не подарок. Но она отвлекала меня от дурных мыслей. Еще на меня благотворное действие оказывала водка. Окно, зияющее своей чернотой, манило меня. Я прилагал немало сил, чтобы не подходить к нему. Казалось, мгновение и я брошусь в него подобно брату Валере. О его поступке я старался не думать. Не думать было ох как нелегко.

Оксана не раз выводила меня из состояния депрессии. «Лечила» – упрямством. Мы с ней порой сталкивались как два камня. Я не понимал ее.

Во время застолья моя подруга могла выпить не меньше, чем я. Но, что было противно, в нее не лезло, а она лила в себя водку и лила – рюмку за рюмкой. После попойки еще хвалилась:

– Коля, а я ведь была на высоте, не подкачала, скажи – не подкачала ведь?

– Нет, не подкачала, – отвечал я и, забывая обо всем, окончательно переключался только на нее.

Курить девушка стала, также с оглядкой на меня. Хотя и раньше баловалась, но после встречи со мной вдруг засмолила как паровоз. Для отца Оксана была одним из предметов интерьера и ничем не отличалась от шкафа, стола или

стоящего у окна стула. Он девушку не замечал, а тут как-то случайно поперхнувшись дымом ее сигареты, не выдержал:

– Оксана, ну как же так можно?

– Вот еще! Сейчас многие курят и ничего. Хотите, я выйду на балкон?

Мать вздыхала, провожая глазами неизвестно откуда взявшуюся невестку.

Мы были похожи характерами. Однажды про меня и Оксану старушки у подъезда так и сказали: «Два сапога – пара».

Мы дополняли друг друга и в быту, и на работе. Жизнь шла по инерции. Какой-то определенной цели в своем существовании я не видел. Чего мне хотелось? Трудно сказать! Мечты моей девушки также были просты и вульгарны.

Я на работе не горел. Мой брат Валера в отличие от меня был трудолюбив и смекалист, и, если бы не его поведение, а также пьянство, наверняка бы, он выбился в люди. Валера, в отца и в мать пошел, перенял трудолюбие с генами. Мне до него было далеко. Я думаю, специальность токаря была не моей – не подходила мне. Однообразие убивало: поставил заготовку в патрон, зажал, включил станок, затем отключил, вытащил деталь, проверил на размеры, бросил в ящик – и снова все сначала. Через пять-десять минут голова у меня уже гудела.

Мать бегала по общественным организациям хотела из меня сделать полноценного человека. Это меня еще сильнее злило.

Моя подруга работала контролером по качеству, принимала продукцию. Также, как и я, Оксана успехов не делала. Начальник на нее постоянно ругался. Девушка была невнимательна и часто пропускала брак. В ответ на его замечания она повторяла мои слова:

– Ничего страшного и так сойдет.

Эта фраза была девизом нашего существования.

– Да, – не раз говорила мать отцу, – не повезло нам с невесткой. Она также, как и наш сын без царя в голове. Ей бы празднично проводить время и не о чем больше не думать.

Мое пьянство пресекалось. Мать на меня давила. Я не мог, как Валера взять бутылку водки и распить ее в кругу своих друзей дома. Мне приходилось это делать прятаясь. Я отправлял Оксану в магазин. Она тихо приносила «пузырь» и прятала его в нашей комнате. Затем, когда родители укладывались спать, я закрывал на задвижку двери, и мы устраивали «оргию» – тихо надирались. Попойка меня взбадривала.

Однажды я пришел на завод с бодуна. Такое со мной случилось. Мастер на меня был зол из-за моей матери. Она довольно часто к нему обращалась, и он стремился ей насолить. Мое поведение ему показалось странным:

– Ну-ка дыхни! – сказал он.

У меня не было желания с мастером спорить, я хотел отшутиться, уладить все по-хорошему, но не тут-то было. Он напирал. Тогда я обиделся и накричал на него.

Дня два-три я на работу не ходил. Оксана, в знак солидарности также не пошла на завод. Нас разыскали и вернули. Меня перевели в другую смену к другому мастеру. Но это, конечно, положение не меняло.

– Не мой это сын, – часто кричал на меня отец. – Вот Валера тот был заводским человеком. А этот село. Твоя порода, – и он тыкал пальцем в сторону матери.

– Ах, моя, – в ответ на его слова распаялась мать. – Зря я за тебя вышла замуж. Только себя обманула. Где твоя сестрица – эта самая «москвичка»? Где? – испугалась, уехала и носа не кажет. Может мне тебя выгнать!

Причин для ссор хватало. Начинались они из-за пустяка. Казалось, все спокойно, ничто не предвещает беду, но вдруг матери под ноги попадает голодная кошка – уже шум, или же у отца разболелся желудок он не находит себе места, я же вернулся с работы «под балдой» – не трезвый.

– Ты совсем обо мне не думаешь! – тут же раздается крик отца. – Что нельзя хотя бы сто грамм принести? Сам вон напился, и свою напоил.

– Надоело, все надоело, – тут же раздавался в ответ голос матери, – и вы, и ваши собаки, вместе с кошками. Давно их уже разогнать нужно и освободить квартиру.

– Причем тут мы, причем тут собаки, – возражал обычно отец. Оксана не лезла в ссоры и часто меня от них избавляла, заставляя закрываться в комнате.

Собак у матери с удовольствием взяли бы на работе для

охраны теплиц, да и кошек можно было пристроить, но отец упрямылся. Все что бегало, лаяло и мяукало, ему напоминало о старшем сыне. Он и слышать не хотел, чтобы расстаться с живностью.

Не знаю, какой день для матери стал роковым, но она не выдержала и согласилась на предложение дяди Миши сантехника выпить. Согласились и ее подружки: тетя Маруся и тетя Сима. Правда, тетя Сима потом опомнилась. А мать удержаться уже не смогла. Сантехник постоянно подмигивал и предлагал:

– Бабоньки, еще давайте по рюмочке, еще!

Я сразу заметил произошедшие перемены. Мать сникла. Она перестала за мной бегать, донимать, дома, на заводе. Теперь дядя Коля для матери был уже не указ.

Однажды я, возвращаясь с работы, столкнулся с другом брата Валеры – Тольянычем. Он поздоровался и как-то странно посмотрел на меня:

– Пьяный что ли? – спросил Тольяныч.

– Пьяный! – ответил я.

– Ты идешь по стопам своего брата. Тебе хочется быть таким как он? Зачем?

– Да, хочется! Что я могу сделать? Мой отец пьет. Он пытается заглушить боли в желудке, у него язва. Врачи говорят он не жилец! Мать долго крепилась – запила. Ты знаешь, погиб брат Валера. А потом я представляешь не такой как дядя Коля – брат моей матери. У нас в семье у каждого есть

причина, чтобы пить. Тетя Надя, когда уезжала, прямо так и сказала: «Ох, чувствую я, что скоро мне снова к вам приезжать. Не дай Бог – на похороны!» Вот я, может быть следующий на очереди!

– Дурак! – сказал мне в ответ Тольяныч, тут же развернулся и ушел.

6

У отца шли приступы за приступами. Однажды его продержали в больнице всего лишь неделю и, не долечив, вдруг выписали.

– Все, – сказал он нам, – меня отпустили, умирать. – Я им там, в больнице, – отец махнул рукой, – могу все показатели испортить.

В постели дома отец пролежал всего три дня и умер. Перед тем как успокоиться, он долго кричал. Мать бегала вокруг него. Ничего успокоительного у нас в доме не было, и она отправила меня за бутылкой водки. Очередь в магазине была огромной, нужно было отстоять не один час. Я бы не купил эту самую бутылку, но меня спас дядя Миша, сантехник, тот, который работал с матерью в колхозе. Он жил где-то здесь, недалеко от нашего дома. Я и раньше часто встречал его на улице.

Едва я заикнулся, что отец при смерти, кричит, как он, ни слова не говоря, сунул мне в карман четвертушку:

– На, неси ему, только что купил.

Дядя Миша весь дрожал. Ему самому нужна была эта бутылка, но он меня понял. Я попытался отдать дяде Мише деньги, но он воспротивился:

– Зачем, зачем? Я же от чистого сердца.

Мне было некогда разговаривать и я, развернувшись, побежал домой.

Мать сразу же выхватила у меня из рук бутылку, раскупорила ее и налила полный стакан. Она подбежала к постели и протянула стакан отцу:

– На, пей! – отец не мог даже приподняться. Вместе с матерью я помог ему и, чтобы он не съезжал, тут же подsunул под него подушку. Отец взял дрожащей рукой стакан и стал подносить его ко рту, затем вдруг с силой, откуда она только взялась у него, оттолкнул его от себя и закричал:

– Она, она эта проклятая водка разрушила нашу жизнь!

Мне запомнился этот момент. В его ногах валялся пустой стакан, на одеяле пятна от разлитой им водки, лицо было как из камня – застывшее, землисто-черное, рука безжизненно свисала с кровати вниз. Мать тут же упала на пол. Нет, она была в сознании. Просто от усталости. Я попытался ее поднять и перетащить на диван, подальше от отца. Она упиралась и что-то бормотала. Придя в себя, мать поднялась и пошла на кухню.

– Коля, Коля иди сюда, – услышал я ее тихий голос, – давай помянем отца. Пусть ему земля будет пухом!

После похорон отца я на работу не пошел. Этот прокля-

тый завод у меня уже был в печенках. От него сердце ныло сильнее, чем от спиртного. В отличие от брата Валеры я предпочитал пить не вино, а водку. Она сильнее забирала. Я отключался, и жизнь была прекрасна. Оксана также бросила завод. Не знаю, что было причиной ее такого поступка. Она, вообще-то была ленивой. Я хотел работать, но мне сама обстановка на заводе не нравилась. Вот у матери я бы прижился. Как-то я ей так прямо и сказал:

– Мам, а что, если я к вам в колхоз пойду работать?

– Да ты что. Жить в Москве, а работать в колхозе. Тебя все засмеют. А потом не нравится тебе одна работа найди другую. Сходи в бюро по трудоустройству. Рабочие везде требуются.

Конечно, я ни в какое бюро по трудоустройству не пошел. Чтобы мать не переживала за меня, вставал рано утром собирался и уходил из дома, затем проболтавшись по городу несколько часов возвращался назад.

Я был один. Оксана меня бросила. Ей родители запретили со мной встречаться, так как из-за меня она попала в милицию. Я, правда, тоже там побывал, но меня выпустили – выкрутился, а вот Оксана просидела в отделении всю ночь. Утром за ней приехала мать Ирина Петровна. Я ей сказал, что ее дочь в каталажке. Оксана за это на меня обиделась: «Так друзья не поступают, – сказала она мне, – подставил и доволен». – Конечно, я и не думал радоваться, не было причины. Однако доказать это я ей не смог.

Моя мать также, как и я была одинока. Мы были сами по себе. Она все чаще и чаще приходила выпивши. Мать больше обращала внимания на животных, бегавших у нас в доме, чем на меня. Она перестала меня доставать со своими нотациями, по поводу того, что я все делаю ей наперекор, чтобы только не быть похожим на дядю Колю. Семен появлялся у нас редко. Он работал инженером, учился в какой-то аспирантуре. Когда он приходил, мать подолгу его не отпускала из дома. Ей не с кем было поговорить. Семен действовал на нее успокаивающе. Может по причине того, что он говорил не громко. Я от него никогда не слышал крика. Да и не знаю, мог мой двоюродный брат вообще повысить голос, – возможно нет.

– Вот мой Коля, – говорила мать, долго удерживая в дверях племянника. Меня порой ее отношение к Семену расстраивало. Однажды я, напившись, не удержался и поколотил мать. Мне было, конечно, противно, но это уже после – когда я протрезвел. Она не удержалась и утром сказала мне:

– Вчера ты был невменяем. Махал кулаками, кричал на меня. Смешно вспоминать: «Я Коля, я Коля, а не он! Запомни это!» – Нет, ты не дядя Коля.

Мое самочувствие несколько улучшилось, когда я вновь сошелся с Оксаной. Она не могла долго на меня обижаться. У нас было много общего. Мы вдвоем и я, и она несерьезно относились к жизни, избегали трудностей. Нам хотелось весело прожигать дни. Надо мной не было контроля, я был че-

ловеком свободным, а Оксана после привода в милицию находилась у родителей под наблюдением. Ее мать Ирина Петровна однажды сказала мне:

– Коля, может быть вас поженить?

– Вот еще, – ответил я, – мы ведь несовершеннолетние.

Ну а если бы вам было по восемнадцать лет, тогда как?

– Вот будет, тогда и поговорим! – закончил я разговор.

Однако пожениться мы не успели, потому что участковый милиционер разыскал меня через завод. Прежде выяснил, что я уже несколько месяцев не работаю. Затем, про то, что этот случай отлынивания от работы не первый. На меня в милиции подняли все документы о приводах, связанных с моим пьянством, и завели дело. Москва тогда готовилась к какому-то международному событию, кажется – к олимпиаде. Для этого в городе наводили порядок. Он заключался как в обустройстве Москвы, так и в освобождении ее от граждан, позорящих советский образ жизни.

Скоро я был осужден за тунеядство и отправлен в колонию для несовершеннолетних.

Колония мне заменила армию, так как осужденных тогда не призывали. Брат Валера, нарядившись в военную форму, вкалывал где-то в Казахстане на строительстве военных сооружений. Меня отправили поближе к Москве – на Урал, однако, как и он, я также работал на стройке. Потом мне навыки пользования топором, рубанком, стамеской, мастеркомгодились.

Из писем от матери я прочитал, что и моя Оксана, также угодила в колонию. Статья та же, тунеядство. Она вышла после меня и сразу же устроила мне скандал. Кто-то из наших общих друзей не удержался и рассказал ей о моих похождениях.

– Сволочь ты, – кричала на меня Оксана, – я значит в тюрьме, а ты шляешься с девками. – Ну, что ты Оксана, да я же мужик, сама пойми, организм требует, – оправдывался я.

День-два она меня отталкивала, не принимала, но затем успокоилась и подпустила к себе. Я сбегал за бутылкой водки и мы, как следует, отметили это событие. «Торжество» – если это можно так назвать проходило у меня в квартире. Водки мне не хватило, и я стал лазать по шкафам, разыскивая одеколон. В колонии у нас он шел на «ура». Я все перерыл, но ничего не нашел и вдруг услышал голос подруги:

– Николай иди сюда. Где ты ищешь? Смотри, вот и «Ландыш», и «Сирень», стоят преспокойно себе на комодке.

Я закрыл шкаф и побежал к Оксане.

– Дай сюда!

Она без слов передала мне плоский флакон. Я открутил пробку и стал пить. Она взяла другой флакон.

Поздно вечером пришла мать. Увидев, что ее одеколон весь выпит, она принялась нас ругать. Оксана отодвигала ее, лезла ко мне с поцелуями, кричала мне: «миленький Колечка, как я по тебе соскучилась в колонии». В голове у меня все перемешалось. Я упал на пол и заснул.

Погулять основательно после срока в колонии мне не дали. Пришел участковый милиционер и сказал:

– Николай, устраивайся на работу или же ты снова получишь срок. И запомни, заруби у себя наносу: вернуться в Москву ты больше уже не сможешь.

Участковый милиционер был прав. Это я понял поздно. Прежде чем угодить на второй срок я успел схоронить мать. Сейчас мне стыдно за то, что я ее не замечал. Она, как и я опускалась все ниже и ниже. Дядя Миша стал ее лучшим другом. Мать пила «горькую» аккуратно, после работы в своей же теплице. Ее подруга Сима ничего не могла сделать, другая – тетя Маруся сама спилась. О своем брате Коле мать вспоминала редко, а если и вспоминала, то уже пыталась силой меня заставить быть им.

Бессильной рукой мать, схватив меня за длинные волосы, тыкала головой в землю, и кричала:

– Ты, будешь у меня таким, как твой дядя Коля. Я заставляю тебя им быть.

Мне с матерью было трудно. Я, чтобы ее не видеть переселился к своей девушке Оксане. Там меня приняли с условием, что я буду работать. Мне, как я не хотел, пришлось снова пойти на завод. На работу меня не брали из-за статьи, и я сам обратился в милицию. Там, помогли. Я получил место. Моя работа была тяжелой. Я был поставлен на конвейер по сборке автомобилей. Я отработал всего одну смену и понял мне не выдержать. Странно думал я, как люди могут здесь

работать месяцами, годами?

Прошло три месяца, и я сбежал с завода, да и не только с завода, но и от родителей Оксаны.

– Я, хочу жить с тобой, но твои родители чтобы были от нас подальше. Мне надоело терпеть их нравоучения. Там меня доставала мать, здесь они.

– Хорошо, – сказала Оксана, – пошли жить к тебе.

Матери дома не оказалось, хотя время было позднее. Я не выдержал и поехал к ней на работу. На проходной, в будке сидел сторож-старичок. Я подошел к нему и спросил:

– Вера Кондратьевна на работе?

– Да, а ты кто ей будешь? – спросил охранник и, не дождавшись ответа, взмолился, – забери ее сынок, спивается, жалко смотреть – хорошая работница. Сколько у нее похвальных грамот, медали есть и вот пропадает человек. Забери ее.

Я долго шел, петляя между теплиц, пока нашел ту, в которой находилась мать. Она была не одна. С ней рядом я увидел дядю Мишу сантехника и ее подругу тетю Марусю. Они сидели за импровизированным столом, составленным из ящиков, и пили. Я застал их в том момент, когда компания изрядна нагрузилась. Дядя Миша был среди них более трезвым и более спокойным. Его голос редко был слышен. Больше всех кричала тетя Маруся. Она была женщиной одинокой и постоянно об этом говорила.

– Я, я, как перст, а у тебя есть сын, – кричала она матери, –

ты счастливая!

Мать долго держалась – она была женщиной сильной. Однако и она разошлась. Я ее такой еще не знал. Дядя Миша их успокаивал, целовал своим слюнявым ртом, гладил по головам и говорил:

– Бабоньки, все будет хорошо, давайте еще по маленькой выпьем и пора по домам. Уже поздно.

– А что там дома? – услышал я резкий голос матери. – Сын Валера гусар, красавец – дурак выбросился из окна. Ему жить и жить. Муж Володя и она заплакала – умер, оставил меня. А, что я могу? Я хотела быть сильной, но какая я сильная? Моя сестра Надька вот та сильная! Меня и младшую Любу хотели забрать в детдом. Она не отдала. Сказала, я их выращу, и вырастила.

Я стоял и смотрел на них издали и не знал, что мне делать.

– Бабоньки, – снова раздался голос дяди Миши, – давайте выпьем? Он вытащил бутылку и взглянул на нее. Все, пуста... Ладно, пора по домам.

– Стойте, – закричала мать, – я сейчас, – и, подхватившись, побежала прямо на меня. Я подумал, что она меня обнаружила, и быстро ретировался, прикрыв двери теплицы. Но нет, ей, оказалось, нужен был шкаф. Мать открыла дверцы и я, заглянув в теплицу, увидел, что она схватила темную бутылку. «Это же яд!» – мелькнуло у меня в голове.

– Вот, вот давайте по рюмочке выпьем этого славного зелья, и уже нам больше ничего не нужно будет.

– Да ты сдурела подруга! – услышал я голос тети Маруси.

Не думая, я тут же бросился к пьяной компании, схватил мать за руку, вырвал у нее темную бутылку и отбросил ее в сторону красно-красавого месива тюльпанов:

– Пошли домой! – закричал я и потащил мать вон из теплицы.

В квартиру мы попали далеко за полночь. Долго укладывались спать. Спали мы плохо, а утром мать, придя в себя, вдруг ужаснулась и плаксиво принялась причитать:

– Коля, как я могла? Как я могла? А кто, кто будет кормить этих бедных животных, – и она стала гладить подбежавшую к ней Майну. – Ты меня сдерживай. Я, наверное, сошла с ума.

Она и Оксана ушли на работу, а я остался. Мне на завод не хотелось идти. К матери устраиваться на работу в колхоз я также уже больше не желал. Там к ней все испытывали жалость. Такая обстановка мне не нравилась. Помог мне с работой друг покойного брата Валеры – Тольяныч.

Дня через два-три я занялся рекламой советского образа жизни. Вместе с бригадой из трех человек мы ездили на машине и развешивали транспаранты. Работа была на высоте. Можно было и свалиться. Накануне праздников работы было полно: мы вздохнуть не смели, а вот летом – лафа. Год, наверное, или даже больше я продержался на новом месте, и если бы не стал снова выпивать, то и остался. Мне нравилось. Однако бригадир раз-два поймал меня в нетрезвом состоянии и попросил:

– Знаешь, Николай, все хорошо, но мне твои выпивки не нравятся, так что пока не разбился, уходи. Отвечать за тебя я не хочу у меня семья.

Я тогда вдрызг напился. Так, давно не пил – себя не помнил. Неделю не просыхал, если не больше. Оксана, когда я пришел в себя, сказала мне:

– Коля ты зачем выгнал из дома мать?

– Как выгнал? – спросил я.

– А вот так, взял и выгнал. Она уже дней несколько не появляется в квартире. Живет там, наверное, у себя в теплице или же у тети Маруси, не знаю.

– А где собаки и кошки?

– Ты их также всех повыгонял, – у тебя страшно болела голова.

– Ну, ладно, – сказал я, – сейчас поеду в колхоз, вернее не сейчас, а вечерком и верну мать. Ну а собаки и кошки нам не нужны. Без них обойдемся!

Мать вернулась. Она была тихой. Что-то в ней сломалось. Я ее не узнавал. А однажды утром мать не встала. Я будил, будил ее, будил, а она даже не шелохнулась.

– Коля, ты послушай, сердце у нее бьется или нет? – спросила Оксана. – Уж очень она странно лежит: лицом вниз.

Мне ее положение тоже не понравилось, и я развернул мать. Из-под тела выкатилась темная бутылка и, упав на пол, покатила к шкафу, разливая черную жидкость.

– Это же яд, – ужаснулся я своему открытию. Лицо у ма-

тери было черным. Язык вывалился, глаза вытаращены. Я заплакал и с криком выбежал на лестничную площадку. Постоял и вернулся.

День прошел как в тумане. Оксана молодец, пока я приходил в себя, она позвонила по телефону своим родителям (трубку, кажется, взяла ее мать) и все ей объяснила. Скоро к дому подъехала бригада «скорой помощи» и наряд милиции. Врач констатировал смерть. После, с разрешения милиции тело матери увезли в больницу.

Тело матери из морга я забирал вместе с тетей Надей, Семеном и тетей Симой. Для совершения похорон колхоз дал нам машину. Ее коллеги собрали деньги на венок и на памятник. На работе ее все жалели. Приехавший на похороны представитель от начальства сказал хорошие слова:

– Мы потеряли Веру Кондратьевну, лучшую нашу работницу – стеснялись влезать в ее личную жизнь, – у нас постоянно не хватало на то времени! – Он много говорил о ее заслугах и закончил свою речь словами:

– Пусть земля ей будет пухом.

На обеде присутствовало много людей. Квартира была полна. Я не знал, что у матери столько друзей, знакомых. Мне было не по себе. Тетя Надя долго крепилась, но потом, когда люди разошлись, она горько с причитаниями стала оплакивать свою сестру. У меня от ее плача волосы становились дыбом.

– Николай, это, ты ее «отравил», из-за тебя мать потеряла

смысл в жизни. Какой ты сын? Одумайся! Пьяницей, дебоширом и тунеядцем ты уже стал. Но это в жизни не главное. Стань, наконец, человеком.

Я хотел воспротивиться, накричать на тетю Надю, но, взглянув ей в глаза, испугался и понял, она не моя мать, мне с ней не справиться – в один момент одолеет, скрутит, заткнет за пояс.

Первая ночь после похорон матери мне далась тяжело. Часы тянулись медленно. Сон, то приходил ко мне, то покидал меня. Я с трудом дождался рассвета. Мне все время слышались какие-то шаги. Они раздавались и сверху, и снизу, и слева, и справа – отовсюду.

В квартире кроме меня никого не было: тетя Надя отправилась ночевать к тете Симе, Семен уехал к себе в общежитие, Оксана – домой, Она побоялась оставаться, как я ее не просил, не настаивал – ничего поделать не смог.

– Вера Кондратьевна – твоя мать! Ты должен побыть с ней – один на один! – сказала она и уехала.

Я лежал в постели, затаившись. Внезапно поселившись где-то внутри чувство страха, сохранялось во мне и долго не хотело покидать. Утром, я почему-то решил, что в квартиру приходил дядя Коля, чтобы побыть с матерью. Душа, если человек умрет сразу не уходит на небо, она девять дней живет с близкими людьми. Правда, какой я близкий? Я совершенно не заботился о матери – эгоист проклятый, только о себе, о своем нутре поганом и думал. Нет, я должен стать

другим!

Настал день. Тетя Надя собралась уезжать. Я поехал ее проводить на вокзал. На прощанье она с силой, так, что у меня звонко хрустнул позвонок, склонила мою голову и поцеловала.

– Вот что Николай, тебе долго в Москве не жить: неделю-две потолкайся, поразмышляй и если надумаешь, бросай все и приезжай к нам в село. Оксана тебя любит, хочешь, забирай и ее. Кто она тебе? Жена! Привози, у нас места хватит. Твой брат Валера, тот был городской. А ты наш сельский! Я, помню тебя еще малышом: тебе нравилось у нас...

7

Одиночество меня не мучило. Я мог подумать о своей жизни. В голове вертелись всевозможные мысли. Они касались прошлого. Не знаю, сколько мне потребовалось времени, но до меня дошло, я понял, что случилось, то случилось. Изменить мне прошлое невозможно, а значит, следует его оставить и не терзать себя. В моем распоряжении – будущее. О нем я и могу позаботиться. Оно, будущее мне даст возможность обрести уверенность в жизни, стать человеком.

Для этого я должен был многое сделать. Прежде всего, мне необходимо было хотя бы устроиться на работу. Не воровать же?

Счет времени мной был потерян. Определить сколько дней я пробыл в четырех стенах, взаперти, полностью отклю-

чившись от мира, было невозможно. Экран телевизора был темен, радио молчало, телефон я отключил, даже задернул на окнах шторы. От шума и света у меня болела голова. Порой, чтобы затушить боль я поднимался, шел в ванную и обливался холодной водой. Ее прохлада меня несколько успокаивала.

Спасла меня подруга, невеста, жена – Оксана. Она появилась неожиданно. Правда, участковый опередил ее и испортил мне настроение:

– Это ты убил свою мать, – сказал он, глядя мне жестко в глаза. – Ты, сволочь ее убил.

Он вовремя ушел. Еще мгновение и я бы что-то сделал. Мои глаза заставили его буквально выскочить из квартиры. Когда вновь раздался звонок, я весь напряжился и подумал: «Мент проклятый» рвется. Ну, уж теперь ему несдобровать.

В дверях я увидел Оксану. Она еле удержала меня.

– Коля, – услышал я ее крик, – да опомнись же ты. Что, не узнал меня?

Я медленно приходил в себя. Участковый с неделю не приходил, затем снова зачастил. Мне было не по себе. Я когда слышал за дверью его шаги, затаивался и молчал. Он неистово звонил. Порой Оксана не выдерживала и бежала с криком:

– Это кого еще там черт несет? – Она знала кого, но делала вид, что не понимает. Открыв двери, Оксана расплывалась в улыбке и говорила:

– Ой, извините, я и представить не могла, что это снова вы!

– Ваш паспорт, – обращался к ней милиционер и, получив его, крутил в руках:

– Вы, я так думаю, уже собираетесь уходить. Согласно прописке гражданка, – он называл фамилию девушки, – вы проживаете совершенно в другом районе, на другой улице и в другой квартире?

– Да, да, вот сейчас сразу же после вас и уйду.

Оксана напрасно ехидничала с милиционером. Впоследствии ей это обошлось дорого.

Я был плохим братом. Для Валеры я ничего не сделал. Удовольствия для матери и отца от меня также не было. Они не могли мной гордиться. Вот тетя Надя Семеном могла гордиться. Он защитился и стал ученым, работал в институте. Муж из меня, также был никудышный. Для Оксаны я был пустым временем провождением. Порой я днями сидел дома, не выходил, порой, случалось, днями болтался по улицам. На работу мне идти расхотелось. Я, нашел деньги, припрятанные матерью на черный день, и теперь их понемногу тратил. Вот, когда закончатся, тогда и буду думать о работе, а пока плевал я на все. От участкового милиционера я спасался в скверике. Он находился недалеко от дома у железной дороги. Все нормальные люди располагались подальше от нее я же наоборот. У железной дороги мне было спокойнее, взяв бутылку водки, четвертинку черного хлеба и грамм двести

колбасы я медленно выталкивал из головы дурные мысли, нагружаясь зельем.

Однажды меня даже не спасла водка. Не знаю отчего я не оставил пустую бутылку там, в сквере под скамейкой, а взял с собой. Помню, мне показалось спиртного недостаточно. Конечно, это из-за того, что я встретил Тольяныча – друга своего покойного брата. Он пить не хотел, и как мог, – отказывался, но я настоял и волей-неволей Тольяныч составил мне компанию. Он выпил всего ничего – водка закончилась. Я решил добавить – купить еще одну поллитровку.

Магазин был полон народу. Добраться до продавщицы без очереди было невозможно. Я начал упрашивать людей пустить меня, но разжалобить мне никого не удалось. Очередь не желала пропускать меня вперед. Я принялся скандалить и вдруг с яростью запустил в витрину магазина пустую бутылку. Не знаю, что на меня тогда нашло.

Убежать я не смог, да и не очень стремился, так как на ногах еле стоял. Меня тут же забрала милиция. Мне оформили дело. И посадили за попытку ограбления магазина. Участковый дал на меня такую характеристику, что дальше некуда. Я был хуже убийцы.

Новое место заключения, ни в какое сравнение не шло с колонией. Это была тюрьма, самая настоящая. Срок мне дали приличный. Как я не пытался утаить свое положение от родственников, оно стало им известно. Моя Оксана сразу же разыскала Семена и сообщила ему, о том, что я нахожусь в

Особенно сокрушалась тетя Надя: она, приехав на суд, только и повторяла:

– Коля-Коля, мне нужно было тебя сразу после похорон матери забрать с собой. Как же я не подумала, что такое может случиться!

– Ты, – сказал мне участковый, – уже даже не москвич, вернуться тебе не удастся. Скоро я займусь и твоей подругой. Ей на свободе ходить недолго.

Оксану также посадили, но за хулиганство. Она в зале суда учинила скандал. Полезла меня защищать. Ей дали пятнадцать суток.

Время в тюрьме тянулось медленно. Работа меня выматывала. Отношения между сокамерниками также. Я пытался выгладеть среди них «стариком». Случайно, будто ненароком, я проболтался, что у меня вторая «ходка». Это возымело действие. Я стал почетным. Мне дали кликуху. Товарищи по несчастью меня, отчего то прозвали дядей Колей. Им я пробыл не один год.

Чего я только не делал, чтобы быть на высоте. Выдумка у меня была на первом месте. Ради уважения «братвы» я через надзирателей тратил всю свою наличность, выдаваемую на хозяйственные нужды, для покупки водки. Время от времени я должен был «косить» от работы. Это также поднимало меня в глазах сокамерников. В лазарете я бывал и порой часто. Для этого я глотал столовые приборы. Обычной ложкой

делал себе в животе дырки. Ел всякую дрянь, чтобы вызвать температуру и заболеть.

Жизнь в тюрьме была не сладкой. Днем, нагружались ноги, руки, мышцы живота, спины, шеи – словом сплошная физика, а по ночам голова – это была философия. В детстве голова была ясная. Мыслей в ней раз-два и обчелся. Чем старше я становился, тем плотнее заполнялась моя башка. Каждый шаг уже осмысливался. Без мысли никуда. Тошно. Меня порой, как от баланды – рвало мыслями.

О многом я передумал лежа на нарах, особенно когда не спалось. С кем я в уме не разговаривал и с матерью, и с отцом, и с братом Валерой.

Мать и отец часто бывали у меня во снах. Захаживал и Семен. Даже сантехник дядя Миша, Тольяныч.

Однажды мне приснился покойный брат Валера. Такого не случилось. Он, как ушел из жизни, так и пропал. Что-то должно было случиться. И случилось. Оказалось, что мой срок подходит к концу. Как я мог забыть об этом. Порой каждый день фиксировал, мечтал и строил планы. Жизнь на гражданке рисовалась мне во всех красках. Я, отсидев приличный срок, уже не понимал каково быть свободным, правда, хотел, жаждал ее – свободы, и надо же такому вдруг случится – напрочь забыл о том, что срок мой на исходе.

Утром меня вызвал начальник.

– Так осужденный вам осталось всего месяц, подумайте о месте жительства. В больших крупных городах вам жить

нельзя.

– А в Москве? – спросил я.

– А в Москве тем более! – ответил он.

– Хорошо, в селе я могу жить?

– Пожалуйста. Сообщите нам адрес, мы напишем туда и вас оповестим.

Я решил поехать к тете Наде. В своих письмах она не раз приглашала меня к себе. В тюрьме от начальства я получил разрешение и отправился в Щурово – на новое местожительство.

Тетя Люба – хохотушка от меня отказалась. Правда, не она сама, ее муж дядя Ваня.

– Мне, – сказал он, как передала в письме тетя Надя, – тюремщик не нужен. Он мать свою не жалел, я его также не собираюсь жалеть. Что он сирота? Черта-с два. Пусть сам живет, как хочет, помогать я ему не собираюсь и жене своей не позволю.

Мою мать Веру Кондратьевну тянуло на родину. Ее дом, дом сестер Нади и Любы не сохранился.

Тетя Надя покинула его сразу же после замужества. Уехала из поселка Варинова жить к мужу в Щурово в перспективное село. Тетя Люба, много лет жила в родном доме и переехала к своей сестре только тогда, когда тот совершенно развалился.

Мать, когда у нее был отпуск, отправляясь к себе на родину, взяв меня, Валеру, а порой и отца останавливалась все-

гда у тети Любы. К тете Нади мы ходили в гости. Расстояние было небольшим всего два-три километра. Нас всегда пытались оставить ночевать, но мать находила отговорки и спешила вернуться к тете Любе. Возможно, ее притягивали родные стены дома. Мне же, казалось, она боялась тети Нади и чувствовала перед ней себя неловко.

Отъезды наши заканчивались скандалами. Мать из-за того, что она жила в Москве – столице, старалась быть выше своих сестер. Но тетя Надя главенствовала. Ведь она вырастила и мою мать, и тетю Любу. Она не обманывала, когда захотела перебраться жить в Москву. Если бы не моя мать возможно не только жизнь тети Нади, тети Любы, но и ее самой была другой.

В Щурово я ехал с непонятным чувством. Оно для меня было незнакомо. Детские воспоминания были не в счет. Если бы меня не встретили на станции я бы не нашел дом тети Нади. Ей я был благодарен не только за это, но и за то, что она меня приютила. Поезд пришел рано утром. Я успел сообщить и число прибытия, и время, и номер вагона. Тетя Надя была не одна. С ней приехал ее сын, мой двоюродный брат Семен. Он очень сильно изменился и больше походил не на парня, а мужика. Хотя я выглядел в отличие от него намного старше, тюрьма – она не красит человека.

– Ну, здравствуй сынок, – сказала тетя Надя, подошла ко мне крепко обняла и поцеловала в щеку. Семен просто пожал руку. Он приехал в отпуск погостить дома.

– Я сейчас, куплю билеты на автобус, – сказал двоюродный брат и побежал в стоящее недалеко от станции здание.

– А разве еще нужно куда-то ехать? – спросил я.

– А как же ты думал, что забыл? Нам еще километров тридцать до Щурова добираться! Сколько же лет прошло, когда ты был последний раз в наших краях? Лет пятнадцать-двадцать! Ну да ладно. Тебе я думаю у нас понравиться.

Скоро пришел Семен и я, подхватив чемоданчик, вместе с тетей Надей, поспешил за ним к автобусной остановке.

Тетя Надя жила с мужем. Его звали, как и моего отца Володей. У них кроме Семена были сыновья Александр и Василий, а также дочь Анна. Братья Семена работали один капитаном, другой механиком на речных небольших судах – буксирах и таскали по рекам Белоруссии баржи с грузами. Анна после окончания техникума вышла замуж и уехала далеко в Сибирь. Семен приехал в Щурово не один, с женой. Глядя на его супругу Елену, я сразу же вспомнил об Оксане. Однажды я не выдержал и попросил разрешения у тети Нади написать ей. Она не возражала.

Обмыть мою встречу с родственниками мне не удалось. Когда я попытался как-то напомнить, что полагается выпить за встречу, дядя Володя сказал:

– Сейчас, не спеша, выпьем, – и побежал ставить чайник.

Отдыхал я после тюрьмы и дороги – недолго. Семен в тот же день, вместе со мной сходил в сельпотребсоюз. Там он

переговорил со своим другом и вот я уже на следующий день отправился на работу. Меня оформили грузчиком на товарную базу.

– Извини, – сказал двоюродный брат, – у нас здесь в селе работа есть, но очень простая, возможно для тебя не интересная. Но на первое время сойдет, а там может быть и подвернется что-нибудь посущественнее. Главное ты должен вначале себя показать. Сам понимаешь, не из курорта приехал.

Моя бывшая подруга Оксана оказалась замужем. Однако нашла возможность и вырвалась меня навестить.

– Я, ненадолго, извини. Очень хотела тебя увидеть.

– Ну что ж, смотри, – ответил я ей с горечью.

– А чего бы ты хотел? Что я дура – ждать тебя. А, потом ты мог бы мне и не написать. После тюрьмы я для тебя хороша, а пройдет время ты обо мне и забудешь.

Нет, Оксану я не забывал. Перед тем, как ей приехать я ее видел во сне, и в тюрьме она не один раз являлась мне, – хотелось думать о ней. Правда, письма я Оксане не долго писал. Два-три отправил и перестал – надоело. Однообразная жизнь в тюрьме убивала не только меня, но всех, кто сидел со мной. Я там многое повидал. Такие тузы, крепыши и те срывались, становились слюнявыми и слабыми, плакали, кричали, бились в истерике.

Оксана меня поддержала, хоть я был и обижен на нее из-за ее замужества. Побыла она два дня, и мы простились на-

всегда, чтобы уже больше не встречаться.

Шли дни. Прошрое из головы мне пришлось выбросить и свыкнуться со своей новой жизнью, чтобы уже ничем не отличался от сельчан.

Я вставал рано утром, причем последним, мне было достаточно двадцати минут, чтобы добраться до места работы, завтракал и шел на товарную базу.

Мой рабочий день начинался в девять часов. Я не опаздывал. Поблаивался заведующей базой, бойкой крепкой теткой. Она чем-то мне напоминала тетю Надю. Клавдия Яковлевна, так звали заведующую товарной базой, давала задания товароведам получить на складе согласено заявке тот или иной товар и развести его по магазинам. Товары были самые разнообразные, начиная от мебели, телевизоров, стиральных машин заканчивая рыбой, колбасой, макаронами, солью, спичками.

В распоряжении товароведов базы были мы грузчики, несколько лошадей, телеги – летом, сани – зимой и еще одна машина, но она использовалась для перевозок товаров из районной базы. Сельские магазины, магазины и лавки, прилежащих поселков и деревень снабжались нами с привлечением для доставки товаров гужевого транспорта.

Я уже через неделю научился запрягать лошадь. Мне понравился вороной жеребец по кличке Малыш. Это было спокойное и сильное животное чем-то напоминавшее мне работавшего со мной в паре долговязого парня Лешу.

Леша оказался не дурак выпить. Надежда Кондратьевна, когда узнала, строго наказала:

– Смотри Николай, Алексей может тебя совратить. Он не пьет, не пьет, а потом сорвется и дует ее гадину, как чай стаканами. Я, если замечу, что ты выпил, – она вдруг на минуту замолчала, а потом выдала:

– Вот тебе Бог, смотри, – и показала рукой на иконы, – а вот порог! Не обижайся!

Работа мне не нравилась. Я мирился. Старался в свободное время найти дело по душе. Однажды я починил дверь рабочего помещения, где у нас обычно проходили планерки. Заведующая увидела мое старание и спросила:

– Николай, ты никак плотник?

– Да, было такое, – ответил я.

– Хорошо, – сказала Клавдия Яковлевна. – Нужная специальность. Для плотника у нас всегда дело найдется.

Склады на товарной базе часто требовали ремонта. Клавдия Яковлевна нет-нет и освобождала меня от работы грузчика. Инструмент кое-какой на базе был, и я ловко орудовал и топором, и рубанком, и стамеской. Однажды я даже на крышу забирался, чтобы устранить течь. Благодаря заведующей я стал в селе известным. Ко мне стали обращаться за помощью, в основном женщины, сделать ту или иную работу у них дома. Я не отказывался.

Особенно мне была приятна благодарность дяди Володи. Я как-то раз помог ему поправить забор и он, увидев, с каким

я уменьем орудуя рубанком, – вдруг выдал:

– Николай, – он меня в отличие от тети Нади называл так и не иначе, – да ты никак специалист высшего класса.

Работа на товарной базе занимала у меня много времени. Зимой я порой приходил несколько раньше, а вот летом часто задерживался. Время было другое: часы не замечались. Отправившись вместе с товароведом в ближайший поселок, мы возвращались на час-два позже окончания рабочего дня.

Я объездил на лошади все ближайшие села, поселки, деревни. Где мы только не были с Малышом и в Вознесенске, и в Бугровке, и в Вишневке, и в Дубраве. Мне пришлось постоять у развалин дома в Варинове, в котором жила моя мать вместе со своими сестрами. Поселок был небольшим, домов двадцать-двадцать пять. В нем была лавка – маленький магазинчик. Она работала два раза в неделю. Погрузив товары на телегу, если дело было летом или на сани, когда зимой я вместе с товароведом Марией Григорьевной, иногда Натальей Ивановной дважды в неделю выезжал в Вариново. Нас здесь ждали.

В настоящее время товар в поселок доставляется из частного магазина. Его ассортимент не тот, что был раньше, кроме хлеба, дешевого стирального порошка, соли, спичек ничего не привозят. У народа нет денег. Да и в поселке контингент не тот, что был прежде – старики, больше старушки. Молодых совершенно нет. Рожать не кому. Вымирает поселок.

Мне нравилось бывать на родине матери. Однажды я остановился у колодца и поговорил с одной женщиной. Она, увидев мой интерес, не утерпела и спросила:

– Мужик, ты никак подыскиваешь себе домик? Сходи к Чугунихе. Она здесь недалеко живет. Вон у той развилки, – и женщина показала рукой. – Дом хороший. Продает недорого. Хочешь, я попрошу ее для тебя придержать? Она сбросит немного. Решайся?

Я не пошел к Чугунихе. Однако предложение купить домик мне пришлось по душе. Ведь это была свобода. В тюрьме я стремился к ней, казалось вот она, но не тут-то было. Надежда Кондратьевна была сильной женщиной. Я все время ощущал на себе ее давление, и все свои действия мысленно согласовывал с ней.

Деньги мне платили небольшие. Я их отдавал тете Наде. Мой двоюродный брат Семен делал также, когда жил у нас в Москве.

Однажды вечером за ужином я не удержался и рассказал о Чугунихе.

– Чугуниха! Это прозвище. У нее фамилия есть— Чугункова Настасья, – оживилась Надежда Кондратьевна. – Я хорошо ее знаю, да и как не знать. У нее сейчас сыновья Миша и Петя в Москве живут. За мной одно время ухаживал ее брат Сергей, погиб под Гомелем. Смотри Коля. Мы тебя не гоним. Хочешь купить дом, покупай. Деньги твои у меня все на месте. Я их не трачу. Что мне жалко на тебя картошки,

свеклы, огурцов или еще чего? У нас все свое.

У меня все было хорошо. Но видно тетя Надя не зря меня предупреждала. Леша сбил меня с пути-дороги.

Мария Григорьевна и Наталья Ивановна были замужними женщинами и всегда торопились домой. Наверное, я сумел себя показать честным, добрым малым. Они не часто, но отправляли иногда меня одного отвезти груз, если он был габаритным, давали в помощники с собой Лешу. При этом строго наказывали, как правильно должны быть оформлены документы.

У Алексея было много друзей, таких же, как и он пьянчужек. Однажды, когда мы остались без товароведа, он, нет бы вернуться на базу, и, сделать еще одну поездку, подвез меня к какой-то избе, иначе этот покосившийся дом назвать нельзя было.

– Вот, знакомься это Бакут!

Прозвище было странным. Оно оказалось созвучным его фамилии и отличалось не значительно. Этот самый Бакут сидел в инвалидной коляске. Он был обрюзгшим солидным мужчиной. Я пожал протянутую им заскорузлую руку. Его товарищ по прозвищу Сметана, белобрысый крупный мужичище, стоял сзади коляски. Он лишь кивнул мне и уставился в землю.

Бакут здесь в Щурово старался быть паханом. Встреча со мной его обрадовала. От Лехи он узнал, что я не так давно вышел из тюрьмы. В отличие от меня Бакут провел, в местах

не столь далеких, более десяти лет и неизвестно, сколько бы сидел еще, если бы не вышел на инвалидность. Его товарищ, также побывав в тюрьме, как-то при встрече он рассказал мне, что Бакут, чтобы «скосить» срок специально обморозил себе ноги. Это позволило ему получить пенсию.

Парочка Бакут-Инвалид и Сметана была еще та. Промышляли они вместе. Во время ярмарок Сметана возил его по торговым рядам на коляске и они просили милостыню:

– Подайте инвалиду Афганской войны!

Люди, которые его не знали, бросали в грязную шапку не только копейки, но и рубли, как же человек воевал. Друзья в кавычках все делали лишь бы «заработать» себе на бутылку.

– Присаживайся, – сказал, приподнявшись в коляске, стареющий обросший щетиной мужчина и указал рукой на грязный табурет. Мне сидеть не хотелось. Однако пришлось уступить ему. Забравшись в карман, инвалид достал из него скрученную сигарку и затем выдал:

– На, разговейся. Это травка. Тут один мужичок Филипп Шувара снабжает. Это он надоумил меня «косить под афганца». Первый раз здорово получилось. Я даже и не ожидал. Сейчас народ озверел, деньги давать уже не хочет.

Домой я пришел поздно. Надежда Кондратьевна меня не тронула. Однако я чувствовал, что она знает о моем походе к Бакуту. Для себя я решил больше к нему не ходить. Он сам по себе я сам. И какое-то время я свое слово держал. Но произошел инцидент, его товарищ Сметана, однажды за-

бравшись к старику в дом, попался. Его посадили, должен был состояться суд. Бакут искал себе нового человека.

Мой напарник Леша хитро поступил. Он жил на той же улице, что и я. Порой мы вместе ходили на работу и возвращались домой. Когда Алексей запивал, его мать, проклиная парня, приходила к нам в дом и просила меня отнести Клавдии Яковлевне заявление. Она очень боялась, что сына выгонят с работы. Без работы он мог окончательно спиться.

Однажды Леша уговорил меня пойти домой другой дорогой.

– Я на минуту забегу к одному мужику, – сказал он. Этим мужиком оказался все тот же Бакут, прозванный мной Инвалидом.

Первые минуты я был как бы в стороне. С ним разговаривал Леха. Но потом снова оказался в эпицентре. Инвалид грозно рявкнул на маленькую старушку мать и отправил ее в магазин за бутылкой.

– Бакут – пахан. Ты, знаешь, что это такое. Я ведь не сидел. Он и ты – два сапога пара, – сказал мне Алексей в свое оправдание, когда мы, поддерживая друг друга в темноте, тащились домой. – Тебе же было о чем с ним поговорить. Я не мог тебя не привести к нему. Так, что ты меня прости. Простишь? – спросил Леша, заглядывая мне в глаза. Я смалодушничал, и простил его. Однако тетя Надя меня не простила.

Дома Надежда Кондратьевна грозно сказала мне:

– Я тебя предупреждала.

Мне было стыдно смотреть ей в глаза. Она сколько могла, терпела. Ее терпению пришел конец. Я не знал, что тетя Надя предпримет.

На следующий день был выходной. Я должен был пойти к Бакуту. Он меня об этом просил. Однако я никуда не пошел. Надежда Кондратьевна отправилась к нему сама. А мне строго-настрого наказала сидеть дома и никуда из дома не выходить. Мне пришлось ее приказ выполнить. Я чувствовал себя, после проведенного вечера у Инвалида, виновным.

Мой новый знакомый жил на соседней улице. Надежда Кондратьевна вернулась не скоро. Что она там делала, я не знал, был в неведении. Но не долго. В понедельник я вышел на работу. А уж там Леша, который не так давно меня познакомил с Бакутом, со смехом выдал:

– Николай, ты свободен. Инвалид, так ты зовешь Бакута тебе уже не товарищ. Тетя Надя дала ему от ворот поворот. Знаешь, что она с ним сделала, когда он вальяжно восседал в своей коляске? Не знаешь? Она подскочила к нему и закричала: «Ах ты Цаца, расселся, сидишь, а мать твоя как прислуга вокруг тебя бегает... Ах, Гришенька, ах сыночек. Да я тебя», – и, ухватившись за колесо, она так резко с силой потянула коляску вверх, что Бакут полетел на землю. Затем, не останавливаясь, тетя Надя двинула его драндулет ногой и выломала несколько спиц. Теперь, наш пахан, не транспортабелен.

Не транспортабельным Бакут оставался долго. Сметана сидел в тюрьме, и возить его было некому.

Посмеяться с Лешей я, как следует, не успел, скоро раздался голос Марии Григорьевны:

– Николай, собирайся! – и я пошел запрягать Малыша, затем нагрузил товар и отправился в дорогу. Мы поехали в Вариново. Там я оставил Марию Григорьевну торговать, а сам пошел к Чугунихе поговорить насчет покупки дома. Она, выяснив, что я сын Веры Кондратьевны, с удовольствием снизила мне цену на дом и согласилась продать его в рассрочку. Словом, мы сторговались.

На следующий день я взял все свои деньги у Надежды Кондратьевны и отдал их Чугунихе. Мы сходили в сельский совет и оформили куплю-продажу. Дом теперь был мой.

Надежда Кондратьевна возражать не стала, даже обрадовалась:

– Знаешь Коля? Это к лучшему. Там, на родине матери ты будешь в безопасности от таких людей, как Бакут. Правда, он себе «лошадь» уже подыскал. Его Филипп Шувара возит, «афганец чертов».

Дом требовал ремонта. Однако я был не только грузчиком, но и плотником. По вечерам я занимался обустройством своего нового жилища. Жить в нем первое время было невозможно, и я ходил ночевать к Надежде Кондратьевне и Владимиру Ивановичу.

Работа с топором, пилой, рубанком, стамеской меня пре-

ображала. Как-то раз тетя Надя, бросив на меня оценивающий взгляд, не выдержала и сказала:

– Николай, да ты вылитый дядя Коля. Знаешь, мать не зря тебя так назвала. Есть у тебя многое от него. Ты также, как и он размахиваешь руками. У тебя его осанка, походка, волосы, а особенно глаза и нос.

– Нет, что вы тетя Надя. Я ничем не похож на дядю Колю. Вот ваш Семен тот... – я не успел досказать.

– Не говори глупости. Сеня, и рядом возле него не стоял. Мой сын спокойный, уравновешенный даже несколько заторможенный. Если бы мой сын был, как дядя Коля разве он допустил бы того, что произошло у вас там в Москве. Он не может воздействовать на других – давить. Сила у него есть, я согласна, но она эта сила направлена на него самого. Себя он может заставить, других нет.

Ты же, как и мой брат импульсивный, шебутной – дома от тебя никому не было покоя. Ты всех был готов нагрузить. Да вот здесь, когда ты приезжал к нам, я всегда посматривала, какого ты еще выкинешь конька. С моим братом один дед Макар мог управляться. Николай большую часть жизни прожил у него. У нас гостил раз-два в неделю.

Твоя мать была ласковой девочкой. Она выделялась среди нас, и он ее любил. Всегда что-нибудь да приносил ей.

Подарки Николая ее приводили в восторг. Многие из них Николай делал сам – вырезал ножом человечков, всяких зверушек, птиц. Он как ты любил работать с деревом. Представ-

ляешь, даже балалайки делал. Где-то одна у меня есть, на чердаке лежит. Твой дядя Володя одно время играл на ней.

Этот наш разговор с тетей Надей все поставил на свои места. Я, наконец, понял, что все мои стремления отдалиться – избавиться от дяди Коли, были напрасными. Моя борьба была ни к чему. Возможно, мне и не нужно было сопротивляться. Вера Кондратьевна – моя мать плохо знала своего брата, однако невольно все сделала, чтобы я стал им.

8

Новое место жительства меня окончательно изменило. Может быть оттого, что я в Варинове чувствовал себя самим собой. Наверное, родина матери мне помогала или же то, что я не испытывал воздействия – давления от тети Нади: был себе хозяином. Мне была предоставлена свобода.

Дом у меня был небольшим. Он имел две комнаты. Одна так называемая передняя, другая – кухня, в ней стояла русская печь, большая и громоздкая. Еще были сени, в которых можно было снять верхнюю одежду, разуться и обуть домашнюю обувь.

Мне многое было нужно для уюта в доме. Надежда Кондратьевна дала мне комплект постельных принадлежностей и кровать. Она была железная с набалдашниками, в будущем я кровать хотел сделать себе деревянную, стол, ведь смастерил и какой, дядя Володя глянул, похвалил.

На работе заведующая товарной базой, узнав о покупке

мною дома, с улыбкой сказала:

– Ну, вот Николай теперь ты можешь себе и жену подыскивать! У нас здесь женщин незамужних много. Смотри, быстро тебя возьмут в оборот.

Для обустройства дома мне нужны были деньги, и я часто подрабатывал. Мое умение плотничать оказалось, кстати.

Однажды я нанялся на работу к одному мужику лет сорока-сорока пяти – Александру. Меня с ним познакомила его жена продавщица – хрупкая женщина моего возраста Галина. Я ей в магазин не раз вместе с Марией Григорьевной доставлял с базы товар.

Галина, как-то по-особому посматривала на меня. Я не знал причины такого внимания, но вот она вдруг сказала:

– Николай, я слышала ты хороший плотник. С тобой хочет поговорить мой муж. Зайди вечером к нам, – и она назвала мне свой адрес; рассказала, как найти дом.

Я пришел. Познакомился с семьей. У Александра и Галины были дети: мальчик Витя и девочка Маша, еще совсем малышка. Вместе с ними жила мать Галины. Она была парализована и большей частью сидела дома. Александр не хотел с ней возиться. Она ему была в тягость. Правда, как я узнал после, и жена ему была в тягость, и дети. Они все его раздражали. Он находил успокоение в бутылке.

Александр попросил меня поставить забор. Едва я только окончил работу, как он тут же потащил меня за стол и стал угощать самогоном. Я отказался. Его жена Галя сверк-

нула на меня своими карими глазами так, что у меня приятно защемило в сердце. Александр поймал ее взгляд и грубо закричал:

– Иди к детям. Ты, что тут толчешься... Значит, не пьешь? – спросил он у меня.

– Да, не пью. Хоть и рад был бы с тобой выпить, но пойми, болен, – и я назвал свою мнимую болезнь. Меня так отвечать подучила знакомая Надежды Кондратьевны, ведьма Петениха. После «эпопеи» с Бакутом – Надежда Кондратьевна специально меня сводила к ней:

– Идем, – сказала она, я тебя закодирую, и закодировала, тяга к водке пропала.

Александр долго возмущался, но отстал от меня и ужепил сам. Меня он в упор не видел.

Дом его находился недалеко от центра села. Десять минут, и я уже был у Александра. Если была возможность, я на час-два вырывался и во время работы. Клавдия Яковлевна, заметив, что я мучаюсь от ничего неделанья, взглянув на часы, говорила мне:

– Вот что Николай, сейчас иди, куда там тебе нужно, а в три, чтоб был на месте. – И я бежал.

Последнее время мы больше простаивали. Работы на товарной базе становилось все меньше и меньше. Лешу уволили, и он потихоньку спивался. Потом по сокращению ушла Мария Григорьевна. Лошадь оставили одну, остальных продали. Хотели и Малыша продать, но я его отстоял. Часть ма-

газинов в селе закрылась. Теперь уже не два раза в неделю, а один – я ездил к себе в поселок с товарами. Порой мне заказывали привезти хлеб соседки старушки.

Чугуниха часто останавливала меня и расспрашивала:

– Николай, ты видный мужик почто не женишься? Женись, легче будет. Сейчас жизнь не то, что раньше. Видишь, что в стране делается. Можно и окочуриться. – Чугуниха была права. Зарплата у меня резко упала. К тому же ее стали часто задерживать. И, наконец, наступил момент, когда товарную базу в селе закрыли.

– Из района товары будут возить, – сказала Клавдия Яковлевна. – Ну и пусть возят.

Не я один, многие остались без работы. Одно время я работал на почте: развозил письма, газеты, посылки, но и там работы стало мало, и меня вытеснили. Из колхоза люди также уходили. На земле работать было не выгодно. Сеять стали мало. Стадо колхозное почти все раздали в счет зарплаты работникам. Я, отработав в колхозе без зарплаты почти целый год, получил под расчет себе корову и ушел.

Основной доход мне приносила плотницкая работа. Я от нее имел деньги. Огород давал мне картошку, морковь, огурцы, помидоры, капусту. Я, у себя на пятнадцати сотках земли, посадил яблони, груши – надеялся в ближайшее время иметь фрукты. Одно старое дерево у меня было, досталось при покупке дома. Яблоки на нем были не каждый год и кислющие, но есть их можно было.

Александр мой работодатель часто меня нанимал. Он стал ездить на заработки в Москву и деньги привозил прилично. Я все делал, чтобы поубавить его кошелек.

Как-то он, прибыв из заработков, разыскал меня, я тогда сидел без работы и попросил посмотреть, что можно сделать с полами.

– Крысы такие дыры прогрызли. Сволочи пешком тут ходят. Вот она зараза, пока меня не было, развела, – и он махнул рукой в сторону своей жены Галины. – Может, подлатаешь?

Я попробовал топориком. Материал был гнилой.

– Александр, можно, конечно, подлатать, но это на два-три месяца. Полы гнилые, их следует менять, хочешь я настелю новые?

День-два Александр думал, а затем согласился. Так у меня снова появилась работа. Недели за две-три я ее надеялся сделать. Александр пробыл в семье недолго и снова уехал на заработки. А я остался. Он очень уж беспокоился, поглядывая на Галину. Отправляясь в Москву, строго наказал:

– Смотрите у меня, узнаю, что, прибыю обоих.

Я с его женой почти не разговаривал, не было необходимости. У нее была своя работа у меня своя. Правда, однажды я, увидев, как она справляется со своим стадом: у нее было три коровы, не выдержал и поинтересовался, что нужно делать, чтобы буренка не нервничала и во время дойки стояла спокойно. У меня нет-нет и были проблемы. Доить я не умел.

Учился и от этого мучил животное. Порой, чертыхнувшись, я шел к соседке Чугунихе и та меня выручала.

Александр заметил, как я разговаривал с его женой и нервничал. Галина кричала ему:

– А ты не пей, наблюдай за мной. А то вон сейчас еще одну рюмку выпьешь и завалишься. Смотри, проглядишь!

Александр уехал. На время своего отсутствия он хотел меня выпроводить, но работа была в самом разгаре, к тому же погода стояла хорошая, и нужно было спешить, вдруг не сегодня-завтра начнутся дожди и тогда доски подмокли бы, прятать их было негде.

Муж Галины из заработков приехал злой. Ему по дороге кто-то попался из друзей, с которым он часто выпивал. Не знаю, с каким умыслом, но этот самый друг нелестно высказался обо мне, что видно Александра и завело. Для разговора со мной он изрядно выпил и, ворвавшись в дом, тут же, с порога поднял крик:

– Это ты, ты разрушил мою семью! – Я не мог понять, в чем дело, и тарашил на него глаза:

– Кто разрушил? Зачем?

– Не прикидывайся ягненком.

На голос Александра из сарая с подойником вышла Галина. Он тут же выбил у нее из рук подойник и набросился на жену. Я за женщину вступился, и мой работодатель еще сильнее вспылел. Его лицо было перекошено. Он долго орал, бросался на меня с кулаками, я в драку не ввязывался, пы-

тался успокоить словами, но не смог и ушел. Мне нужно было торопиться домой. Время было позднее.

На следующий день Александр был невменяем. Лицо его было опухшее, сам не бритый, заросший он напоминал в прошлом мне самого себя. Неужели еще совсем недавно я был такой же. Верить мне не хотелось.

– Я решил, – сказал Александр, —забирай, не жена теперь она мне и этих сопляков тоже, – он махнул рукой в сторону притихших детей, – да еще ее мать не забудь, можете катиться отсюда на все четыре стороны. Проститутка мне в доме не нужна! Вот и точка!

– Что ты говоришь Александр, глупости, какие-то. Подумай своей головой? Куда я поеду. От этой водки ты с ума тронулся!

Я встал между ними и, взяв женщину за плечи, спросил:

– Галина, ты ко мне поедешь. Ты, дети, мать?

– Поеду, – выдохнула она, – а что мне делать раз он выгоняет?

– Хорошо, жди меня. Минут через десять я буду, а пока приготовь вещи, возьми самое необходимое.

Я приехал, нет, не машине, на лошади, взял на время Малыша у Клавдии Яковлевны. Она его выкупила при закрытии товарной базы.

Мы на глазах у Александра погрузили вещи на телегу, сверху посадили детей. Он еще мог все изменить, но нет сидел на крылечке и молча с ухмылкой наблюдал за нашими

сборами. Я сходил в дом и вынес на руках мать Галины. А Галина в это время вывела из сарая корову и привязала сзади телеги, двух других она оставила Александру.

Так я приобрел себе жену, детей и даже тещу. Конечно, все это скопление народа в моем доме трудно было назвать семьей, но мы стремились, все делали, чтобы почувствовать важность нашего объединения и необходимость друг в друге.

9

К Александру я относился как к хозяину, работодателю, к его жене, как к хозяйке, потому что она, хоть и не влезала в мои отношения с ее мужем, но была для меня так же значима. Как на женщину я на нее старался не смотреть. Правда, в ней что-то было такое, что меня привлекало. Я не мог понять, что, и приглядывался к ней. Мой взгляд, возможно, однажды и заметил сосед, мужик, которого Александр, уехав на заработки, приставил за нами наблюдать. Он часто появлялся в доме по самым разным пустякам. О причине его внимания я не догадывался, да и Галина тоже. Однако теперь это было уже неважно. Наши судьбы пересеклись. Мы жили вместе.

Я был благодарен Галине. Она все в доме изменила. Понятное дело – женщина. У нас на окнах появились красивые занавески, на столе скатерть, на полу дорожки. Стены дома также стали привлекательными. Галина на них повесила фотографии, для которых попросила меня изготовить рамки.

Ее просьбу я выполнил с удовольствием.

Чугуниха, да и не только она, но и другие жители Варинова, Галину хорошо знали. Родина моей матери Веры Кондратьевны была и для нее не чужой. В поселке, Галина родилась. Возможно, это было одной из причин ее переезда ко мне. Хотя я в этом не уверен.

Вариново находилось на одной улице и представляло собой десятка два простеньких деревянных домов вдоль широкой асфальтовой дороги, идущей из Щурова в районный городок.

Однажды Галина, взглянув мне в глаза, сказала:

– Хочешь, я покажу тебе дом, в котором когда-то родилась и жила с матерью? – и, взяв меня за руку, повела по улице, рассказывая о поселке, о его жителях.

Я шел следом за Галиной и внимательно слушал. Прошли мы немного и вдруг остановились у груды мусора, заросшего сорняками.

– Вот здесь жила твоя родственница – тетя Люба хохотушка вместе с мужем и детьми, а после они уехали в Щурово, – сказала Галина и, увидев, что я вдруг загрустил, добавила: – Не переживать, мне ведь тоже похвалиться нечем! Вот сейчас увидишь, пошли.

На краю поселка у леса мы вновь остановились.

– А вот эти развалины – мой дом. Ладно, идем, – и Галина легонько дернула меня за рукав. – Я тебе сейчас такое место покажу, взглядишься, – и она пошла в сторону леса к озерцу,

я следом за ней. Озерцо с берегов почти все заросло травой, и лишь где-то в середине на солнце блестела зеркалом вода.

– Вот здесь я в жаркую погоду ребенком купалась. У меня не было отца. Меня принес аист. Вот тот, наверное, – Галина показала на дерево – высокую толстую вербу у старого, замшелого дома, крытого черепицей.

Я задрал голову и увидел на дереве двух красивых птиц. Они стояли в гнезде и спокойно смотрели на окружающее их зеленое запустение.

Мы обошли озерцо и направились к лесу. Он был таинственен и тих. Галина вела меня, как маленького ребенка, за руку. Рядом с соснами тут же рядом росла береза, осина, дуб, в лицо лезли ветви молодой поросли и кустарника.

Вдруг, неожиданно остановившись, моя подруга сказала: – Николай, смотри вот эта береза любимое для меня дерево. – Ствол его, слегка поднявшись над землей на высоту чуть более метра, делал изгиб, образуя площадку, а затем снова устремлялся вверх.

– Здесь я любила сидеть в детстве, – с грустью сказала Галина, и глаза ее наполнились слезами. Не удержавшись, я вдруг легко подхватил ее на руки, и она ахнуть не успела, как уже сидела на дереве.

Мы долго разговаривали. Нам было что сказать друг другу. Когда настало время возвращаться, я аккуратно снял Галину с дерева. Ее нежное тело скользнуло по мне. Я не удержался, обнял Галину и поцеловал. До этого времени мы, хо-

тя и находились рядом, но не были близки. Как-то не получалось. Что-то сдерживало. Хотя природа и требовала своего, но человек есть человек, – никакое-нибудь животное – я себя сдерживал, Галина тоже.

Наверное, было не время. И вот оно настало. Я такого удовольствия раньше никогда не испытывал. Галина вся растворилась во мне. Мы были единое целое — неотделимы друг от друга. Такого у меня никогда не было. Сколько в этом было романтики, описать невозможно. В прошлом, все, у меня происходило словно в полусне – по пьянке, и кроме отвращения после ничего не вызывало.

Галина и я, домой возвратились с сияющими лицами. Даже дети, которых я полюбил, пусть они и не были моими, после этого дня стали ближе и родней.

Мать Галины, Раиса Максимовна, сразу признала во мне зятя. Я о ней заботился, сам все делал, не позволяя Галине даже прикасаться. Моя теща была парализована и не ходила и ее, поэтому часто приходилось переносить. К тому же Раиса Максимовна не разговаривала. Я помог ей, и скоро она стала что-то невнятно говорить, хотя раньше было одно мычанье.

Раиса Максимовна любила сидеть на улице, возле дома, на скамейке, правда, при Александре из-за болезни этого себе позволить не могла. Он был глух к ее желаниям. Я же не один раз в день, если погода не препятствовала, брал ее на руки и выносил на свежий воздух. Она часто находилась воз-

ле нас. Я сажал ее за стол, когда мы завтракали, обедали или ужинали, даже носил в туалет. Дальше все остальное делала Галина.

Я часто ловил на себе благодарный взгляд Раисы Максимовны. Однажды Галина сказала мне:

– Николай, моя мать, живя в твоём доме почувствовала себя человеком. Александр так с ней не обращался.

Недели две-три я не появлялся в Щурове. Нет, не боялся, хотя, если честно сказать, я встречаться с Александром, бывшим мужем Галины – это могло быть, не хотел. Но я пересилил себя и все же, минуя центр, огородами добрался до дома своих родственников. Мне интересно было узнать, что же о нас говорят в селе.

Тетя Надя, когда я ей рассказал, что вдруг, нечаянно обзавелся семьей, всплеснула руками. Она уже что-то слышала, но не думала, что все это касается меня.

– Николай, ты говоришь, Галина? Кто же это такая?

– Продавщица, – ответил я, – раньше работала в Щурово... Я был немногословен, но Надежда Кондратьевна меня поняла, долго ходила по комнате.

– Значит, – говоришь, – она сама из Варинова. Их дом раньше стоял на окраине поселка. Не ее ли мать бегала за нашим Колей? У твоего дяди в поселке была невеста, не знаю точно, но, если я не запамятовала, ее звали Раисой. Я спрошу у своих подруг, что это за женщина, которую ты взял себе в жены? Интересно!

Мне не терпелось, как можно больше разузнать о дяде Коле – от матери я мало слышал о нем. Тема его смерти для меня была запретной. Может, она и сама не знала, как умер брат, а может, он для нее всегда был живым.

Я очень сожалел, что дядя Коля не дожил до наших дней. Не удержавшись, я спросил:

– Тетя Надя, а отчего умер мой дядя?

– Отчего? – переспросила она и тут же ответила. – От болезни, конечно! Он жил у деда в Крапивном – маленькой деревушке недалеко от Варинова. Раз-два в неделю приходил домой. Дед Макар, все время плакал: «Отдал вам на один день внука, и вы не уберегли». Это было еще до войны. Николаю только исполнилось шестнадцать лет. Он однажды пас коров. Не колхозное стадо, а своих сельчан, как мы говорим – «людское» – была наша очередь. Пригнал их вечером с луга и отправился на гулянку. Парни и девки встречались на гумне. Там он увидел свою девушку – Раису, побыл с ней, а затем – домой. Ну, а мы думали, что Николай заночует у деда Макара, и его не ждали. Вечером пошел дождь, и какой дождь. По дороге он весь до нитки промок. Ему бы к печке, обогреться, но мы крепко спали. Брат стучал-стучал в окно, никто ему не открыл. Тогда он отправился спать на сеновал. Ночь была холодной, Николай промерз и заболел. Раньше к врачам мы не обращались как сейчас, не то было время, да и что были за лекарства, если пенициллина не было, в диковинку. Если бы это произошло сейчас, его бы подняли –

спасли.

Я шел в Вариново домой и всю дорогу размышлял. Три километра отмахал и не заметил. Теперь, спустя много лет, мне стали понятны слова матери Веры Кондратьевны: «Коля-Коля-Николай, сиди дома, не гуляй». Что это? Нелепость или судьба? Сам себе задавал я вопрос и не мог на него ответить. Наверно было не время.

10

Подобно Семену я, когда устроился на новом месте жительства, стал все реже и реже бывать в гостях у тети Нади и дяди Володи. Дел хватало у себя дома. С сельскими жителями я жил дружно. У каждого что-то было такое, что требовалось в хозяйстве нечасто, но без чего не обойтись. Например, чтобы вспахать землю, нужна была лошадь. Ее я брал у одного соседа, плуг – у другого, борону мне давала Чугуниха. Без меня также нельзя было обойтись, так как я имел довольно приличный плотницкий инструмент, его просили, и я давал, не отказывал. Порой сам вызывался помочь.

Участок земли у меня с Галиной был небольшой – пятнадцать соток. Мы прихватили еще столько же. Все равно земля пустовала. Теперь о ней, как это было раньше, государство уже не пеклось. Работы не было: молокоперерабатывающий завод в Щурове стоял, кирпичный также, товарищество по обработке земли, или как его по старинке люди называли совхоз, денег за работу не платил. Каждый жил как

мог, ковырялся на своем приусадебном участке, работал сам на себя.

Часть урожая мы продавали – нужны были деньги. Их, мы расходовали на хлеб, мясо, соль, спички, одежду, обувь себе, детям, платили за электричество. Денег нужно было все больше и больше – мальчик перешел в третий класс, девочка хоть и была с ноготок, но вещи, особенно пальтишки, платица, сапожки для нее стоили прилично.

Лето кормило год. Поэтому я и Галина пропадали на огороде. Мы сажали картофель, сеяли морковь, свеклу, капусту, огурцы, помидоры, лук и многое другое.

Немало времени уходило на прополку, полив, борьбу с вредителями. Колорадский жук мог урожай картофеля в считанные дни свести на нет. Приходилось действовать, применяя самые различные методы борьбы с ним от сбора полосатых «монстров» в банку с керосином, до полива их ядами.

У нас были две коровы. Детям нужно было молоко – они росли. Я к молоку был равнодушен, однако творог, сметану любил и с удовольствием ел.

Чтобы заготовить сено на зиму скотине, необходимо было умение косить. Вначале я пробовал жать серпом. Однако скоро понял серп – это для козы, а коров обеспечить сеном невысказано.

Я родился в городе и, конечно, этому ремеслу никогда не обучался. Мне помогла Галина. Коса у нее шла мягко и легко – загляденье. Вначале она научила меня держать косу в

руках, затем показала, какими должны быть движения, что делать, если на лугу встречаются неровности – кочки, низины, ямы.

– Ты, главное, «пяточку» прижимай, а то «нос» косы будет постоянно втыкаться в землю.

Я так и делал. Однако у меня ничего не получалось. Мои ошибки Галина тут же поправляла. Она, если нужно было, обхватывала меня сзади, и, взяв за руки, плавно взмахивала косой, пускала ее по траве, делая ровную дорожку.

Через неделю я уже косил. Пусть несколько «топорно», но косил. С каждым днем мое умение росло. Травы были отменные – густые и высокие. Руки было куда приложить.

Один мой сосед, я с ним подружился еще в Щурове, держал пасеку. Он научил меня обращаться с пчелами, я ему однажды помог отремонтировать ульи. Скоро у меня в саду уже стоял свой домик. Рой, он мне дал за работу.

Лес был под боком. Я заготавливал на зиму топливо – дрова. Мне нравилось бывать в лесу. Галина также стремилась оказаться рядом со мной. Я узнавал о Галине из ее рассказов.

Раиса Максимовна никогда не была замужем. Вся ее жизнь была заполнена воспоминаниями об одном единственном человеке.

– Выходить замуж за моего отца, она отчего-то не захотела. Он, ей был не нужен, – сказала Галина. – Я думаю мать его, наверное, не любила.

– А кого она любила, ты знаешь? – спросил я и посмотрел

Галине в карие глаза. Ветер трепал платье. Тонкая, легкая она была похожа на березку.

– Николая, вот кого! Он умер еще в юности. Но она его любила и продолжает любить, несмотря на то, что прошло много-много лет, а я люблю своего Николая, – и Галина, обхватив мою голову, поцеловала меня в губы.

Отправляясь в лес заготавливать дрова, мы детей оставляли на Раису Максимовну, вернее ее на детей. Мать Галины ожидала нас у дома, сидя на скамейке. Миша – старший мальчик был самостоятельным и понимал, что к чему. Конечно, я всегда был готов, в случае надвигающегося ненастья за пятнадцать-двадцать минут добежать до дома и занести тещу в укрытие.

Дом надолго без присмотра мы не бросали. Недалеко в низине, метрах в ста паслись на привязи наши коровы. За ними необходимо было наблюдать и время от времени менять место выпаса. Раз в две недели то я, то Галина ездили в район отметить на бирже труда. Галина раньше была продавцом. Сейчас, как и я числилась безработной. Платили по безработице гроши.

– Что это за деньги? Бумажки! – с обидой говорила моя жена, разложив их на ладони. – Если перевести на «советские» – два-три рубля. Смешно просто. Они там «наверху» нулей возле цифирей нарисовали и мыслят, что дают нам тысячи. Что я работать не хочу? Хочу! Так дайте мне работу!

Достойную, и зарплату достойную, чтобы я могла жить на

нее.

Правда, даже эти гроши, что нам давали, лишними никогда не были. Мы брали их и мирились со сложившимся в стране положением.

Осень наступила быстро. За нею подошла зима. Я уже не мыслил себя без Галины, Раисы Максимовны, детей – Миши и маленькой Маши. Мы были – семья – единое целое. В моем словаре почти исчезло слово «я» – везде в речи звучало «мы».

Все у меня было хорошо. Одно не давало покоя. Где-то недалеко жила тетя Люба хохотушка – сестра моей матери. Я, когда вырывался в Щурово, всегда находил время заскочить к Надежде Кондратьевне и никогда к ней. Тетю Любу я хотя и желал видеть, но игнорировал из-за слов, сказанных в мой адрес ее мужем дядей Ваней.

Мне нужно было себя пересилить, хоть и прошло время.

Я никак не ожидал встретить тетю Любу у Надежды Кондратьевны. Она часто виделась со старшей сестрой на рынке.

И надо же – встретил. Отметившись в районе на бирже труда, я решил побывать в Щурове. Мне не терпелось разузнать у тети Нади и дяди Володи, как они поживают, расспросить их о сельских новостях. Еще я хотел поговорить с дядей Володей лично, об инструменте и, если удастся – взять у него балалайку дяди Коли. Он давно уже на ней не играл. Балалайка могла мне пригодиться в качестве образца. Зимой работы было не так много, и я собирался попробовать свои

силы. Мне не терпелось самому изготовить инструмент.

В районном городишке я случайно, когда покупал для детей книжки, нашел самоучитель игры на балалайке, там же мне подвернулась под руку литература о работе с деревом.

Я был суматошным – во все влезал. Даже корову научился доить. Хотя мне все говорили – не мужицкое это дело. Теперь вот горел желанием заняться музыкой. Мне не давал покоя давний случай. Разбитый инструмент стоял у меня перед глазами. Работа над балалайкой должна была меня успокоить.

Подобно дяде Коле я научился вырезать игрушки. Для мишек, зайцев, птичек у меня всегда были припасены липовые чурки. Как-то раз я вырезал довольно приличные ложки. Галина, увидела их и похвалила.

Раиса Максимовна сама есть, не могла, ее кормил я или же Галина. Но однажды, не знаю, каким образом она сумела взять со стола мою ложку и долго ее мусолила в руках.

Зима была снежная. Дом моих родственников занесло снегом по самые окна, однако стараниями дяди Володи к нему вела широкая дорожка. Я, открыл калитку и торопливым шагом вошел во двор. На крыльце я увидел тетю Надю и рядом с нею тетю Любу. Я поздоровался. Любовь Кондратьевна увидела меня и ахнула.

– Ой, Коля-Коля-Николай, – скороговоркой выплеснула она мое имя. – Какой ты стал! – Подошла ко мне обняла и заплакала. – Тебя не узнать. Я слышала о тебе – настоящий

мужик. Вот бы увидела тебя Вера – твоя мать? Вот бы она порадовалась!

Любовь Кондратьевна собиралась уже уходить, но вернулась. Мы зашли в дом, сняли верхнюю одежду и сели у печи на стулья. Тетя Надя молчала, а вот ее сестра молчать не могла – не переставая, говорила и говорила. Ей нужно было выговориться. Она очень сожалела о смерти моей матери.

– Ну, зачем, зачем она такое над собою сотворила? Приехала бы... Здесь все было бы иначе.

«Отчего моя мать так ухватилась за Москву? – недоумевал я. – Бросила бы ее и уехала к себе на родину, и меня взяла бы. Здесь мы зажили!»

– Далась она ей – эта Москва? Смрад! Как там люди живут? – угадывая мои мысли, сказала Любовь Кондратьевна. – Я ей даже наш дом оставляла. Мы – это было уже после смерти твоего отца Владимира Фомича, царство ему небесное, перебрались тогда в Щурово. Она вот нас переманила, – показала рукой Любовь Кондратьевна на свою старшую сестру – тетю Надю. – Здесь как раз дом продавался, и мы его сторговали. Ты, знаешь, наверное, где я живу?

– Да-да, знаю, – ответил я.

Мне приходилось не раз проезжать мимо дома тети Любы, когда я возил на лошади продукты в дальний магазин. Смешно было, но я всегда старался держаться с противоположной стороны телеги, прячась за ящики с товаром, чтобы не дай Бог, меня никто не увидел, особенно я боялся попасться на

глаза дяди Вани.

– Дом, который мы оставили, был, конечно, развалюха, – продолжила разговор Любовь Кондратьевна, – но он еще бы стоял.

– Дом стал рушиться, – дополнила ее тетя Надя, – оттого, что в нем не было человеческого тепла.

– Да, ты права! Его порой – этого самого тепла и многим нам не хватает.

Любовь Кондратьевна все обо мне знала. От нее мне стало известно, что Александр, бывший муж Галины долго не мог успокоиться. Он никак не ожидал, что я могу так поступить и ждал того часа, когда Галина бросится к нему в ноги и будет его умолять, чтобы он разрешил ей вернуться.

– Ты Николай настоящий мужчина, – сказала мне тетя Люба. – Пусть теперь этот пьянчужка кусает себе локти.

Все, конечно, понимали, что я жил с Галиной гражданским браком. Фактически она была женой Александра. Дети Миша и Маша также были его. Девочка та быстро ко мне привыкла и стала звать папой, а вот мальчик нет – «дядя Коля» и все тут, как в тюрьме. Меня сокамерники так величали. Однако я готов был за Галину в огонь и в воду. Мы быстро сошлись. Такого взаимопонимания, наверное, не было даже между супругами, прожившими много-много лет вместе.

Ушел я от тети Нади довольным. Наконец лед тронулся.

Любовь Кондратьевна, перекрестив меня на дорогу, просила, чтобы я не обижался на ее мужа.

– Дядя Ваня такой не только к тебе. Старшего сына Григория, когда тот вдруг начал выпивать он просто выгнал из дома. Правда, после простил. Но это произошло не сразу. Григорий должен был измениться. Ты сейчас уже другой! Тебя он также простил. Так, что заходи, не брезгуй.

Окончательное перемирие с дядей Ваней у меня состоялось только весной, когда он вдруг приехал к нам в гости вместе со своей женой и сыном Григорием, тем самым которого однажды выгонял из дома, с тетей Надей, дядей Володей и Семеном.

Тот день мне запомнился. Была пасха. Мы только что позавтракали. Угощение было простым: яичница с салом и драниками – оладьями из тертого картофеля.

Едва мы вышли из-за стола, как с улицы послышался сигнал автомобиля. Я сразу же выскочил из дома, за мной следом Галина.

Глазам предстал старенький «Жигуленок». Из него стали выбираться мои родственники.

Дядя Ваня когда-то был высоким, плотным мужчиной, но время его высушило, согнуло. Однако, несмотря ни на что, сила у него осталась: он крепко пожал мне руку. Галина, поприветствовав гостей, побежала накрывать стол, но этого не потребовалось.

– Послушай Николай, собирайся, ты должен побывать на кладбище, – обратилась Надежда Кондратьевна, – тебе нужно знать свои корни. Да и Галине, если она для тебя жена.

Семен в Москве за могилой моей сестры, твоей матери следит, убирает ее. Здесь, мы должны заботиться об умерших, увидишь где покоятся наши родственники.

– Хорошо! – согласился я. Галина также была не против. Правда, мы не знали брать с собой Раису Максимовну и детей.

Наши затруднения разрешил дядя Ваня. Он предложил отправиться на кладбище всем. Но нас было много и все в машину вместиться не могли, поэтому мужчины, не считая Григория – он вел автомобиль пошли пешком, а женщины и дети забрались в «Жигуленок». В последний момент Галина передумала и выскочила из автомобиля. Она догнала меня и взяла под руку.

Я с Галиной шел неторопливо за дядей Ваней, дядей Володей и Семеном. Мы прошли вдоль улицы, пересекли дорогу и через школьный двор поднялись к кладбищу. Оно находилось на пригорке. «Жигуленок» уже стоял. Нас ждали.

Могилы наших близких людей требовали ухода. Я достал из багажника машины лопату и вместе Галиной поправил холмики. Теща сидела рядом на стуле. Его мы взяли специально для нее. Она стоять не могла. Отдав дань бабушке и дедушке Галины, мы пошли за Надеждой Кондратьевной вглубь кладбища, аккуратно обходя могилы.

Повсюду были люди. Они несли крашеные яйца, куличи, конфеты. Все это можно было увидеть на могилах.

Тетю Надю и тетю Любу узнавали. Раиса Максимовна

также здесь была не чужая. С ней здоровались. Заодно приветствовали и нас.

– Вот здесь, смотри Николай! – сказала, показывая рукой, тетя Люба, – захоронен твой дедушка Кондрат, а вот холмик рядом – бабушка Дарья.

Могилы были ухожены. Мои родственники часто их посещали. Это было заметно.

– А сейчас, – поймав взгляд Раисы Максимовны, сказала Галина, – идемте, я вам покажу могилу дяди Коли – жениха моей матери. Она, раньше до того, как ее парализовало, всегда за ней следила – убирала. Вот только последнее время года два-три мы на кладбище не ездили.

Я взял на руки Раису Максимовну, Семен подхватил стул и мы – тетя Надя, дядя Ваня, тетя Люба, дядя Володя... – все пошли за Галиной. Она осторожно повела нас в глубь кладбища.

– Вот смотрите, – остановилась Галина. – Здесь покоиться дядя Коля.

Надежда Кондратьевна ахнула:

– Люба, ты взгляни, чья эта могила? Это же нашего брата. А я все время думала, кто же это ухаживает за ней. Так – это, значит, твоя мать оберегала ее.

Моя теща у могилы расплакалась. Оказалось, что мой дядя Коля был тем самым парнем, которого любила Раиса Максимовна.

– Да жаль! – сказала тетя Люба, – жаль, что Николай умер.

– Не говори глупости, – ответила тетя Надя. – Его друг – мой жених, брат Чугунихи, также не дожил до нашего времени. Он, как и Коля спешил жить! Это судьба. Что написано, то и должно быть! Николай все равно бы умер, если бы не от болезни, так на фронте погиб. Всех наших парней из Варинова, кому исполнилось семнадцать лет, прятаящийся во время оккупации от фашистов военком, чтобы его не расстреляли, собрал и отправил без какого-либо обучения на фронт, под Гомель. Никто не вернулся, – и Надежда Кондратьевна перекрестилась. Я опустил голову и посмотрел на могилу. Из-под земли выбивались тонкие ростки зелени: «Жизнь, ее законы не изменить. Дядя Коля должен был умереть».

– Тетя Надя, – спросил я, – а фотография у вас брата, дяди Коли имеется?

– Нет у нас фотографии, – ответила тетя Надя... Тогда редко снимались.

11

Домой с кладбища я возвращался грустный. Моя подруга заметила мое состояние и решила меня наедине с горькими мыслями не оставлять.

– Я пройду с тобой, – сказала Галина и подхватила меня под руку. Мне пришлось согласиться с нею. Она вела меня по самой плохой дороге. Мне приходилось быть внимательным и постоянно отыскивать то там, то тут место, куда можно поставить ногу, чтобы ненароком не угодить в лужу.

После я догадался – Галина отвлекала меня – она все делала для того, чтобы я не «копался» у себя в душе, не мучиться, не переживал о прошлом.

– Тетя Надя правильно сказала по поводу преждевременной смерти брата – твоего дяди Коли – это судьба, – услышал я голос Галины.

– Она права, сто раз права. О прошлом нам не следует думать. Мы его должны оставить и жить настоящим, размышлять о будущем.

Я понимал, что для меня, для Галины и детей: Миши и Маши будущее важнее всего. Оно должно быть у нас счастливым. Мы его таким должны сделать. Мы, никто другой.

Дорога с кладбища домой у меня и Галины оказалась длинной – длиннее, чем у Раисы Максимовны, наших детей и гостей.

Дома Галина накрыла на стол. После обеда мы долго разговаривали. Но я был рассеян, ничто не помогало: мысли о судьбе дяди Коли меня не покидали. И тогда Галина вдруг ни с того ни сего достала балалайку, мою балалайку. Я, чтобы изготовить инструмент потратил не один долгий зимний вечер. Мне она удалась. Играть я, конечно, еще не умел, однако одну из мелодий все-таки озвучил. Дети прыгали от удовольствия, им моя музыка понравилась. Мне было важно, что скажет дядя Володя. Он потянулся ко мне и попросил:

– Ну-ка, дай мне свою балалайку!

Владимир Иванович покрутил ее в руках, осмотрел.

– Неплохо сработана, – сказал он. Затем провел пальцами по струнам и слегка подкрутил колки. Я ревностно следил за его действиями, опасаясь, что, если инструмент подведет, не выдержит проверки и развалится. Но все обошлось. Балалайка не развалилась, даже после того, как дядя Володя залихватски сыграл на ней русскую плясовую.

– На, свой инструмент, – сказал он. —Звук отличный! Это самое важное.

Владимир Иванович разбирался в музыке. Его похвала мне была приятна. Я не зря убил время – достиг, чего хотел.

Тетя Люба долго и внимательно наблюдала за мной, а, потом, не удержавшись, подскочила и обняла меня:

– Надя, Надя ты сто раз права! Мой брат, твой, и наш племянник – сын сестры Веры – все это он – вылитый Николай. Ты хотел посмотреть фотографию своего дяди, увидеть его? Зачем фотография! – обратилась она ко мне. – Посмотри на себя в зеркало. Ты там увидишь своего дядю Колю. Он мастер был делать балалайки. У него были золотые руки. Вот они, – и тетя Люба схватила меня за кисти. К ней подскочила тетя Надя. Затем подошли дядя Володя, дядя Ваня, Семен и Григорий. Они вместе стали меня обнимать, целовали, всхлипывали, вспоминая прошлое, думая о настоящем. От нахлынувших чувств, слезы у меня сами покатались по щекам. Я их не вытирал. Мне было не стыдно. Да и кого я мог стыдиться. Рядом все были свои.

Мы о многом поговорили в тот апрельский день – день

весны, праздника Пасхи. Мой двоюродный брат Семен хоть и был рядом, но сторонился – вел себя аккуратно, словно боялся меня случайно зацепить. Я понимал, отчего это происходило. Он жил в Москве в моем родном городе. Для меня же она – Москва была «заказана». Последние годы я даже не вспоминал о ней. А тут вдруг нахлынули мысли. Я не знал, как подойти к Семену. При всех расспрашивать мне было неудобно. Уже перед самым отъездом гостей я не удержался и, остановил двоюродного брата, он сидел в машину:

– Ну, как там?

Семен с минуту помолчал и ответил:

– Если честно тебе переживать нет необходимости. Москва – уже не та, что была раньше – без души. Алчность – правит городом. Человек там сам себе чужой. Сколько лет ты уже не был? Десять! Достаточно двух-трех и ты уже «за кольцевой» – не привыкнешь! Если нет близких, друзей – ложись и помирай. Ты, молодец. Ты нашел себя здесь! – Семен немного помолчал, а потом продолжил:

– Сразу же, как тебя забрали, я не удержался и побывал в квартире. Вещи я так думаю при заселении новых жильцов, просто выбросили. Я взял лишь только фотографии. Да, встретил однажды Анатолия или как там его?

– Тольяныча! – подсказал я.

– Да, Тольяныча. Он твоих собак пристроил, тех, которых ты выгнал. Одну из кошек взял к себе в дом.

День прошел быстро. На улице темнело. Раиса Максимов-

на устала, ей требовался отдых, я подхватил ее на руки и отнес в комнату. Галина принялась укладывать мать спать. Дети спать не хотели. Они были возбуждены и долго сопротивлялись, прежде чем улеглись.

Я долго не мог прийти в себя. Галина была рядом и все видела. Она понимала меня и не торопила. Я сам сказал ей:

– Уже поздно, пошли, что ли и мы на покой? Завтра рано вставать.

Лежа рядом на кровати, мы долго не могли сомкнуть глаза. Галина была напряжена. Я это чувствовал.

Неожиданно она забралась на меня, обхватила обеими руками, словно пытаясь удержать: в ее глазах я увидел страх.

– О чем ты разговаривал с Семеном? – услышал я тихий голос Галины. — Ты хочешь в Москву, к себе домой?

– Мой дом здесь в Варинове! – прошептал я. – У меня не хватит сил бросить, то, что мы здесь с тобой построили своими руками, чего достигли в этой жизни. Там у меня ничего нет! Ничего! – повторил я.

– Я, я, хочу тебе что-то сказать, – прошептала Галина. Ее глаза даже в темноте вдруг вспыхнули и загорелись ярким огнем. – У нас будет ребенок...

Заснули мы только под утро. Нас разбудили лучи солнца – весеннего, все пробуждающего, зовущего к новой жизни, жизни вместе друг с другом.

2003г.